Лейла Хугаева

Братья Хугаевы и второе осевое время

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-3
ББК 84-4
Х98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Хугаева Лейла

Х98 Братья Хугаевы и второе осевое время / Лейла Хугаева. — [б. м.] : Издательские решения, 2020. — 200 с.
ISBN 978-5-4498-3714-1

Эта книга написана на материале реальных событий. Название аллюзия к известному роману Достоевского «Братья Карамазовы». Автор вспоминает события двенадцатилетней давности. За это время многое изменилось. Главное теперь он инвалид в инвалидной коляске и анализирует события уже с позиции последствий, которые имели события двенадцатилетней давности. Несмотря на все несчастья книга завершается ссылкой на оптимистичную философию К. Ясперса, предсказавшего второе осевое время.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4498-3714-1
© Лейла Хугаева, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двенадцать лет назад, в 2008 году, не стало моего отца, Романа Ясоновича Хугаева. Он был очень одаренным человеком. Интеллектом, энергией, волей. Несмотря ни на что, — ни на трудности нищего детства, ни на плохое здоровье, ни на недостаточное образование, — он сумел стать настоящим человеком, продуктивным, конструктивным, положительным. Он любил литературу и мечтал состояться на этом поприще, но признал свое поражение. Он стал агрономом и приложил к своей профессии всю свою неуемную энергию. Он был не только хорошим агрономом, но еще и превосходным организатором. Он умел увлечь людей своим энтузиазмом и работа всегда кипела там, где был он. В 27 лет он уже руководил совхозом. Он поднимал хозяйства, высаживал сады, получал награды и грамоты. Он любил свою работу, любил людей, любил своих родственников. Пока он был жив он поддерживал связи со всем своим большим семейством, а их было девять человек, четыре брата и пять сестер. И везде куда он приходил слышался его громкий раскатистый смех, шутки, иногда жаркие дебаты. Он построил большой дом в своем родном селе для себя и просторный клуб для всего села. Он прожил жизнь с чистой совестью и умер честным человеком, который построил свою жизнь сам и помогал другим по мере возможности.

Прожить такую жизнь, когда ты вырос дичком в горах, очень трудно. Не каждый на это способен. Я уверена, что если бы отец начинал не с нуля, а получил воспитание и образование, он занял бы значительное место в культурной жизни своего времени. Он часто шутя называл себя гением, и мы смеялись вместе с ним, но он был гением в смысле природной одаренности энергией и мне понадобилось много лет, чтобы это понять.

Отец совмещал в себе волю руководителя и чувствительность поэта. Его сыновьями не родились такими одаренными как он. Обычными людьми со средними способностями. Старший сын унаследовал волю, двое других чувствительность.

Отец помог им выучиться, кому в Осетии, кому в Москве, но не уделил им достаточно времени. Они тоже росли дичком, почти также как он сам в свое время. И у них не было его одаренности. Они не смогли сделать того, что сделал в свое время он сам: преодолеть самостоятельно все препятствия и состояться как продуктивные люди. Неуемное честолюбие отца, которое у него проявлялось во всем, и в его восхищении литературой, и в его любви к театру, и в его профессионализме в поле, и в его любви к людям и умении их организовать, у Руслана превратилось в страсть к политике. Поэтическая чувствительность отца отразилась в способностях его младших сыновей, которые стали самостоятельно искать книги, знания, этического и эстетического развития. Я уверена, что они состоялись бы как интересные интеллигентные люди, и смогли прожить бы хорошие жизни, если бы в свое время их потребность в знании была удовлетворена, и их юность не омрачилась стрессом связанным с разводом родителей.

Однако, случилось то, что случилось. Стресс и нищета, в которой они росли, недостаток образования, культ силы, принятый в малокультурных обществах, все это способствовало тому интеллектуальному и нравственному сдвигу, который в конечном итоге привел к такой трагичной развязке. Тот корабль, который с таким могучим напором, энтузиазмом и радостью строил отец, вдруг дал пробоину и стремительно пошел ко дну.

ГЛАВА 1. ПОХОРОНЫ

Тогда все беды пришли одновременно, раздавив меня своей неподъемной тяжестью. Сначала я опубликовала книгу в московском издательстве «Спутник +»: «Переключи себе ток». Это было в 2008 году. Она до сих пор лежит в ленинской библиотеке, я проверяла недавно в электронном каталоге в интернете. А совсем недавно, в 2019 году, я ее переиздала в другом московском издательстве «Издательские решения Ридеро». Это дополненное издание называется иначе: «Романтизм и реализм, или Лелия и Леля».

После первой публикации меня чуть не убили. По крайней мере, совершенно очевидно была установлена слежка. Мне казалось, что поскольку в книге пострадавшая сторона я, то мне помогут восстановить справедливость. И только когда я увидела реальные следствия своей попытки разоблачить образовательную систему, и заявить об открытии психической энергии в обход этой системы, я поняла как горько я заблуждалась. Охота была объявлена на меня, на беззащитного ученого, посвятившего свою жизнь науке.

Я заметила слежку в Москве, во время очередного посещения ленинской библиотеки. Я стала писать и звонить во все СМИ, по всем адресам и телефонам, которые нашла в интернете. Потом, когда хотела заехать забрать уже отпечатанные 50 экземпляров (минус 16 копий в Книжную палату и библиотеки), поняла, что меня там ждут, и не поехала. Вместо этого я купила билет на ближайший поезд во Владикавказ и уехала домой. Я поступила правильно. Хоть это не остановило слежку, все же в Осетии им было сложнее меня поймать, по крайней мере, приходилось посвящать в это еще и местные органы власти, так сказать.

Книги забрал Роланд, младший из трех старших братьев, который тоже учился и долгое время жил в Москве, и прислал мне их во Владикавказ на поезде, через проводницу. Я пришла на вокзал с сильно бьющимся сердцем. Я уже замечала и в горо-

де постоянную слежку. Какой то лысый качок ходил за мной по пятам, причем всякий раз когда я оборачивалась, он смотрел не как все люди прямо перед собой, а так, словно маршировал на параде с «равнением налево». Пока я искала нужный вагон, я все озиралась и внимательно смотрела по сторонам. Мое внимание привлек мужчина в черной кожаной куртке с каменным лицом. Было видно что он пришел много раньше меня и ждал у того самого вагона, который я искала. Когда я прошла мимо него, я обернулась. Он поднял рацию и что-то сказал. Моя интуиция меня не подвела. Мое сердце забилось еще чаще, я с большим трудом заставила себя выполнить свою миссию до конца: взяла книги у проводницы и пошла искать такси.

Искать такси было особенно страшно. Как я могла знать, что не попаду прямо в логово врага. Я смотрела вокруг потерянными глазами, с ужасом вглядываясь в каждого предлагавшего свои услуги таксиста. Наконец я заметила, что одно такси готово отъезжать всего с одним пассажиром: «Возьмите меня тоже пожалуйста. Я заплачу, сколько скажите!». Они не смогли мне отказать. Уже в дороге, я постоянно оборачивалась, чтобы проверить, нет ли за мной слежки. И снова моя интуиция меня не подвела: за нами неотступно ехала белая девятка. Я тщательно записала ее номера на всякий случай, и попросила шофера не заезжать во двор дома, остановив машину между нашим и соседним домом. Когда машина остановилась, я спросила шофера что это за номера. «А номер региона какой там» — спросил он в ответ. «Что? Я не знаю. Это все цифры и буквы, которые были на номере машины». «Не может быть, — сказал он, — вы наверное не заметили еще номер региона». «Я очень тщательно несколько раз проверила. А что без номера региона не бывает номеров?» «Ну, может быть ФСБ», — неуверенно сказал шофер и я больше ничего не стала спрашивать. Я только оглянулась и увидела, что эта самая девятка вдруг стала делать странные движения. Они перепутали подъезд жилого дома с магазином в лицевом фасаде соседнего дома и припарковались там, прямо на асфальте для пешеходов. Потом, увидав свою ошибку, дернулись назад, и уже

больше не ожидая меня, уехали. Только тогда я вышла из машины, горячо поблагодарив водителя и переплатив ему за ожидание у дома. Мне все стало ясно.

Мы жили тогда вдвоем с отцом в этой квартире в районе ОЗАТЭ. У отца была еще квартира возле гостиницы Владикавказ, где мы жили с ним раньше, еще в мою бытность студенткой в СОГУ, но теперь он ее сдавал. Когда я поднялась, отца дома не было. Я схватила одну из присланных из Москвы книг, вызвала такси и поехала в Правительство Осетии, к Станиславу Кесаеву, которого очень хвалила моя сестра, бывшая его студенткой на юридическом факультете СОГУ, за ум и честность. Мне пришлось долго ждать, но на прием я попала. Я положила книгу ему на стол, сказала что он возможно знает моего отца, который тоже работал в правительстве в должности заместителя министра сельского хозяйства, что меня возможно хотят убить и возможно убьют за эту книгу, и что если так и произойдет, я хочу чтобы в республике знали об этой книге, об открытии психической энергии, и о том, кто и почему меня убил. Кесаев был очень удивлен, но виду не подал. «Успокойтесь, вы как то сильно нервничаете. Положите книгу там, на столе», — он указал мне на длинный стол, сплошь заставленный томами другой литературы. После этого мне стало немного легче, по крайней мере в республике будут знать о причинах моей смерти. Это конечно все были иллюзии, республике не нужна была ни я, ни мое открытие, ни тем более причины моей смерти. Впрочем, Кесаеву я благодарна за то, что он меня принял в тот день и позже, в 2015 году, накануне нападения на меня, меня примет его помощник. Да, я доживу до 2015 года. Позже, когда мне уже сломают позвоночник, и я выеду из реанимации Склифа назад во Владикавказ, Кесаев подтвердит по телефону, что книги мои, которые я передала его помощнику на приеме, он получил. Правда, заявление, в котором я писала об открытии психической энергии, и о противодействии властей, почему то не было зарегистрировано. Это были книги по теории психической энергии: «Власть и контроли или импотенция современной психоло-

гии», «Болезнь эго-девственности», «Россия между открытым и закрытым обществом». Станислав Кесаев подтвердил тогда по телефону, что его помощник передал ему их.

На следующее утро я засобиралась ехать в село, в Сунжу, где отец уже много лет назад, построил просторный дом с садом, чтобы пересидеть это тяжелое время там. Я вызвала такси. Мне пришлось ждать значительно дольше обычного. Когда наконец такси приехало, оказалось что машина другая, не та, которую мне сказал оператор по телефону. Я выглянула в окно и окрикнула шофера: «Машина поменялась!» Из машины вышел человек не кавказской внешности, скорее всего славянин, в очень хорошей спортивной форме, в щеголеватом шелковом черном костюме, открывавшем налитые бицепсы, и сдвинутой на глаза кепке. Он помахал мне рукой, чтобы я спускалась. «Я передумала!» — твердо сказала я, давая понять, чтобы он уезжал. Но он не подумал уезжать, упорно ожидая меня внизу у подъезда. Я набрала оператору: «Что это значит? Почему он не уезжает? У вас поменялась машина, а я передумала ехать! Пусть уезжает!» «Хорошо, только заплатите ему сорок рублей за приезд». Должна сказать, что ни до этого случая, ни после никогда не было случая чтобы приехала не та машина, которую указал мне оператор.

Когда этот странный тип вновь вышел из машины с низко надвинутой на глаза кепкой, подобрал сброшенные мной сорок рублей и уехал, наконец, восвояси, я обернулась и увидела крепко спящего отца. Мне стало не по себе. Я знала, как он меня любил. И вот за его дочерью приехали убийцы, а он бедняга спал, и будь у меня менее пытливый ум, я бы уже была в руках этих бандитов. Страшно подумать, что бы они со мной сделали. Я навсегда запомнила это утро, и безмятежный сон отца на фоне приехавшей за мной машины с бандитами. Как беззащитны мы были!

Мы с отцом в то время много говорили об этом. Он знал, что я опубликовала книгу, что за мной следят и очень переживал. Я переживала еще больше, я была сама не своя. Мне страшно бы-

ло попасть живой в руки к этим людям. Отец все видел, и очень нервничал, хотя старался не подавать виду. Однажды вечером, когда он ехал в трамвае на квартиру к своему больному старшему брату, его ноги ослабели, и он, спускаясь с трамвая, упал лицом вниз на асфальт. Он расшиб колено и попал в больницу. Ему прооперировали ногу. Его старший сын Руслан и младший сын Роланд ездили к нему в больницу, как это обычно бывает в таких случаях. Вскоре его выписали и он попросил отвезти его в Сунжу на период выздоровления. Я тоже поехала в Сунжу, чтобы быть поближе к отцу и подальше от тех людей, которые следили за каждым моим шагом. Отец очень гордился тем, что я вскопала весь сад, особенно потому что его сыновья наотрез в грубой форме отказывались работать в саду, когда он их просил. И он неловко прыгая на одной ноге, приковылял тогда ко мне в сад и с умиленной блаженной улыбкой смотрел на результаты моей работы. «Это трактор», — смеялась его любимая сестра Нуца, фамильярно хлопая меня по плечу.

Вот тогда то все и произошло. Однажды вечером, мы с отцом очередной раз имели долгую философскую беседу по поводу всего, что произошло и что еще могло произойти. Я уже не помню, о чем мы говорили, важно, что мы просто по душам поговорили. Бог дал мне возможность попрощаться с отцом. Я никак не могла предполагать, что это наш последний разговор. Напротив, он шел на поправку, находился уже в своем обычном приподнятом настроении. Утром следующего дня или через день, он собирался уже ехать домой, так как нога его уже почти поправилась, и надо было снимать гипс. Но он не дожил до утра следующего дня.

В девятом часу ко мне вбежал его младший сын Роланд и надрывным голосом сообщил: «Леля! Леля! Роман умер!»

Умер мой отец, а я осталась жить еще целых семь лет, вплоть до того дня, когда мне сломают в 2015 году в Москве позвоночник. Дальнейшее мое существование жизнью уже не было, хоть я и успела написать еще несколько книг, уже сидя в кресле. Мой отец умер в ноябре 2008 года, сегодня

начало 2020 года. Пошел двенадцатый год с тех страшных событий.

Все, что происходило в тот день на похоронах, для меня делилось на два периода. Первый, когда я была в шоке от полученного известия о внезапной смерти отца, — ведь он собирался ехать домой, начинать новую жизнь, он раздумывал жениться или нет, и меня спрашивал. Я сказала ему: «женись, кто-то должен за тобой смотреть». И второй период, когда меня осенило подозрение, что отец не умер, а был убит. Да, именно так, убит, как бы страшно это не звучало. Отец не отличался хорошим здоровьем, ему было за семьдесят (точной даты никто не знал, потому что в горах, где он родился, не было свидетельств о рождении). Он перенес тяжелую операцию на шунтирование сердца в 1998 году в подмосковной клинике у профессора Окчурина, того самого, который делал аналогичную операцию Ельцину. И после недавнего обследования, ему предстояла еще одна операция на сердце. Я была вместе с ним в Москве, когда ему сказали, что у него опять серьезные проблемы и без очередной операции на сердце не обойтись. Я тогда очень удивлялась его выдержке. Он часто голодал для очищения организма и тогда прилетел после суточного голодания. А на следующий день, не прерывая голодовки, отправился вместе со мной в больницу. Я помню, как врач посмотрела нам прямо в глаза и сказала, что без операции ему осталось немного жить. И помню, как я потеряла сознание. Отец с прежним самообладанием помогал засуетившемуся вокруг меня медперсоналу привести меня в чувство. Врач выписала ему курс подготовительного к операции лечения, и отец строго принимал все таблетки по указанной схеме. И вот теперь он вскоре должен был лететь на операцию в Москву.

С этой стороны все было весьма логично и правдоподобно. Он был болен сердцем, и потом еще эти неприятности с операцией на сломанном колене. Роланд, его младший сын, часто потом рассказывал, как отменную шутку, что отец попросил его убить себя, чтобы не мучиться. «Амар ма», — сказал он ему по осетински. Это было трогательно и наивно, потому что все мы

знали неистребимое жизнелюбие Романа, только склонность к поэзии и всегдашний юмор мог его подвинуть на такие патетические слова. И мы все смеялись этой шутке.

И менее больные люди внезапно умирают, не это меня озадачило в тот день на похоронах. Человек может идти на поправку, планировать лететь в Москву на операцию, а потом жениться, и вместо этого умереть. Мои сомнения начались после того, как мой двоюродный брат, Тамик, ныне покойный, обратил мое внимание на тот факт, что не было врача.

— А когда врач приходил?

— Врач не приходил.

— А как вы узнали, что он умер?

Я пожала плечами, оставаясь в том же умственном и эмоциональном ступоре, в который меня погрузило известие о внезапной кончине отца. И вдруг меня словно молния пронзила мысль, и я громко сказала:

— А врача же не было!

Тамик сочувственно на меня посмотрел и обнял, успокаивая. Он решил, что мне просто стало плохо. А я с этой минуты стала неотступно думать обо всем, что произошло, и мне уже не казалось это естественным. Я вдруг вспомнила, как соседи, беженцы из Южной Осетии, которых Роман поселил в заброшенной школе напротив нашего дома, которую он приобрел по сходной цене, говорили, что видели ранним утром (часов в 5 утра) машину, которая стояла у нашего дома. Они очень удивлялись столь раннему визиту, и теперь считали, что смерть Романа все объясняет. Однако никто не мог объяснить им, что это за машина стояла у ворот дома.

Чем больше я думала обо всем этом, тем больше, к своему вящему ужасу, я убеждалась в том, что все было совсем неестественно. Я бы много тогда дала, чтобы убедиться, что это пустые сомнения, но чем дальше, тем больше подтверждений я находила. И мне становилось так больно, что-то словно собралось в ком в моей груди, и разрывалось с дикой болью. Больше всего угнетала мысль о неотвратимости всего произошедшего. Дога-

дайся я немного раньше, и мой отец был бы сейчас живым. Вот какие мысли стали угнетать меня.

Я вспомнила, что Роланд, младший сын отца, встал в этот день необъяснимо рано. Обычно он не выходил из своей комнаты до 12 часов. В тот день он разбудил меня в девятом часу с известием о смерти Романа. С уже готовым известием, думала я. Откуда он знал, что Роман умер? Кто ему сказал? Он уверил нас, что встал утром, зашел к отцу и нашел его мертвым. Удивительно, что такой бред никому не показался странным. Как мог этот парень, никогда и нигде кроме похорон не видевший трупа, определить и диагностировать смерть своего отца? В лучшем случае он мог видеть, что ему плохо, очень плохо. Но ведь даже остановка сердца не говорит о смерти человека. Как же тут не врачу знать, что кто-то уже мертв? Когда мне сломали позвоночник, у меня остановилось сердце, наверное, я очень была похожа на труп, неужели Роланд мог бы сказать, мертва я или нет?

А об отце он именно это знал и настолько верил своему диагнозу, что пошел и открыл ворота, и объявил всему селу, что в доме «зиан», то есть смерть и похороны. На тот момент, когда он открыл ворота, как полагается при «зиан», в доме кроме него, меня, Нуцы и Ольги, другой больной сестры отца, никого не было. А Роланд уже знал, что отец мертв. Меня настолько ошарашило это сообщение о смерти отца, что тогда я прошла мимо всех этих нелепостей и не обратила на них никакого внимания. Я тогда сразу побежала в комнату отца, обняла его, стала целовать и трясти его голову, призывая проснуться. Он только начал холодеть, тепло жизни еще неокончательно ушло из его тела. И вдруг, когда я схватила его за голову, один глаз словно открылся, и я увидела застывшее в нем выражение словно прозрения, как будто он о чем то догадался или хотел в чем то предупредить меня. Это выражение его глаз окончательно меня шокировало. Я бессильно рухнула у его ног, обнимая его больную ногу и плача навзрыд. Роланд зачем то запирался в своей комнате и о чем то подолгу говорил со старшим

братом по телефону. Зачем надо было запираться, думала теперь я? Тогда мне казалось это естественным, потому что первой мыслью братьев после смерти отца должна была стать мысль о наследстве, и следовательно, они начнут интриговать и секретничать. Я помню как Мухтар, сын сестры отца, сказал, что не успеет Роман умереть, как они передерутся за наследство. Для всех было ожидаемым такое поведение. Но они сумели всех удивить. Ни одного из братьев, кроме Роланда не оказалось в городе. Руслан был в Москве, а Роберта, среднего сына Романа, если мне не изменяет память, это известие застало в Цее. Потом, когда я уже открыто обвинила их в причастности к смерти отца, они говорили мне, что их не было в Осетии. Но зачем были нужны все трое на месте?

Спустя какое-то время после того, как о смерти было объявлено официально, пришли две местные сельские медсестры с тонометром. Они при мне померили давление, послушали пульс, и записали где-то там у себя факт смерти. На этом все врачебное освидетельствование было закончено.

Потом меня выгнал из комнаты Роланд, сказал, что должны приехать те люди, которые анатомируют трупы. Опять таки не знаю, насколько это в порядке вещей, что его никуда не возили, а все сделали тут же, в сельском доме, с удивительной поспешностью. Я послушно вышла из комнаты. Даже если бы я хотела как то воспротивиться, у меня не было ни средств, ни полномочий вмешиваться в процесс. Тем более, если о смерти уже было официально объявлено, и люди десятками заходили в открытые ворота. Но на тот момент мне еще не приходило в голову, что что-то может быть не так. Потом приехала Ада, жена старшего брата Руслана, вместе с моей матерью Зоей, и я уехала с Адой в город на ее машине забрать какие-то вещи с квартиры Романа.

К тому времени как я вернулась уже приехала моя сестра с мужем, начали собираться родственники. Сестра была глубоко опечалена произошедшим, все последнее время она часто навещала отца в селе. Она сразу стала спрашивать про врача,

вопрос, который первым пришел бы в голову любому здравому человеку. «Никакой врач сюда не придет!», — сказал Роланд и закрыл собой дверь. Дискуссия была закончена. Теперь, после разговора с Тамиком, я стояла молча в стороне, наблюдая толпу людей, пришедших отдать последний долг усопшему, и думала о том, что все может быть было гораздо хуже, чем они думали. Я не хотела верить в это до последнего, но отказаться от своих сомнений уже не могла.

Я вспомнила, как Роланд в последнее время категорически отказывался играть с отцом в шашки, и бедный старик очень обижался на это, потому что раньше они часами смеялись за шашками вдвоем. Вместо этого он стал надевать капюшон от мастерки по самые глаза или запирался в своей комнате. Вспомнила, как меня несколько раз напугало внезапное отключение электричества в доме. Вспомнила, как Роланд настаивал на том, чтобы Нуца в эти последние ночи не спала рядом с комнатой Романа. Вспомнила, как Роланд и Роберт запирались в летней кухне и подолгу о чем-то говорили, при чем бросалось в глаза, что они приняли все меры, чтобы их не подслушали. Дверь была захлопнута наглухо, хотя обычно ее просто прикрывают или вообще держат открытой. Меня это тогда поразило, и я еще подумала, что если была бы возможность послушать их глупости, стоило бы это сделать. Но нет, к сожалению, послушать о чем они говорили было невозможно. Вспомнились вдруг слова Нуцы после визита Руслана, старшего сына Романа: «Куыд посторонний афта!» Она сказала все на осетинском, кроме слова «посторонний». Она вообще с трудом выговаривала несколько русских слов, и мне запомнилось это ее выражение. Я вдруг подумала о Нуце: может больше всех в эту ночь потеряла эта старушка, посвятившая своему брату жизнь. Отец обычно с умилением и какой то особенной нежностью в голосе говорил, что «Нуся пойдет прямо в рай». Эта истина казалась ему неопровержимой. Я вспомнила, что отец раздумывал жениться ли на Залине, девушке, которую мы все хорошо знали, и с которой он последние годы встречался. Вспомнила, что отец пока болел

с оперированной ногой в Сунже, специально ездил в город, чтобы заверить у нотариуса завещание. Он очень избегал темы смерти, и я знала, чего ему стоило решиться на этот шаг. Одно дело говорить о смерти абстрактно, другое дело предпринимать конкретные шаги на тот случай, когда тебя уже не будет. Он решился, он посмотрел смерти в глаза. Когда он приехал он был очень доволен и даже как то горд своим поступком. «Лейла, я сегодня сделал завещание у нотариуса! — сообщил он мне, когда я вошла в комнату и села по обыкновению в кресло напротив него. — Оно вон там, на шифоньере, возьми, посмотри!». Я отмахнулась. «Не надо, ты еще очень долго будешь жить. Даст Бог, я раньше умру. Ничего не хочу смотреть». И вышла из комнаты. Если бы я взяла в руки то завещание, может быть отец остался бы жить. По крайней мере, еще какое-то время. Ведь смысл того что с ним сделали, сводился к тому, чтобы договориться с нотариусом не показывать завещание никому, пока об этом завещании еще никто не знал. Потом он еще несколько раз заговаривал на эту тему, но я всегда отказывалась слушать. Отец отдал завещание на хранение Нуце, уверенный, что это единственные руки, которым можно полностью доверять. Однако, чьи руки могут быть более беззащитными, чем руки неграмотной старушки? Мои двоюродные сестры говорили мне на следующий день после похорон, что Руслан и Ада перерыли весь дом в поисках завещания, поскольку Нуца, по своему обыкновению, забыла то место, где спрятала непонятную ей бумажку. Конечно, ей сделали строгое внушение держать все в секрете. И конечно она повиновалась, интуитивно чувствуя, что это новая власть в доме.

И вот теперь все складывалось в стройную картину. Они испугались завещания, думала я. Роланд перестал с ним общаться накануне, чтобы хватило сил сделать это. Скорее всего, они подменили ему таблетки. Видимо и свет отключали для этого. Пока мы с Романом сидели в темноте в моей комнате, он зашел к нему в комнату и подменил таблетки. Роман принял очередную порцию таблеток на ночь и умер. Это был тот самый курс

лечения, который Роману выписала врач в Москве, и который он как всегда дисциплинированно принимал, готовясь к операции. Я вспомнила, как Роланд любил пересказывать шутку последних недель, как Роман попросил его убить себя, чтобы облегчить его страдания. Видимо так и пришла к ним первая мысль, подумала я. Они убедили себя, что сделали это не для завещания, а для того чтобы облегчить его страдания. А машина, которая стояла с утра у ворот дома — это тот самый врач, который приехал проверить действие таблеток, и сказал Роланду, что можно говорить о смерти Романа.

— Как живой, — вдруг сказала Тоня, дочь сестры Романа, которая сидела у гроба отца, — разве у него могло быть такое свежее лицо, если бы он умер от сердца? Наверное, это не сердце. Что врач говорит? — она просто сказала свои мысли вслух, причитая у гроба, не имея никакой задней мысли.

Мне стало совсем плохо. Я подошла к сестре и скороговоркой сказала свои подозрения, которые буквально душили меня: они испугались его женитьбы, они подменили ему таблетки, врача не было, его убили. Сказала и отошла. Я знала, что мои слова произведут эффект разорвавшейся бомбы. Сестра промолчала и ничего не сказала. Но потом подошла и строго меня отчитала: «Я понимаю, что тебе плохо. Всем плохо. Но чтобы больше я таких глупостей не слышала. Ты меня поняла?». У нее были опухшие от слез глаза, как и у меня, и я больше ничего не посмела ей говорить.

Однако я внимательно следила за происходящим. Я заметила, как вздрогнула Ада, жена Руслана, когда соседка-беженка принялась очередной раз рассказывать про машину, которая дежурила рано утром у наших ворот. Видимо она потом сделала внушение этой женщине, потому что после этого она перестала говорить об этой машине. Затем я обратила внимание, что руки отца были как будто ярко желтыми, и это привлекало внимание людей. Лицо тоже отдавало желтизной, но не так как руки. Люди тоже заметили это, думала я, значит, мне не показалось. И вдруг у меня на глазах подошла Ада и прикрыла кисти его рук шелко-

вым покрывалом. Я посмотрела ей в лицо. Она была уверена, что никто не понимал смысла того, что она делала. Когда она ушла, подошла женщина и открыла руки с возгласом возмущения. Через какое-то время снова вошла Ада и снова прикрыла его желтые руки покрывалом. Для меня это стало точкой, которая к моему собственному ужасу убедила меня в правильности моих подозрений. Но я понимала, что для других у меня пока нет ничего.

Я сидела в своей комнате, которая граничит с единственной в этом большом доме ванной. И вдруг услышала подавленный смех Роберта, второго сына Романа. Он смеялся, уверенный, что его никто не слышит. А между с тем с моей стороны его слышала я, а со стороны другой двери в ванну его слышала Тоня, которая хотела войти и не могла. Позже она рассказала об этом смехе Свете, своей родной сестре. «Представляешь, Света он заперся в ванной и хохотал», — сказала ей я позже, когда уже всем рассказала о своих подозрениях. — «Зачем он смеялся? Этот смех еще кто-кто слышал!» Она говорила осторожно. Потом они все вообще перестанут говорить на эту тему. И это понятно. «Тоня?» — спросила я. Я слышала, как она спрашивала с той стороны ванны, кто там. — «Да», — сказала Света.

Эта эмоциональная реакция как ничто другое говорит о его душевном нездоровье. Он не был злодеем из мультиков, которые совершают свои низкие преступления со злорадным хохотом. Он был в какой-то мере юродивым, как и его младший брат, и как и тот больше играл роль, чем жил. Их мучила с юношества мысль о своей несостоятельности, они искали Эго, как все кого раздавила «культура насилия», и не видели настоящего «я». Преступления вообще совершаются нездоровыми людьми. «У нас изменился статус», — сказал кому-то Роберт.

Никто не хотел верить мне или по крайней мер показывать, что они поверили, хотя все в свое время убедились в моей правоте. Аза, дочь брата Романа и моя двоюродная сестра, говорила мне тогда, что Роланд заехал к ней в тот день, когда отвез Романа с больной ногой к нотариусу. «Он оставил Романа

у нотариуса, а сам, чтобы не ждать заехал к нам. Смеялся и рассказывал, что Роман приехал заверить завещание у нотариуса. А потом через какое то время поехал его забирать». Это был нотариат Залины Агузаровой, в самом центре города, где находились обе квартиры Романа. Очевидно, что его чистую до этого поступка душу, не посещали те страшные мысли на тот момент, которые теперь привели к такой развязке. Он с чистой совестью рассказал Азе, что привез Романа к нотариусу заверить завещание. Однако, Аза тоже как все после первого шока разоблачения очнулась и решила, что такие неприятности ей не нужны. Соображения абстрактной справедливости ей были неинтересны. Зачем же ей было втягиваться в это дело и становиться свидетелем обвинения. Она взяла свои слова обратно. Никто к ней не заезжал и она не помнит, чтобы говорила, что-либо подобное. Она была не одинока. Так стали вести себя все, как только очнулись от первого шока. Света тоже считала это провокацией никому ненужного скандала и даже позора, и поскольку Роману уже ничем нельзя было помочь, то и величайшей глупостью. Для меня это стало не только вопросом чести, чести Романа, прежде всего, смерть которого взывала если не к отмщению, то хотя бы к разоблачению, но и вопросом безопасности. Я понимала, что если это первое большое преступление против совести сойдет им сейчас с рук, это будут уже другие люди.

Когда я увидела Роберта одного в комнате, я подошла к нему и спросила: «А где завещание?» «Что?», — сделал он вид, что не понял. «Где завещание?» «Не было никакого завещания». И он заулыбался предательской улыбкой, не в силах себя сдержать, или не считая нужным себя сдерживать. «Значит, я правильно все поняла. Это ваши черные души...» «Может и черные, ну и что», — засмеялся он разоблачено. Было очевидно, что он не понимает всю серьезность происходящего. Он часто говорит свои мысли вслух, не умея их скрывать, точно также как от души веселился проделке, которую они учинили. Без особого злорадства, просто как школьник, который удачно взорвал петарду

в общественном месте. И тогда, я не выдержала. Я схватила его за рукав и закричала:

— Роберт, зачем вы убили Романа? Зачем вы убили Романа? — я билась в истерике.

Он стал нервно хохотать. Это разоблачение поймало его врасплох, он был не готов, и не успел защититься.

— Ну, убили и убили, — сказал он оправдываясь, — козел он был!

Вот тогда я поняла, что это действительно правда, и мне сдавило горло от жалости к Роману, и от сознания величины горя, которое на нас свалилось.

Младший сын Руслана, внук Романа, тогда еще мальчик лет шести, услышал нас и стал громко плакать. Когда то я часто водила его в его любимое кафе. Я видела его сыновей уже взрослыми года четыре назад, они зашли проведать меня после травмы.

— Я вам это так не оставлю, — сказала я, падая в изнеможении на диван. — Я расскажу всем в селе, я постучу в каждую дверь.

— А он этого не боится! — Роланд тоже пришел к тому времени. Было уже поздно, все разъехались по домам. Оставались только мы и Нуца. Он старался хитрить, но я видела как он задергался и занервничал внезапному разоблачению, которого никак не ожидал.

— А ты почему встал в восемь часов? — повернулась я к нему. — Ты же обычно до двенадцати спишь. Отвечай. Почему не было врача? Как ты мог сам поставить диагноз? Как Романа, который лечился только в Москве и не доверял даже местным врачам, оставили на руках сунженских медсестер перед смертью?

Он не знал что ответить.

— Вы испугались, что он женится, — сказала я, посмотрев в глаза, вошедшему в комнату старшему брату. — Это вы его отравили. Вслед за ним вошла и Нуца, неграмотная старушка, раздавленная горем.

Она посмотрела на них дикими глазами, уверенная, что не понимает о чем идет речь.

— А как мы его отравили, если нас в городе не было? — Руслан спрятал глаза в пол, но держался уверено, почти нагло. Он и впоследствии спасет этой своей наглостью ситуацию, когда я подам заявление в прокуратуру. Он не юродивый, просто очень глупый эгоистичный человек. Тогда говорили, что он был весь в кредитах. Впрочем, я не проверяла этой информации, но о том, что он активно пользовался кредитами, знали все.

— А зачем там были нужны вы? Ты нашел препарат у твоих многочисленных знакомых. Отдал Роланду, тот подменил таблетки. — Вы крутые мафиози, да? — с издевкой спросила я. — Ничего не боитесь? Вы опустились до убийства? Перестали быть людьми? Неужели за те копейки, которые у него были? Неужели вот за это вы взяли на себя такой страшный грех? — я говорила еще эмоциональнее. Меня просто раздирала боль на части.

— Я заказчик, а он исполнитель, да? — он посмотрел мне в глаза со своей обычной наглостью.

— Да. — уверено сказала я.

Они молчали, понурив головы. Младшие косились на старшего брата, который был головой всего предприятия, и мозговым центром и эмоциональным. Он очень умело поставил их наконец под свое руководство. О, он бы нашел, что сказать, но это разоблачение пришло слишком неожиданно для всех. Они были уверены, что разоблачить их невозможно. А тут я, рассказываю им в подробностях, все что произошло. Я видела как Роланд, вообще психически неустойчивый, начинает терять почву под ногами. Он не смел поднять глаз или вымолвить слова, очевидно глубоко переживая. Руслан думал только о том, что мне известно, какие у меня могут быть доказательства, и как построить линию защиты. Роберт все еще пребывал в настроении бравады брошенного вызова и в эйфории своего «нового статуса» и с трудом понимал происходящее.

Я подошла к Нуце:

— Нуца! Они убили Романа! — закричала я ей на осетинском языке.

Она не поверила. Робко подняла глаза и посмотрела на них. Они все как по команде опустили глаза, не желая встречаться с ее убитыми горем глазами. Они сидели в черных траурных костюмах, которые специально приобрели к этому дню. Удивительно, они никогда ничего не делали вместе, и не носили одинаковых вещей со времен раннего детства. А тут вдруг три одинаковых траурных костюма, с одинаковыми траурными ленточками на рукаве.

И вдруг Нуца поняла, что это правда:

— Шагай? — тихо выговорила она (Правда?), не веря себя, и продолжать смотреть на них. Они молчали.

— Да, да, правда! — кричала я вне себя. — Видишь, они не смеют смотреть тебе в глаза!

Тогда она робко перевела глаза на меня: «Мамма шы джурыс? Аз магуыр дан», тихо произнесла она, словно чего то сильно испугавшись. (Зачем ко мне обращаешься? Я бедный человек). Действительно, подумала я, как я могла подумать, что она окажется способной на возмущение? Простые люди, воспетые Толстым, прекрасны только до границы обыденного существования, как только в их жизненное поле вторгается зло, давит и крушит все на своем пути по своему обыкновению, они моментально ломаются и подчиняются. Просто потому что у них нет душевной силы ему противостоять, нет и не может быть у невежественного человека, мускулы души которого остаются в зачаточном состоянии.

— Зачем вы это сделали? Чтобы спрятать завещание? Так я пойду в нотариат и возьму!

— Нет никакого завещания, — сказал Руслан. — Можешь спросить у нотариуса.

— Значит, нет. А как вы будете делить наследство? На пять частей? — теперь, когда Романа больше не было, а эти люди перестали быть мне родственниками, как никогда важно было быть независимой от них.

— Мы будем все делать юридически. — сказал Руслан.

— А как же совесть? Это же не ваше имущество, а Романа. Он всегда говорил, что оставит всем пятерым!

— Совесть это все херня, — сказал Руслан. — Мы все будем делать юридически.

— Так вы за решили его место занять? Бедный Роман! Власть отобрали? Заработай деньги и дели между своими детьми! А это деньги моего отца! Я всем расскажу, что вы сделали!

— И что ты сделаешь? — вдруг спросил словно очнувшийся от забытья Роберт. Он только начинал понимать спускаться с облаков эйфории на землю и понимать, чем им грозит мое внезапное разоблачение.

— Разоблачу вас. Пойду в прокуратуру. Ты готов меня убить, мафиози?

Он задумался и всерьез ответил:

— Нет, не готов.

— Ну тогда все. Вы проиграли.

— А я прямо сейчас разобью тебе голову. — начал он храбриться. Это было бы очень смешно, если бы не было так ужасно.

Я вскочила, взяла нож со стола и дала ему. Я не храбрилась, просто боль была такой сильной, что я даже не чувствовала себя живой. Все происходило словно в декорациях.

— Давай убивай, — сказала я, подкатав свитер и открыв свой голый живот. Роберт ухмыльнулся и опять сел на диван.

— Попробуй ее тронь, — сказал очнувшийся Роланд

— Вы что! Мой сын ебнется! — встал Руслан. За дверью послышалась детская истерика. Потом повернулся ко мне и сказал примирительным тоном:

— Вот тебе ключ от квартиры Романа, это будет твоя квартира! Ни о чем не переживай. Ада отвезет детей домой и приедет за нами. А мы пока пойдем, поговорим.

И они быстро, в спешке, которую может сообщить только паника, отправились в свою комнату на переговоры, плотно прикрыв дверь по обыкновению.

Я поняла, что у меня есть только эти полчаса, чтобы сбежать отсюда. Кто знает, на что могут решиться отчаявшиеся люди, которые еще полчаса назад не подозревали, что способны на это? Я схватила чемодан со своими документами, положила ключ в карман и побежала на остановку. К моему счастью, мимо ехал еще последний водитель маршрутки, ехал уже домой. Я отправилась к Мухтару, Тоне и Свете, и как мне не жаль было нарушать их покой, конечно, в самой эмоциональной манере рассказала все, что только что произошло. Света выслушала в ужасе, тоже не готовая пока защищаться и только эмоционально реагируя на весть о беде, которая случилась с Романом. Когда то они были неразлучными друзьями с Романом, потом они разъехались и редко виделись но они всегда оставались друзьями. Тоня была у себя в Октябрьском, Света жила с братом и с родителями: сестрой Романа и ее мужем. Раиса, сестра Романа, на тот момент уже почти не могла двигаться и говорить, так что ей даже не сообщили о смерти брата, которого она, как все, очень любила. От них я поехала к сестре и осталась на ночь у нее. Через час или два позвонил Роберт и принялся ругаться матом в трубку. Вот когда он окончательно проснулся и реагировал в своей обычной манере эмоционального недержания. Игра в зло была закончена, начиналась суровая реальность последствий и необходимости отвечать за свои поступки. К этому он конечно оказался не готов.

Сохранился рукописный черновик его завещания, который я позже нашла в его дневнике.

«Дневник. Дата на полях: 13.11.2007

Сегодня я склонен думать, что все-таки не дождусь выздоровления — умру. И вот моя просьба к оставшимся членам семьи:

1. Квартира на Коцоева будет принадлежать Лейле.

2. Квартира на Коста будет принадлежать Нусе (пока она будет жить).

3. Дом особняк на Герцена будет принадлежать Руслану и Роберту (Руслану 70%, Роберту 30%).

4. Сунжеский дом будет принадлежать Рулику (Роланду) и сестрам.

Если кто нарушит мою волю, тому не повезет в жизни.

Больше у меня ничего нет. Деньги, которые я должен получить от приставов пойдут на мои дела (ожидается около 200 тысяч рублей). Деньги в октябрьском банке тоже на эти цели, их тоже немного.

Пусть будет проклят тот, кто обидит Нусю, Олю и Лейлу. В моей жизни мне больше всех оказала помощь Нуся, спасибо ей. Из мальчиков больше всех проявил заботу Рулик (Роланд). Ему тоже большое спасибо. Самая талантливая из детей Лейла. Если она сохранит здоровье, то она будет знаменитая. Раде надо будет дать долю из наследства (— Роланд).

На эти мрачные мысли навело меня обследование, проведенное сегодня в РКБ (было исследование сердца, результат плохой). А все-таки поеду в Москву, а может, и не умру. Всевышний, помоги мне».

Отец настаивает на том, чтобы его воля была соблюдена. Это тот корабль, который он строил всю жизнь. Нелегко он ему дался и в нем весь результат, весь смысл его существования. Он хочет, чтобы его труды и начинания не пропали даром. Чтобы его сыновья, будучи неприспособленными, не остались без ничего, он не забыл дочерей и незамужних сестер. Он не забыл Нуцу, старушку, которая посветила свою жизнь заботам о нем и о доме, который он построил: он отдает ей трехкомнатную квартиру в городе, о которой она всегда мечтала. Он разделил все что имел между всеми, и ему важно, чтобы волю его выполнили.

Его сыновья не выполнили его волю. Он написал завещание и заверил его нотариально, настолько это было важно для него. Он сказал об этом мне. Однако после смерти Романа его сыновья заявили, что завещания не было. Более того, они заявили, что не намерены были считаться вообще с волей отца. «Мы все будем решать юридически», — сказал мне Руслан. Вот как получилось, что корабль Романа пошел ко дну.

Нуся, Ольга и Лейла — это я и две его незамужние сестры. Он выделил нас как самых беззащитных членов семьи. Он больше не сможет сам защитить нас, и хочет уберечь угрозой проклятия. Его восторженность наукой и литературой всегда тлела в нем, и он был очень счастлив и горд, увидев, какие ростки это его пристрастие дало во мне. Он не старался подавить меня, как делал Руслан например, который говорил, что мне надо «перекрыть финансирование», он помог чем мог моему развитию, и здесь прочит мне большое будущее. Сестра от наследства отказалась. Наследственные вопросы давно решены. Я пишу, чтобы отдать должное Роману, и восстановить справедливость.

Никто не был рад моему открытию, все предпочитали ничего не знать, а если знать, то делать вид, что они ничего не знают. Помочь уже было нельзя, а скандал грозил позором тем, кто остался живым. Так они считали, и начинали смотреть как на врага не на виновников беды, а на меня, за то что я разоблачила их и сделала очевидной эту беду для всех. Тогда только Мухтар и сестра меня защищали.

Я написала заявление в прокуратуру, что окончательно добило младшего брата. Его неустойчивая психики, стала неудержимо расползаться. Следователь в прокуратуре говорил мне, что Руслан буквально водит его за руку на допросы и все время старается быть рядом, чтобы контролировать его. Нуца мне сказала, когда я приехала за своими вещами: «Кауы, куыд чындчон чызг афта. Фасмон канны. Алкамандар дам хорз фаси» (Он плачет, как девушка на выданье. Раскаивается. Он для всех много сделал, говорит). Она сразу осеклась, словно что-то вспомнив. Нетрудно было догадаться, что ей сделали внушение и убедили ее ничего никому не говорить, а она невольно проболталась. Наверняка, Роланд когда расплакался все ей рассказал, и это сильно облегчило его душу. Уже много позже, когда меня привезли из Москвы парализованную и я впервые была вынуждена вновь общаться с братьями, он сказал мне: «Мне постоянно снился рыдающий Роман». И хоть он пытался сделать вид, что это было до смерти Романа и он просто рассказывает мне оче-

редной глупый сон, я поняла, что так проявился тогда психоз, который рвал ему душу угрызениями совести. И поняла, что это должно было быть очень страшно. Так примерно как было с Иваном Карамазовым у Достоевского, который сошел с ума, даже от косвенной своей вины. Но в отличии от Ивана Карамазова Роланд не стал каяться, и очищать свою душу обычными методами совестливых преступников у Достоевского. Он послушал Руслана и сделал все, чтобы забыть об этом, а сумасшедшей представить меня, то есть еще больше углубить свою вину и болезнь. Конечно ничего хорошего из этого выйти не могло. Через какое то время он заплатил деньги, чтобы лечь в психушку, и пробыл там две или три недели добровольно.

Мне трудно представить, что стало бы с ним и с Робертом, если бы я не разоблачила тогда эту мерзость. Тот факт, что все стало известно, что Роланд плакался на плече у Нуцы вплоть до ее смерти, что он искал искупления в заботах о ее старости и болезни, — все это стало возможно только благодаря тому хирургическому вскрытию страшного фурункула на их душе, который произвела я своим внезапным и отчаянным разоблачением. Они были потрясены, напуганы до смерти, но в конечном итоге смогли примириться сами с собой, и это самое главное. Тем не менее, они до последнего отрицали и продолжают отрицать свою вину, и обвиняют меня или в преднамеренной лжи или в помешательстве.

Когда мы все снова собрались в Сунже на второй день похорон, после моего разоблачения, это были уже совершенно другие люди. Мы приехали туда со Светой и Мухтаром, вскоре приехала и Тоня. Я помню как все три брата сбились в кучу на скамейке в саду и как они густо покраснели против своей воли. Да, они были моими родными братьями, и это был двойной удар для меня. С одной стороны смерть Романа и позор их поступка, с другой стороны глубокая жалость к их моральному идиотизму, от которой я никуда не могла деться. Но я знала, что если поддамся этой жалости, они меня не пожалеют. Роланд попросил Свету зайти к нему в комнату и о чем то с ней

говорил. «Он плакал навзрыд», — сказала она, выходя. Я не знаю, что он ей сказал, знаю только, что тогда уже родственники сговорились не давать ходу этому моему разоблачению и заставить меня замолчать. Тоня, не проронившая при мне ни слова, произнесла глубоко потрясенным тоном «Какой ужас!», лишь только за мной закрылась дверь. Мухтар рассуждал в машине, пока мы ехали в Сунжу, что скорее всего они подменили ему таблетки, — он никого не боялся вплоть до самой своей смерти.

Руслан, напротив, не терял времени на угрызения совести, а поставил вполне конкретную задачу доказать всем, что я сумасшедшая. Если надо, и лучше бы, запереть меня в сумасшедшем доме. Этим, как он полагал, он смоет с себя грязь преступления, и решит проблему. Вот человек, который вообще не видел проблему глазами Достоевского в Братьях Карамазовых. В какой то мере Братья Карамазовы предугадали эту историю. Даже общие психологические образы братьев: старший — необразованный сластолюбец, средний — умствующий студент и младший — религиозный фанатик. Было время, когда Роланд был поглощен христианской верой, он перечитал Евангелие на английском и немецком языках и всегда держал подле себя копию нового завета. Но в отличии от Алексея, он всегда очень стеснялся этой своей религиозной страсти, и никогда не посмел бы при людях, особенно «при пацанах» всерьез говорить о Христе или о своих чувствах к нему и к его учению. Где то в глубине души он считал это признаком своего увечья и по настоящему завидовал только образам настоящих мачо, дерзких, крутых парней. Когда Роберт называл его «монахом» при своих друзьях, он вовсе не хотел его обидеть, напротив, он говорил как человек, который хотя бы отдаленно познакомился на философском факультете с духовной культурой. Роланд же всегда воспринимал это как оскорбление и выходил из себя, так словно на людях сказали о чем то очень интимном и даже стыдном. Еще до всех этих событий, в самый разгар его христовой веры, он обратился ко мне с просьбой, которая в полной мере разоблачает нестабильность

его психического состояния: «Я не могу сам написать, но у меня есть сюжет. Мне слов не хватает. Я хочу писать сценарии для фильмов. Напиши мне. Сценарий такой: два брата близнеца, в детстве их разлучили. Один слабый неуверенный в себе, его все бьют и обижают. Другой выигрывает соревнование за соревнованием. И вот они встречаются». Понятно, что подобно Зите и Гите, сильный близнец должен был показать врагам слабого по чем фунт лиха. Свое истинное я, свою совесть и веру он видел слабостью и стыдился этой слабости, а образ мачо, раздутое Эго, считал своим недостижимым идеалом.

У Руслана общего с Дмитрием Карамазовым только этот общий облик необразованного сластолюбца. Когда он с нами в детстве откровенничал, он обычно рассказывал про женщин, с которыми имел дело. Там было бесчисленное множество историй, больших и маленьких. Он рассказывал, что к разведенным легче «подкатить», только надо игрушки их детям носить, что толстые тоже ничего, но потеют, что девушку в короткой юбке он проводил до дому и через день уже спал у нее, и тд и тп. Он называл женщин пренебрежительным термином «бабы», и мы привыкали думать, что «бабы» это что-то очень смешное и доступное. Потом у него было две жены, он единственный, кто женился из братьев. И тоже всегда обвинял отца в скупости и считал, что его обокрали. Какое то время он работал с отцом на его арендованных полях, но быстро ушел, заявив, что Роман ему ничего не платит. «У Романа есть один раб. Это я!», — шутил он при Романе, который добродушно смеялся его шутке. Но шутки вскоре кончились. Однажды отец положил на его счет 50 миллионов рублей. Это было в девяностые, я не представляю эквивалент этих денег сегодня, но и тогда это была крупная сумма. Руслан не задумываясь снял эти деньги, не спросив отца, и потратил по своему усмотрению. Он тогда уже жил с Адой, а они все делали вместе. «Я не хвастаюсь, — сказала мне как то Ада, — но Руслан без того чтобы посоветоваться со мной, ничего не станет делать». Отец был взбешен, но и тогда у него не хватило духу разорвать от-

ношения со старшим сыном. И позже, когда Роберт продал его Камаз, он тоже не нашел в себе сил поссориться с сыном. Он все им простил, хоть и говорил мне, что «не простит». Однако, ничего похожего на «благородство» Дмитрия у Руслана не было. Когда я сказала Аде, что глупо лезть в политику, если нет убеждений, если не хочешь посвятить себя людям, просто для карьеры. Она посмеялась надо мной, заявив, что так рассуждают больные люди. Если говорить о его «благородных» поступках, как-то Аза мне рассказывала: «Когда меня бросил муж и я сидела без ничего, он пошел к нему и принес мне тысячу долларов». Он не был чудовищем, просто нравственно тупым человеком. В детстве он трижды купил на свою стипендию нам путевки на море в санаторий своего института (он учился в ГСХИ), и эти поездки сделали наше детство. Но было и много другого, отрицательного. Ему никогда не пришло бы в голову сказать как Дмитрию Карамазову: «Неужели вы думаете, что если бы я сделал, я бы запирался?» (цитирую по памяти). Этой нравственной чувствительности у него никогда не было. Он ставил только одну цель перед собой: оправдаться во что бы то ни стало. И если надо для этого уничтожить еще меня, тем хуже для меня. Наверное, ему тоже надо было на это решиться, что то еще живое пересилить в себе, доломать воспоминания о нашем детстве, о «детях», как они нас тогда называли. В отличие от Дмитрия, он жил не любовным угаром, а страстью к политическим интригам, на которые у него уходило столько же денег сколько у других на женщин и рулетку. И он строго подчинял все свои поступки этой одной своей цели: подняться на вершину политической пирамиды во что бы то ни стало. И считал все средства оправданными для такой великой (в величии этой цели он не мог даже усомниться) цели. Моя мать впоследствии говорила мне (и всегда говорит), что Руслан ни в чем не виноват, он просто взял на себя после смерти отца ответственность за семью и должен «всеми руководить». Это конечно его слова. Его стремление «руководить семьей», его способности и задатки очень проявились именно

в том, как он организовал жену, братьев на участие в тех похоронах отца. Чтобы привлечь Роланда ему надо было раз и навсегда развести его с его христовой верой, это было очевидно. И вот, Руслан объясняет Роланду (подсознательно чувствуя что будучи теперь авторитетом в глазах брата он имеет на того большое влияние), что Христос это чужой еврейский Бог, ложь и обман наивных. А наш, осетинский, языческий бог, совсем другое дело, — тот помощник осетинам во всех их благородных начинаниях. Ведь почитание ограничивается несколькими магическими ритуалами на природе с жертвоприношениями, пирогами и аракой, — так что трактовать его волю можно так широко, как будет удобно. Собственно, каждый трактует по своему. И действительно, Роланд с готовностью отбросил Христа, обвинив его в своей слабости. «Если бога нет, то все позволено», — эта ключевая фраза «Братьев Карамазовых». Правда впоследствии мать несколько раз упоминала, что «Роланд чуть не убил Руслана» в одном из своих припадков ярости, которые впрочем, у него также быстро проходили, как начинались. Я тогда подумала, что Роланд злился на отца за то, что тот якобы его подавлял, хотя тот сделал для него больше чем можно было, — от оплаты учебы в институте в Москве, аспирантуры и кандидатской диссертации и до квартиры в Москве, — а на самом деле его уничтожил тот, кто, как он считал, спасал его от пагубного влияния отца, его старший брат. Интересно отметить, что жена Руслана Ада напротив после смерти моего отца ударилась в христианскую веру, и стала аккуратно посещать воскресные собрания пятидесятников. Но ее он не счел нужным отговаривать. «А как же Ада? — спрашивала я позже Роланда, уже, когда я лежала парализованная, а он проклинал при мне христианство. — Вы с Русланом не любите Христа, а она такая верущая?». Он не знал что ответить, а недавно как мне сообщила мать, опять вернулся в лоно христианской церкви.

Наверное этот цинизм давал ему силы, которых не было у его братьев, совсем было растерявшихся после моего внезап-

ного вмешательства в их планы. Он действовал по четко сработанному плану: представить меня сумасшедшей и посадить в сумасшедший дом. Там он рассчитывал на действие нейролептиков, которые разрушат мой мозг уже по настоящему и задним числом оправдают его диагноз, а меня сделают впредь неопасной для него. Поэтому Руслан нашел мою книгу «Переключи себе ток» и показывал следователю и всем кто сомневался в моей невменяемости самые откровенные места в этой исповеди, начиная обычно так: «Эта проститутка...». Он нашел психиатра, и пытался убедить ее поставить мне диагноз заочно.

Что до меня, то на тот момент я ничего этого не знала. Я тогда жила в квартире погибшего отца, и отказывалась от всякого диалога с братьями. Зато мать постоянно и настойчиво упрашивала меня взять заявление из прокуратуры, и в конечном итоге мне стало невыносимо ее безутешное горе, и я написала другое заявление, аннулировав первое. Я также чувствовала ответственность перед родственниками, которые боялись позора и, что я сама не смогу перенести, если братьев по настоящему накажут. Мне по прежнему было их жаль, и я ничего не могла с этим поделать. Я написала второе заявление, попросив не рассматривать первое. Они оба должны быть в прокуратуре в Октябрьском. В первом я тоже никого открыто не обвиняла, просто перечисляла факты, от машины у ворот до врача, которого не было, и просила об эксгумации.

Однажды ко мне на квартиру пришел Роберт, принес торт, фрукты, соки, и предложил мне сделку.

— Ты знаешь, — сказал он, — что теперь все против тебя? Все сговорились поместить тебя в психушку. Не только Руслан и Роланд. Но и Аза и Света и Тоня. Даже твои подруги Лейла и Стелла против тебя. Все боятся позора, разве ты не понимаешь?

— Я в это не верю. Они знают, что вы сделали.

— Мы ничего не сделали. А ты с нами что сделала? Ты представляешь, что мы пережили за это время?

— Ты когда-нибудь думал о том, что Роман переживал там один в эту ночь? Когда он понял, что умирает и Почему он умирает? Ты представляешь себе, что вы заставили его пережить?

— Верь не верь, так и есть. Я тебе предлагаю заявить публично, что ты ошибалась, что тебе стало плохо после смерти отца, что это была галлюцинация. И отказаться от наследства.

— Я никогда этого не сделаю. Забирай свои подарочки и уходи отсюда.

Это был с его стороны жест доброй воли. Он не был прожженным негодяем. Он считал, что должен прийти и дать мне шанс решить все мирно. Он меня предупредил. Эту ночь я уже не спала. Я бросилась собирать вещи и в пять часов уже была на пути в аэропорт. Но первый самолет был только в одиннадцать, а поезд на Питер через Москву шел в семь или около того.

Мое путешествие на поезде в Москву можно было бы опустить, если бы не моя уверенность, что в поезде на меня готовилось покушение. Фактов у меня никаких нет, кроме того, что для меня открыли специальную кассу, позвали специального кассира, и что к этой же кассе подошел человек, очень похожий на военного в штатском и взял билет прямо напротив меня. Никто на меня открыто в поезде не нападал, если не считать что директор поезда лично следила за моими передвижениями по поезду, не раз проверяла мой билет и строго запретила менять место. А когда я наконец заподозрила неладное и попросила ее громко сказать свое имя, чтобы все пассажиры слышали, она сорвала бейсик с именем со своей груди. И еще того обстоятельства что проводница подходила к моей койке и толкала меня руками на нее: «Ложись тебе говорят!», когда я настаивала на том, чтобы мне позволили поменять место. Да, я решила, что меня и того человека положили друг против друга на нижних полках неспроста: весь день он лежал лицом к стене, и только вечером проснулся и стал внимательно меня разглядывать. Мне некогда было выяснять, ошибаюсь ли я в своих предположениях: ошибка грозила смертью. Я встала и учинила скандал: где это видано, чтобы пассажирам не разрешалось ме-

нять места в поезде, если много свободных мест. Стала громко, на весь вагон выкрикивать имена директора поезда и проводницы. Директор поезда сорвала бейсик и спрятала. «Вы служащая вы обязаны носить бейсик! — кричала я на нее. — Почему вы прячете от людей свое имя? Вы не у себя дома, вы обслуживаете целый поезд с пассажирами!» Потом, я выбежала на ближайшей станции и нашла другой поезд, который тоже ехал в Москву. Он стоял всего две или три минуты. Представьте себе, проводница загородила мне грудью дорогу: «Куда?». Но со мной этот номер не прошел. «Какое ваше собачье дело? Ну, счастливо вам доехать!». У этого человека багажа был всего один мешочек за плечами. Я отправилась прямо к Залине, девушке Романа, она тогда работала бухгалтером в Москве. Какое то время она жила у меня, потом какое то время я жила у ее друзей. Я набрала ей, она сказала мне адрес новой съемной квартиры. Там меня быстро нашел Руслан. Тогда, когда он подселил мне тех гражданок, которых выселил Роман, я уехала спасаться к Залине. И потому теперь он знал, где меня искать. Он сразу подумал о Залине, набрал ей и встретился с ней. Я ушла прямо в ночь и провела ту страшную ночь на вокзале. Я позвонила Зое, сестре, попросила денег. Зоя нашла Тосю, которая чудом оказалась в Москве, на квартире у внука. Она меня и приютила на целый месяц. Должна сказать, что за время учебы и работы в Москве, я десятки раз ездила поездом, но ничего подобного со мной раньше не случалось.

ГЛАВА 2. ОТЕЦ

Отца братья запомнили очень сильным, преуспевающим человеком. Всегда начальник, всегда на служебной машине с водителем, всегда в центре обожающей его толпы мужчин и женщин, всегда щедро раздающий мешками провизию. Конечно, он стал их кумиром. Они были уверены, что и они вырастут и станут такими же сильными. И отец поощрял в них эти крепнущие амбиции, потому что сам вовсе не считал себя сильным и состоявшимся. Напротив, он считал что его жизнь погибла вместе с меч-

тами состоятся как ученому. И он хотел компенсировать этот свой провал, воспитывая в детях амбиции. Я помню, как он мне говорил, что слышал как по радио хвалили мою одноклассницу, считая что зависть стимулирует мой энтузиазм к учебе. А я итак всегда была отличницей. Также он старался и с ними, пробудить в них честолюбие всеми возможными методами, но в конечном итоге преуспел только в пробуждении тщеславия.

При этом он оставался очень скупым человеком. Он вырос в горах на лоне девственной природы и не знал что такое нищета в ее социальном значении. Горцы все нищие, но это нищета животных, обладающих роскошью горской природы. В цивилизованном мире нищета приобретает другое значение и переносится иначе. Роберт говорил мне, что труднее всего было пережить этот контраст между громовым успехом в селе Романа, и постоянной нищетой, в которой приходилось жить. «Если бы я был просто бедняк, я бы и не страдал. Больно было, что мы дети Романа и все много от нас ждут, а у нас ничего нет». И хотя позже Роман отдаст им все что заработает, они до конца жизни будут винить его в том, что он сломал им жизни, развив комплекс неполноценности в юности. Отец, в свою очередь, всю жизнь сокрушался в том, что из них «ничего не вышло». Помню, я сочинила небольшую рифму на эту тему, и он только добродушно улыбнулся, ничего не сказав мне в ответ. Роман был умным человеком, и понимал, что в молодости увлекшись работой и жизнью, действительно не уделил достаточно внимания своим детям. К тому же его всегда умиляла легкость с которой я могла формулировать свои мысли. Эта рифма звучала так: «Родил Роман на свет детей, а сам пошел гулять. Я жду из них больших людей, пока бы мне поспать. И вот Роман уже седой, не может он гулять. Трясет больною головой, как ненормальны стали все пять?» Я иногда радовала его такими четверостишиями: «Слышен шелест, слышен звон, кто же это, кто же он? Это добрый наш Роман, прячет денежку в карман». Он смеялся как ребенок. Все что Роман заработал и что сделало ему имидж богатого или состоятельного человека (богатым он конечно никогда не был),

он заработал своим профессионализмом как агроном. В 90-е годы он взял землю в аренду, и выращивал каждый год богатые урожаи. Я помню его знакомые пытались повторить его опыт, но на их полях ничего не росло и они вынуждены были вскоре все бросить. А у Романа всегда были цветущие поля. Конечно, но не был одинок, но не так много людей заработало тогда деньги на арендованных землях.

Если смотреть поверхностно, то может показаться, что пророчество Достоевского сбылось и в образе отца Карамазовых. Федор Павлович был бабник, болезненно скуп, шут и пьяница. Отец совсем не пил, даже не переносил запах спиртного, но имел славу соблазнителя, а также очень скупого человека. Он не был шутом в том смысле как показал Карамазова Достоевский, но в нем был какой-то внутренний артистизм и очень хорошее чувство юмора, которые и склоняли его балагурить.

Я расскажу несколько случаев. У него было много смешных фраз и разных прибауток, которые он любил повторять по случаю и без случая, таких например как: «мы с тобой как рыбка с водой», или «я вас всех блядей насквозь вижу», или «я и моя жена идем туда-то», или «моя жинка золотая», «блядь буду, курва буду, не забуду мамочку родную», нарочито ехидное «ки-ки-ки-ки», когда он хотел подчеркнуть, что смеется над кем то. Он часто напевал просто когда у него было хорошее настроение: «девки в озере купались, я на камушке сидел, девки как-то показались, и я с камушка слетел». Он любил Есенина, знал много его стихов наизусть и часто напевал его стихи «Ох ты Русь моя родина кроткая, лишь к тебе я любовь берегу», «мне осталась одна забава, пальцы в рот, да веселый свист». Безо всех этих прибауток, напевов, рифм трудно вообще было представить Романа. Одно время у него на улице Герцена (где он купил жилой дом и перестраивал его в частное производство) работал Палуш Хугаев, друг его детства, недавно приехавший с южной Осетии, хирург по профессии, который таким образом подрабатывал денег. Почтенный старец, который несколько позже умер прямо на рабочем месте, во время вы-

зова к пациенту. Он часто заходил за Романом, и они вместе отправлялись на Герцена. В один из таких дней, когда пришел Палуш, я спросила Романа, куда они идут, потому что Палуш пришел с корзиной, и теперь пил с Романом чай на кухне. «Я и моя жена, — сказал Роман в обычной для него актерской манере, — идем на базар». Я бы не обратила никакого внимания, потому что «я и моя жена» Роман говорил всегда, даже если шел куда-то один, или с нами, например. Но вдруг Палуш резко поднял голову и полным достоинства тоном счел нужным расставить все точки над «и»: «Я не твоя жена!», — громовым голосом отчеканил несчастный старик. Ни я, ни Роман никак этого не ожидали. Мы смеялись так искренне, что Палуш обиделся и ушел, несмотря на все извинения и объяснения, и мне потом было очень неудобно от него. Роман часто рассказывал, что его отец был очень богатым человеком и владел чуть ли не целой улицей в Тбилисси в царские времена, а потом их раскулачили и они вынуждены были бежать в горы. «Но и там у нас была прислуга, которую мы взяли с собой». Я не знала, где правда, а где выдумка, потому что в горах они жили очень бедно, как все горцы, и об этом он мне сам часто рассказывал. Позже, когда у меня уже была грузинка Саломе, которая помогала мне после травмы позвоночника, я узнала что многие слова, которые я считала осетинскими и которые я узнала от Романа и Нуцы, были на самом деле грузинскими, даже имя Нуца это грузинское имя. Однажды, когда он был в горах в хижинах местных горцев, он в свойственной ему манере, принялся рассказывать о служилых людях в его семье, и так увлекся, что сказал беседовавшему с ним гордому горцу, что как раз люди его фамилии служили у его родителей. В ту же секунду он оказался на волосок от смерти: горец выхватил кинжал и приставил ему к горлу. Роман побледнел, но нашел в себе силы спокойно извиниться, и сказать, что тот его неправильно понял. Но этот случай не мог умерить его страсть к розыгрышам. Как то его племянник, сын сестры Нади (всего их было девять человек, четверо братьев и пятеро сестер, на сегодня все умер-

ли), который был тогда судьей, засудил какого то бедного крестьянина за кражу барана. Тот пришел просить Романа помочь ему пересмотреть дело (он не знал, что Мурик его племянник), и Роман его пожалел: годы в тюрьме за одного барана показались ему несправедливостью. Он обратился к каким-то своим знакомым в республике и дело пересмотрели, а крестьянин зарезал барана и принес шашлыки в благодарность Роману, который тогда как и Мурик жил в Сунже. В тот вечер я пригласил Мурика, рассказывал мне отец, покатываясь со смеху, — и угостил шашлыками. А когда он спросил откуда, я ему рассказал и он пулей вылетел из дому! Так по крайней мере, мне рассказывал историю Роман, и видно было, что она его сильно забавляла. Мурик и Тамик, сыновья его сестры, выросли почти у него на руках, и он считал, что может себе позволить такую фамильярность. Другая история связана с сыном другой его сестры, Нины. Как то в том самом сунжеском доме, после плотного обеда фасолью, зашел спор у них о том, съест Эдик буханку хлеба или не съест. Тот сказал, что если захочет съест, но он просто не хочет этого делать. Отец вытащил и положил красную советскую десятку: съешь — она твоя. И тогда Эдик, превозмогая себе, будучи уже сытым, действительно съел буханку черного хлеба, нарезав ее предварительно на мелкие кусочки и очевидно мучаясь. К счастью, остался цел и невредим. Отец мог бы и так отдать эту десятку человеку, который шел ради нее на такие жертвы, но в данном случае, ему был интересен азарт. Однако больше всего он любил детей, и разыгрывал больше всего именно их. Он мог часами говорить с детьми и ему нисколько не надоедало. Своим внукам он рассказывал про «белого медведя», которого он приведет к ним и громко смеялся их робким протестам, обыгрывая разные ситуации с медведем. Он мог подолгу рассказывать им подробности о клыках и когтях медведя и о том, что тот не сильно их укусит, если Роман его попросит, «только за жопу и все» и опять разряжался громовым хохотом. Дети впрочем не боялись, потому что тон отец всегда выбирал безошибочно в общении

с детьми, так что какие бы страшные картинки он не рисовал, они обычно смеялись вместе с ним. Я помню это и по себе. В наше время он предпочитал медведю «черножопого негра» и «большой мешок», в котором он продаст меня этому злосчастному негру. Мне было неуютно и я по сей день помню эту жестокую сказку, но я видела что он от души смеется и знала как он добр ко мне и мне в итоге не было страшно. Аза, дочь его брата Хазби, рассказывала, что когда они были маленькие, отец приезжал к ним в Октябрьское, и если была зима считал своим долгом намылить их снегом, а потом громко смеялся их возмущению. «Тогда я подкралась и засунула ему снег за шиворот!». Однажды Роман и Хазби принесли ей большую куклу, и сожгли ей спичкой нос с тем же громким весельем. В этом ребячестве был весь Роман. Я помню, как он отобрал у меня велосипед, который я купила уже лет в 27, просто потому что вдруг вспомнил детство и с видимым удовольствием и детской улыбкой на губах катался со мной по очереди по вечерам.

Его шутки были безобидны как можно видеть, и говорили только об артистическом даровании. Он с детства обожал поэзию, и знал много стихов наизусть. Свои первые стихи он посвятил красавице однокласснице с длинной черной косой «до жопы», как рассказывал мне Роман. Стихи были написаны на осетинском языке, он мне несколько раз их читал, и я нашла их прелестными, но ничего кроме слова «сталы» (звезда) не запомнила. Девочка выслушала его искреннее посвящение, потом развернулась и отвесила ему звонкую пощечину. Он всегда смеялся, когда вспоминал о первых уроках романтики. Позже он встретил ее на базаре, торговавшей овощами и фруктами, потерявшую былую красоту за хлопотами тяжелой жизни. Он любил русских классиков — Толстого, Лермонтова, Пушкина, Есенина, Добролюбова, Достоевского. Знал наизусть стихи Коста. Бесконечно гордился своим родственником, Георгием Хугаевым, возглавлявшим тогда осетинский театр и много сделавшего для этого театра. Георгий каждый раз откладывал для Романа билеты на очередную премьеру и это всегда было

праздником для Романа и для нас с сестрой, потому что мы ходили туда вместе. И искренне смеялись. Роман умел искренне и глубоко, взахлеб смеяться, так что на глазах выступали слезы, а голос пропадал. И это были самые счастливые минуты в нашей жизни. Георгий и Роман искренне гордились достижениями друг друга. И хотя отец знал, как много сделал в агрономии, поднял несколько хозяйств, например, он ни во что не ставил свою деятельность рядом с успехами Георгия в театре. Ему всегда казалось, что его жизнь прошла мимо него, что он не сделал ничего из того, что мог бы сделать.

Что касается его славы донжуана, то тот кто знал отца понимал как натянуты эти слухи. Наверное он преуспел немного, когда работал председателем колхоза в Сунже или другом селе. Я ничего об этом не знаю, он никогда ничего не говорил, а что я видела вокруг него уже когда повзрослела было просто самое наивное умиление перед всеми сколько-нибудь привлекательными женщинами, так что сразу чувствовалась его беззащитность и беспомощность перед ними. Пожалуй, будучи взрослым, он не сделал большого прогресса от истории с оплеухой, которой его наградила одноклассница. Он мне рассказывал, что в бытность свою студентом философского факультета Ростовского университета, он снимал комнату в еврейской семье: мать с дочкой. И поскольку он был красивым и очень скромным, стеснительным парнем, любившим поэзию и литературу, он заметил, что он понравился и матери и дочери. «Дочка была очень умная и очень красивая, — говорил мне отец с восхищением, — никогда я не мог выиграть ее в шахматы». Дочка была так хороша, что он почувствовал свою неполноценность. «И вот однажды утром, я ушел в университет, взял с собой только необходимые вещи и больше не вернулся туда. Книги, все оставил. Сбежал. Какой дурак я был!» Это не слова донжуана. Потом уже после развода с моей матерью, он так и не смог снова жениться. Помню, он мне рассказывал еще одну смешную историю, как какая-то «дигорка», с которой он встречался, узнав, что у него пятеро детей «вызвала меня и разделала под орех. Я испугался, так она

на меня кричала. Чтоб, говорит, больше близко не подходил». Он шутил, но я видела, что ему неприятно это вспоминать. Я помню другой случай, когда соседка, проживавшая в соседнем доме, решила его на себе женить, — дородная женщина в летах (впрочем моложе него), которая много тратила на свою внешность. Она вдруг сдружилась с соседкой Романа на лестничной площадке, стала часто заходить к ней, попутно встречаться с Романом, передавать ему приветы, а потом и подарки. Платья, духи, косметика, прическа — все чтобы поразить мужское воображение. Роман только смеялся и говорил что до смерти ее боится: «Она мне в мамы годится, — говорил он нам с сестрой. Боже спаси и сохрани. Она один раз даст, и я упаду и уже не встану! Посмотрите, какая она здоровая! Мамочки мои!» Это была постоянная тема для шуток, впрочем с ней Роман всегда держался исключительно вежливо. В последние годы своей жизни он встречался с врачом, очень стеснительной замкнутой женщиной, и с той девушкой, бухгалтером по профессии, которую мы с сестрой хорошо знали. Обе были порядочными женщинами. Впрочем, моя мать до сих пор уверена, что большего распутника не рождала земля.

В отношении скупости больше справедливости. Он, конечно, был прижимистым человеком. Но хочу сразу оговориться, что его скупость касалась только его денег, в остальном он всю жизнь снабжал своих родных, друзей, знакомых, соседей, мешками фруктов, овощей, кукурузы, словом всего того, что бывало в его распоряжении как руководителя крупными сельскохозяйственными предприятиями. Как то он мне пожаловался, что устал всю жизнь снабжать всех, и я сказала ему в ответ: лучше отдавать, чем просить. Он задумался, и вынужден был со мной согласиться. Совсем недавно, когда я уже со сломанной спиной лежала в его квартире, где теперь живет Зоя, соседка Романа, Роза, хвалила мне его, сколько мешков кукурузы и чего то еще он ей давал, и как им трудно было его потерять.

Скупость в деньгах другое дело. Нам приходилось выпрашивать деньги на самые необходимые вещи. Когда я где то в кни-

гах читала, что «Сомс выдал деньги Флер на весенний гардероб», мне казалось это неправдоподобным. Чтобы понять его скупость надо вспомнить его голодное детство в горах. «Я и сейчас помню, — рассказывал мне отец, — как я иду босой за Тедеон (его матерью), плачу и прошу еды». Они жили впроголодь, так что когда однажды Илья (его брат) выхватил из печки его картошку «Я схватил гвоздь и бросился вдогонку. Я знал, что когда догоню убью его». Это конечно известная расположенность отца к мелодраме, но в каждой шутке есть доля шутки. «Когда уже Раиса вышла замуж, — рассказывал он мне в другой раз, — и уехала жить в Начрепа (соседнее село), мать отправила меня к ней. Я был еще пацан. Она сшила мне новые чувяки, но я не стал их одевать, чтобы не истрепать в дороге. Я нес их в руках, а ноги разбил в кровь. Мать попросила какого то местного горца показать мне дорогу, и он разрешил мне идти с ним. Хлеба у меня не было, я сильно проголодался в пути. Горец ел свой хлеб, вставал и мы снова шли дальше. Наконец, я не выдержал подбежал и вытащил кусок хлеба из его котомки за плечами. Тогда он меня прогнал, но я старался идти за ним, держась в отдалении. Потом я сильно замерз и стал терять сознание. Когда я очнулся я сидел в чьей-то хижине, засунув руки под чужой матрас. Я не знаю, как я там оказался, видимо уже в забытьи. Когда я наконец дошел до Раисы, она меня не узнала. Я сказал: Я Роман, твой брат. Тогда она заплакала, и повела меня в дом». «А ты сохранил свои новые чувяки?» — спросила его я. — «Да! И очень гордился ими. А Раиса накормила меня до отвалу!»

Они жили в деревянном домике с длинными широкими скамейками вдоль стен, которые служили им кроватями. С дровяной печью, в которой пекли картофель и огнем которой не только обогревалась, но и освещалась изба темными горными вечерами. А над печью вешали свиную тушку, которая потихоньку коптилась, и считалась лучшим деликатесом, о котором можно было мечтать. Тедеон натирала полы глиной, и на этом весь домашний уют заканчивался. Мылись в речке. Зима стояла по пять месяцев, иногда больше. Снег буквально заваливал из-

бу, и им приходилось много работать, чтобы расчистить двор. У них было две коровы, которые кормили всю семью, и иногда Тедеон удавалось выменять немного сыра ил молока на муку. Тогда был настоящий праздник, можно было испечь пирогов. «Когда отец работал в поле, — рассказывал мне Роман, — я еще мальчиком носил ему еду. И вот однажды когда я шел я увидел страшную картину: черти на одной ноге прыгали через спины друг друга. По крайней мере у них были рога, были ли они чертями или еще кем то я не знаю. Я страшно испугался и плакал весь день. Тогда отец сказал мне, что это труппа артистов, которые часто сюда приезжают и смеялся надо мной и прыгал, изображая чертиков. Только тогда я успокоился. Но я знал, что там не было никакой труппы. Потом когда вырос, подумал это была галлюцинация от того напряжения, в котором мы все жили в горах, особенно дети». Он тяжело переживал смерть отца, и также как я упал в обморок, когда увидел его в больнице, уже на смертном одре.

И все же эта жизнь на природе и его поэтический дар на всю жизнь привили ему нежную любовь к природе. Он обожал передачу «в мире животных» и вообще терял счет времени, когда смотрел передачи о природе. В этом смысле агрономия была несомненно его призванием, хотя сам он считал что в нем умер большой поэт, литератор и возможно политик. И всякий раз когда его называли выдающимся агрономом искренне обижался. «И ты говоришь как мои враги», — сказал он мне как то, когда я заговорила о его профессионализме в агрономии. Меня эти слова искренне поразили. В девяностые он взял в аренду земли и работал уже на себя, и там где у других не было ни одного кочана урожая, его поля всегда колосились богатым урожаем. Так он заработал немного денег на недвижимость: он купил три трехкомнатные квартиры во Владикавказе (четвертую оставил жене), одну двухкомнатную в Москве, два дома-особняка во Владикавказе, один дом построил в Сунже (еще по помогал больному брату, купил ему по очереди две однокомнатные квартиры, и старшему сыну однокомнатную квартиру в качестве

подарка на свадьбу). Он так любил возиться с землей, что уже после того как ушел с полей, колхозных и своих, и оставил пост заместителя министра, он занялся своим садом-огородом в Сунже. И чего только он там не вырастил: и картофель, и свеклу, и морковь, помидоры, огурцы, фасоль, лук, зелень, чеснок, даже тыкву. Целыми днями он возился в саду: стриг деревья, выкорчевывал пни, строил тропинки, собирал фрукты, полол овощи. Обычно ему помогал Роланд, но он негодовал на отца за то, что тот его принуждает трудиться в саду. И отец возмущался и не находил этому объяснения.

Я помню, наша школьная учительница английского языка, Людмила Борисовна, с которой Роман подружился, рассказывала мне как-то о том, в какой трепет привел Романа кусок не растаявшего снега весной. «Он настоящий поэт!» — сказала она восторженно. Потом когда я читала такой же эпизод у Газданова в «Вечере у Клэр», я вспомнила эти слова Людмила Борисовны и удивилась больше не тому, что Роман восхитился куском уберегшегося от оттепели снега, а тому, что Людмила Борисовна дала такую точную оценку этому эпизоду. Есть фотография, где он с бережностью любовника держит в руках ветку яблони с ароматными яблоками, и когда я смотрела на эту фотографию, я невольно вспомнила всю его любовь к природе. На обложку этой книги я поместила другую фотографию — его возвращение на лоно дикой природы, в родные горы Цъона: блаженство на его лице говорит само за себя.

Наверное это детство на лоне природы навсегда сообщило ему ту жизнерадостность, которую не сломили в нем никакие испытания. Ни головные боли, которые начались еще в юности (те самые боли в которых он увидел главную причину того, что не состоялся как творческая личность, как поэт и литератор); ни смерть любимого брата Жоры, Георгия Ясоновича, любимого многими преподавателя математики в Сунже; ни тюрьма, когда по анонимному доносу его обвинили в растрате госсредств; ни скандальный развод с женой; ни вынужденное расставание с детьми. Я помню как сильно он любил нас в детстве. Помню

как по приходе с работы, он непременно вытаскивал кого то из нас из нашей детской кроватки, сажал на свой большой тогда живот и начинал свой ежедневный допрос: «Мы с тобой как рыбка с водой?». Я этот вопрос помню до сих пор, хотя тогда с трудом понимала его значение, я только чувствовала, что это тепло и что этот большой добрый человек очень меня любит и от этого мне делалось весело и хорошо. А потом он водил нас с сестрой в магазин, покупал всякие безделушки, например духи «красная москва», которые я непременно отдавала матери, катал нас на санках и водил в гости к своим бесчисленным родственникам, где нас всегда очень радушно встречали. А потом все это резко закончилось, и для нас и для него. Он развелся с матерью, так как она после долгих лет болезненной ревности к отцу, решилась все таки ему отомстить. Когда все открылось, поднялся невообразимый скандал, очень тяжело сказавшийся прежде всего на их сыновьях, тогда еще подростках, только только вступавших в жизнь. Самый хрупкий возраст. Мы с сестрой были слишком малы, чтобы что-нибудь понимать во всем этом. Мы только почувствовали, что отца больше не было с нами, а почему и зачем, нам не было известно. Хазби, брат отца, говорил мне, что когда Романа посадили в тюрьму, я говорила Хазби, что посажу этого следователя в большой мешок, вырою яму и там его закопаю. Хазби гоготал также, когда пересказывал мне мои слова, как в тот день когда их от меня услышал. Тогда все обошлось, Роман нашел людей, которые помогли восстановить справедливость и его восстановили в должности. Но я могу представить себе этот стресс, да еще в советские времена. Палуш, тот самый хирург, который часто к нам заходил, и который учился в одной школе с отцом, говорил, что отец был самым способным во всей школе, насколько он мог вспомнить и что его в школе называли «Лениным». «Он носил под мышкой пластинки, — рассказывал он нам при отце, — с записями съездов верховного совета, и говорил: они все жулики! Я их выведу на чистую воду!» Отец смеялся. А я тогда задумалась над его словами. Потом отец действительно добился того, что его отправили

учиться в МГУ на философский факультет. Он был полон восторга и огромных надежд на будущее. Но именно там его головные боли стали такими сильными, что он уже не мог посвящать много времени умственному труду. Он перевелся в Ростовский университет на тот же факультет. И там уже вынужден был признать свое поражение. Он бросил университет и вернулся в Осетию, закончил агрономический факультет ГСХИ, и начал работать учетчиком в поле. Впрочем уже в 27 лет он стал председателем колхоза. И с этого времени, когда он был вынужден бросить учебу в университете, он считал свою судьбу загубленной, а карьеру погибшей. Но и это не сломило его жизнерадостности. Он по прежнему смеялся и шутил, по прежнему разыгрывал окружающих, по прежнему работал с неистребимой энергией. В бытность председателем колхоза в Сунже, он провел газ в село и построил там здание сельсовета и клуба, которые стоят и по сей день. Его предприятия неизменно становились ударными. Я что-то читала о великолепных садах, которые он вырастил, по моему в книге «Сунжа и сунженцы», где о Романе пишут как об одном из выдающихся сельчан. Его наградили орденом Ленина, и орденом труда, еще несколькими орденами. У него было несколько патентов в агрономии, так как он изобрел и запатентовал какие то свои механизмы выращивания культур, которыми он занимался. И тогда когда он был с нами, эта его жизнерадостность заряжала нас всех теплом и чувством безопасности. Его любимый брат Жора умер внезапно, когда мылся в ванной. Кровоизлияние в мозг. Света мне потом рассказывала, что Роман был сам не свой и все повторял, что он отсюда уезжает, непременно уезжает. «Я сама так любила Жору, — говорила она мне, — пока доехала у меня онемели руки». Жора начал строить тот сунженский дом, который Роман после него значительно расширил и достроил. Другой брат Романа, Илья, был инвалидом. Роман всю жизнь заботился о нем: купил сначала одну квартиру, потом другую, помогал деньгами, звонил, заходил. Я помню, и мы с сестрой не раз были у него в гостях: смешной старик, который умел шутить так, что все держались за бока. И то-

гда в тот день, когда Роман упал с трамвая и разбил ногу, он ехал к своему брату, потому что тот попросил очередной раз его помощи. После Романа оставались еще Раиса, Нуца и Илья. Сейчас все девять братьев и сестер в лучшем мире. Когда-то Тедеон попросила на смертном одре Романа присматривать за Нуцей и Ильей, выделив их как самых слабых и беспомощных. Роман бережно исполнял свое обязательство всю жизнь. Нуца умерла в прошлом году, пережив Романа на десять лет, Илья несколькими годами раньше. Впрочем, последние годы они оба были очень больны, за ними смотрел Роланд в Сунже, и поскольку я так и не возобновила общения с братьями, я больше ее не видела с тех пор. А она очень просила всех позволить ей меня повидать.

Сколько я помню Романа, у него была служебная машина, и всегда прекрасные отношения со своими водителями. Я помню почти всех: Шаукуз, Тенгиз, Вася, Таймураз, Алеша. И все очень добрые и хорошие, других он не держал. Я помню, как он выставил одного такого. Мы с ним поехали в одну из его многочисленных поездок к родственникам, вечером, уже после работы. Его шофер согласился его отвезти. Мы зашли, выпили чай, а когда вышли он устроил Роману настоящий скандал. Он был очень зол и кричал на чем свет стоит. Роман не проронил в ответ ни слова, и через какое-то время шофер стал извиняться. Но я после этого случая больше не видела его с Романом. Света рассказывала, что с Шаукузом они жили как братья и Роман часто давал ему денег, не считая. Тенгиза я помню уже сама: он очень больно щипался как видел нас с сестрой, но я понимала что это его способ играть с детьми и все равно любила его доброе лицо. Роман рассказывал мне как он зашел спустя годы проведать Тенгиза, а тот оказался смертельно болен. «Хорошо что я зашел. Он прослезился. Я оставил деньги и свою норковую шапку». Вася заразил его очередной прибауткой, которой он по своему обыкновению не забывал до конца жизни. Он любил напевать: «Базар большой! Кукурузы много! Ирон барышня идет, дайте ей дорога!». Потом он стал нашим соседом в городе

и только несколько лет назад умер от инсульта. Алеша научил нас квасить капусту. У него были мускулистые волосатые руки, и когда он мял капусту, она у него доходила до локтей и он тщательно ее оттуда стряхивал обратно в посуду. И ничего, мы с аппетитом съели всю его капусту. «Они впятером спят в однокомнатной!», — сочувственно говорил нам Роман о семье Алеши. Таймураз, маленький осетинский интеллигент, который по словам Романа под страхом смерти не будет есть, если уже позавтракал или пообедал. Роман его за это зауважал. «Он мне рассказывал, что отдыхал вместе с Ротару в Сочи», хихикал Роман, когда мы оставались одни. — И теперь часто вздыхает: «Ох, Ротару, Ротару!» И он разряжался своим громогласным хохотом.

После обширного инфаркта, который Роман перенес, когда ему было уже за пятьдесят, он всегда болел, и старался уделять много внимания своему здоровью. Он похудел на сорок килограмм и стал строго следить за своим питанием. Его холестерин всегда оставался ниже нормы, и врачи неизменно хвалили его за дисциплину. А однажды после очередного голодания, тогда он продержался 11 дней, у него лопнул сосуд в желудке. С ним в квартире была я, и когда ночью приехала скорая, я настояла чтобы поехать с ним в больницу. И хорошо сделала, — его бросили на кушетку и забыли. Я нашла врачей, позвонила в его министерство и попросила приехать его друзей. Они нашли лучшего хирурга и вскоре Романа уже прооперировали. Потом Роман меня очень благодарил за находчивость и выдержку. Мы с сестрой и с Нуцей долго его выхаживали, потому что он очередной раз угодил в реанимацию. Роман как всегда занимал платную палату, он никогда не ложился в общую, еще с советских времен, когда у них была отдельная больница, где мы тоже не раз его проведывали. Я помню, как к нему в больнице подошел пожилой мужчина и спросил не Роман ли он? Он очень обрадовался встрече, и сказал, что работал у него в таком то колхозе и что только тогда в колхозе дела шли хорошо. Роман был очень польщен и старался ободрить старика как мог. Следующая серьезная операция была уже в Москве, шунтирование сердца. В то

время он читал только Поля Брегга и всю подобную литературу, которую мог найти. А на ночь он любил сказки, которых у него собралось большое множество.

Сам он жил как аскет, — ни одежды, ни дорогих ремонтов, ни комфортного дома, ни машины, ни ресторанов. У него было две квартиры в центре города, чисто отремонтированных, но без всяких излишеств — просто побелены, покрашены, новые обои. Даже сменить окна и двери он считал ненужной роскошью. Он ходил в дешевых серых костюмах, которые мы втроем — я, сестра и Нуца, — периодически стирали и гладили. Правда у него было бесчисленное множество рубашек и носков, которые тоже находились на нашем попечении, и еще добротные куртки, которые составляли его слабость. Во всем остальном он оставался «колхозником», как называл его Роберт, с заношенной обувью и коленями на выцветших брюках. Он никогда не тратил денег на рестораны, и всегда ограничивался самой простой пищей. Он покупал гречку мешками, и ел все виды овощей. Черемшу как только она поспевала, помидоры, огурцы, тыкву, фрукты и мед. Всегда какие то благодарные его родственники или знакомые приносили из своих огородов свежий сыр или трехлитровый баллон меда, парное молоко. Холодильник был всегда забит говядиной. Арбузы и дыни как только начинался сезон. Вот та скудная пища, которую он себе позволял. Все последнее время, после обширного инфаркта он вел здоровый образ жизни, читал Поля Брегга и часто голодал для очищения организма. Не ел соль и сахар, и нас этому научил. Я помню, очередной его знакомый принес ему несколько килограмм свежей вареной баранины. Руслан сидел там же с нами и Роман как он обычно делал все последнее время сказал, когда мы уже поели: а теперь вам пока достаточно, потом еще поедите. Руслан демонстративно встал из-за стола и ушел в гостиную. Мне стало смешно, а отец когда сообразил что тот обиделся, принялся звать его назад и уговаривать еще поесть. «Я не хочу. Наелся», — жестко ответил Руслан.

Все что он зарабатывал, и что экономил на своих расходах, собиралось у него на счетах. Он либо покупал недвижимость, либо его деньги просто каким-нибудь образом прогорали. Так было когда он положил деньги на счет в какой то частный коммерческий банк, который спустя недолгое время лопнул. Я запомнила, потому что тогда он положил деньги на мое имя. В другой раз он вложил деньги в строящийся дом, который так никогда и не был достроен. Еще 50 миллионов теми деньгами он положил на имя Руслана и тот их снял со счета. Таким образом, он тоже потерял много денег. Все что осталось он вкладывал в недвижимость и свой маленький бизнес в доме на ул. Герцена: пекарня, небольшой компьютерный клуб. Он готовил помещение для парикмахерской. И пока он был жив и пекарня и клуб приносили ему доход, не такой большой как его арендованные поля, но стабильный доход.

Сыновья обвиняли его в том, что его скупость испортила им детство. «Я взял рабочие штаны, — рассказывал мне Руслан, — оторвал передние карманы, и носил как джинсы». «Мы стеснялись приводить кого-то в дом. Этот дырявый диван и полное отсутствие ремонта». «Нам нечего было надеть, не было спортивной обуви». Возможно так оно и было. Хотя я помню, что он все таки купил Руслану велосипед, который у того правда скоро украли. Но даже если все было именно так, он делал это не потому что желал им зла, а потому что сам вырос босым, и сейчас, будучи уже взрослым, почти ничего не тратил на свой гардероб. Однако, когда они подросли, он сделал для них все, что было в его силах. Старшего устроил в ГСХИ, где когда-то сам учился на агронома. Среднего на философский факультет в Ростовский университет, где тоже учился когда-то в молодости. Младший поступил в Московский пищевой институт. И всем он помогал деньгами пока они учились. «Я как сейчас помню, — часто говорил отец, возмущаясь очередной раз неблагодарности сыновей, — как я стою в очереди на почте, чтобы перевести им денег на учебу». А главное он купил каждому квартиру или дом еще при своей жизни. Он купил Роланду двухкомнатную квартиру

в Москве. Он помог ему с диссертацией и пропиской. Он купил частный дом на улице Чайсковского, с огородом и гаражом Роберту, и сам отремонтировал его как умел и сделал пристройку из кухни и ванны. Он купил однокомнатную квартиру Руслану когда тот женился, и справил ему свадьбу в Сунже. Он подарил ему грузовик, просто так, чтобы он его продал. Он не стал заявлять на Роберта, когда тот угнал из Сунжи его Камаз, и продал, хотя был очень расстроен и очень шумел по обыкновению. Он купил Роланду Ниву, на которой тот его возил, но и сам ездил куда хотел. Роман помог с квартирами и машинами и своим племянникам. В чем они могли его обвинить?

И для нас с сестрой он при жизни много сделал. Он позволил мне продать трехкомнатную квартиру на Плиева и купить каждой однокомнатную. Я потом долго жила там со своими чемоданами книг, привезенными из Москвы. Отец давал мне каждый месяц немного денег и продукты, что позволили мне не работать и сосредоточиться на учебе. Сестра тоже очень помогла, мы с ней тогда жили поблизости и много времени проводили вместе. Она вскоре вышла замуж и отец был очень доволен зятем, который помогал ему как адвокат. Если бы отец не поддержал меня и тогда, и когда я уехала учиться в Москву, и потом, когда он позволил мне продать эту квартиру и продолжать учебу в аспирантуре в Москве, я никогда не стала бы ученым и просто погибла бы как личность и как творческий человек.

Роман любил природу, любил свою работу, любил людей, включался всеми силами души в творческий процесс, и видел честолюбие в этом движении вперед, жить и творить. У Руслана осталось только устойчивое тщеславие, движение вверх по социальной лестнице. Он увидел форму, но не понял содержания. Он говорил мне, что в школе был «батей», и чтобы поддержать авторитет мачо стал кандидатом в мастера спорта по вольной борьбе. И дальше он желал только движения наверх, содержательная часть политики была ему и непонятна и неинтересна. В книгах и теориях он был очень слаб и с удовольствием прожигал свою молодость на факультете агрономии с множеством по-

дружек и друзей спортсменов. Роман не смог выучится в МГУ на философа, но стал хорошим агрономом ГСХИ. Руслан закончил институт и забыл навсегда об агрономии. И Роман не скрывал своего разочарования в старшем сыне, который «даже одной сказки не прочитал», что очень обижало последнего.

И все таки когда Руслан сделал первые успехи, попал в КПРФ к Зюганову, избрался таки в какой то округ депутатом, он наивно гордился этими успехами. Он просто радовался успехам сына, потому что не видел той колоссальной разницы между тем, что делал он сам, и слепым движением наверх. Я помню мы горячо спорили с ним об этом уже когда ему оставалось жить совсем недолго. Он хвалил мне Руслана, а я говорила, что в страсти к власти нет ничего хорошего, и что лучше бы он занялся любым другим полезным, конструктивным трудом. Руслан обижался на Романа за то, что тот делал явное предпочтение мне перед своими сыновьями. Роман считал меня талантливой и очень гордился моими способностями. «Опять я пришел говорить обо мне, — помню очередную обиду Руслана, — а говорим мы о его любимой дочери». Роман любил всех, хотя могло показаться, что он отдавал предпочтение дочерям. Но все же большую часть того что у него было он оставил своим сыновьям, несмотря на их иногда откровенную враждебность, о чем можно судить по сохранившемуся рукописному варианту завещания. Я помню, как Руслан подселил в московскую квартиру, где тогда жила и училась я, какую то девушку легкого поведения, которую он там навещал. И вместе с ней еще трех ее подруг. Он не только не спросил моего мнения, но сделал специально вопреки ему. Когда мы естественным образом не ужились, и дошло до того, что эти дамы стали мне угрожать, Роман настоял на том, чтобы они съехали с его квартиры. Руслан перестал с ним разговаривать и не разговаривал до самого падения отца с трамвая. Отец тогда очень расстроился, он не мог ссориться со своими сыновьями, и я помню, как он жалобно говорил, стараясь сохранять достоинство: «Спросите у Руслана, что он хотел, чтобы я сделал с Лейлой?» Однако, это была далеко не первая их ссора.

По настоящему, Руслан обиделся в другой раз, когда узнал, что отец плохо отзывается о его второй жене, Аде. Эта женщина была женой сына троюродной сестры Романа, Шуры. После войны в Южной Осетии, они тоже приехали во Владикавказ и естественно обратились к Роману за помощью. Роман поселил семью ее первого мужа (который приходился ему племянником) в Сунже. Но это было позже. Сначала приезжала Ада с пятилетним сыном и отправлялась прямо на квартиру к Роману, где он тогда жил один, так как мы с сестрой переехали на время в квартиру матери. Поскольку такое ее поведение противоречило местной морали, то о ней сразу стали плохо говорить. Роман жил в двухкомнатной тесной хрущовке, в которой едва хватало места для него одного. Он мне тогда говорил, что она не оставляет ему выбора, приезжая прямо с вещами и с ребенком, так что ему было неудобно отказать. Однажды, когда она приехала, он был в отъезде, и ей сказали, что у меня есть ключ. Она набрала мне и сказала тоже самое: «Я на улице с вещами и маленьким ребенком». Я сказала, что не могу дать ей ключ без ведома отца, и что скоро он приедет, и она сможет говорить с ним самим. Она очень обиделась, но я не поддалась ее давлению. Отец меня потом благодарил и сказал, что сильно бы меня ругал, если бы я ей уступила. Ада жила какое-то время у брата Романа Хазби. Как то Ада открыла Азе дверь в его банном халате, и хотя в этом не было ничего особенного (у него многие годы висел всего один этот халат на весь дом, который мы тоже иногда одевали), это тоже добавило разговоров. Было это только слухами или правдой уже неважно, важна репутация, которую она себе сделала. Роман в шутку говорил, что еле отбился от нее и называл ее «певицей», хотя насколько мне известно она училась на дирижера в Гнессенке. Ее отец, благодушный старик любивший выпить, был художником, это он устроил ее в Гнессенку: «Я всегда ненавидела музыку, — говорила она мне, — я хотела рисовать, но братья не пустили меня». Однажды он взял бутылку наливки, зашел к декану Гнессенки, и к моменту когда они распили бутылку, дело о зачислении Ады было решено. По крайней

мере так рассказывала она сама. Что не помешало ей стать налоговым инспектором. Ее братья позже погибли на грузино-осетинской войне. На тот момент Руслан с ними очень сдружился и видел этот союз очень выгодным для себя во всех смыслах, тогда они занимались водкой. Вскоре, они стали встречаться с Адой, и поженились, купили двухкомнатную квартиру и по сей день живут там. Вот тогда Руслан и обиделся по настоящему на Романа, который считал его брак с родственницей возмутительным. Руслану, конечно, передали его слова. Впрочем, для них не было секретом, какого мнения об Аде была вся семья. Особенно ее не любила Нуца. Нуца была возмущена тем, что Ада отказалась смотреть за своей матерью в больнице, когда ту разбил паралич. Она далеко не Грушенька во всех смыслах, но все же и тут какая то параллель нарисовалась. Правда это не помешало мне впоследствии ее «пожалеть» и открыть сердце для самой искренней дружбы; тогда я открыла для себя, что люди все хорошие в глубине души, и надо только дать им шанс. Она подолгу жила у меня в Москве, в квартире, которую купил Роман, и они с Русланом уверяли, что своей недвижимости в Москве у них нет. Руслан клялся детьми, что это «сплетники» грязные слухи распространяют. Тогда Роберт принес ему копию договора купли-продажи его квартиры на Хлобыстова, и Руслан густо покраснел. Впрочем, очень скоро и эта квартира пошла на его «выборы», так что он не сильно нас обманывал.

Двое других сыновей сильно отличались от Руслана характером. Он был единственным среди них «мачо», с типичным кавказским культом силы, гармоничной частью местного осетинского менталитета. Младшие были больше расположены к рефлексии и созерцанию, отличались чувствительностью к этике и эстетике. Роберт уже с детства физически страдал от бедности, потому что в нем было больше чем в других развито эстетическое начало. Ему важна была красота, элегантность, он искал ее в одежде, а не находил даже необходимого. Позже он займется модой, станет дружить с местными моделями, делать фотографии. «Это терапия», — говорил он тогда. Я

помню Роланд рассказывал, что когда они детьми приехали в горное село, он взобрался на дерево и кричал оттуда: «Дикари». Известный стих Коста о камнях, которые варит нищая крестьянка для детей, — стих, который как пишет Википедия вошел в мировую культурную сокровищницу, — Роберт обвинил в том, что он окончательно разрушил его детскую психику. «Все чему они нас учили, эти проклятые камни, которые никогда не сварятся и все дети умрут». Ему повезло, Роман устроил его на философский факультет Ростовского университета, и его прирожденная потребность в рефлексии получила хоть какое-то развитие. Философом он не стал, но получил общее развитие, которое несколько облегчило его внутренние поиски и боль. Он привез с собой из Ростова какое-то общее преклонение перед западной культурой, очень модное для начала девяностых в России. Эти его поиски эстетического развития вылились в преклонение перед всем «цивильным», что несла эта культура. Последним писком моды были фильмы о доне Корлеоне, которые и составили главную романтику его ростовской университетской жизни. Он рассказывал о каком-то барде с гитарой в их общежитии, который очень походил на Янковского, и который оказал на него большое влияние. Идеология мачизма в корлеоновской эпопее трансформировалась у Роберта в романтическую фантазию, поскольку сам он был физически неспособен к насилию. С юношеских времен он никогда ни с кем не дрался, и тем более не был способен на убийство. Но эта романтика сильно пропитала его молодые годы. Результатом его обучения в университете стала также общая раскрепощенность в работе с государственными институтами. Он не боялся открывать фирмы, иногда сразу несколько, брать на них кредиты, вести переговоры с банкирами и налоговиками, и в конце концов у него в руках оказались какие-то деньги. Тогда он купил две машины, посадил двух водителей и стал упиваться корлеоновской романтикой, представляя себя шефом мафии. У него с ростовских времен оставалось много друзей, я помню Заура и Томаза. В этой эйфории он жил несколько лет,

в самый разгар девяностых. Он старался дружить только с сильными мира сего и напрашивался на знакомства. А потом начинал тратить на них свои копейки, и дома рассказывал нам как он презирает этих людей, которые корчат из себя бог весть что, а содержит их он, нищий Роберт. Кто его об этом просил? Была какая то Залина, на которую он считал честью тратится просто так, просто за возможность называть ее знакомой, потому что она была дочь какого то генерала с тремя правительственными телефонами дома. был какой то Дима в Ростове, сын какого министра и наркоман, единственной привилегией дружбы с которым было выручать его из очередных ломок. Рестораны и «кабаки» были делом чести, без которого не было настоящего прожигателя жизни. Я помню, как он с друзьями обидели своего водителя, оставив его в машине только потому, что он «водила», хотя абсолютно ничем от него не отличались и шли не на деловую встречу с боссами, а просто в захудалую закусочную. Но ведь надо же было как то почувствовать, что ты босс. В этот период, когда он сыпал деньгами направо и налево, он купил нам с сестрой наши первые приличные вещи, дал денег Руслану, чтобы тот добавил и вместо однокомнатной квартиры, которую купил ему Роман на свадьбу, купил двухкомнатную, и дал денег Роману. Роман очень радовался когда видел успехи своих сыновей. И хоть он ничего не понимал в деятельности Роберта, которая напоминала ему деятельность великого комбинатора, он был бы очень горд за него, если бы тот не сорил деньгами без всякого проку. «Давай, хоть эти деньги я тебе сохраню», — сказал тогда он, как всегда шутя, но это была горькая шутка. Он никогда всерьез не обижался на своих сыновей, чтобы они ни сделали. «Разве ты не знаешь, что я нежный?» — сказал он мне как то с таким искренним возмущением, что я рассмеялась и потом всегда пересказывала это его возмущение всем. А потом чем больше думала, тем больше понимала, что он прав, он был очень чувствительной и тонкой душевной организации человек. Эта его неспособность на агрессию или малейшее насилие, как бы он не был

расстроен или обижен. Я никогда не видела, чтобы он поднял руку на кого-то из членов семьи. И всегда когда он был зол на кого то, его гнева хватало ненадолго, и он опять все прощал и забывал. Тем не менее, у него была железная воля, и лучше всего это проявилось не только в его успехах в профессии, но и в том, как он взялся за свое здоровье после инфаркта.

Действительно, вскоре Роберт оказался ни с чем. Одну просто нагло увел один из парней, которых он нанимал, когда тот понял, что Роберт просто чудак, поэт, придумавший себе романтический мир донов корлеоне. «Генерал без армии», — сказал он и уехал на его машине восвояси. Другую, он сам отдал Зауру, своему давнему другу, когда тот сказал ему, что его мать под ноль прогорела в торговле, закрыть ее долги. В итоге вся эта корлеоновская одиссея обернулась для него бесчисленными тратами на чужих людей, и он остался один у разбитого корыта. Примерно в то время он стал встречаться с соседкой, которую знал с детства. Ее отец, Заур Уруцкоев, стал тогда министром сельского хозяйства, то есть боссом нашего отца (он был его заместителем). И здесь вроде бы у Роберта все получилось. Девушка ему нравилась, они долго встречались и планировали пожениться. Но он уехал на полгода в Ростов и не посчитал нужным даже звонить. Он мечтал об их союзе, но считал что «его статус» еще недостаточен для женитьбы. И разницы большой в статусе их отцов не было, и фактическим министром был отец, как лучший специалист по агрономии в республике. Но отца он всегда считал «колхозником», а до ее отца не мог дотянуться «статусом». Она вышла замуж. Он приехал и постарался оказать давление, чего делать никогда не умел. Тогда ее отец сказал нашему: «Зачем этот цирк теперь? Мы ведь были согласны, ждали вас». Отец рассказывал мне все это со своей обычной гримасой горечи разочарования, которая не сходила с его лица в последнее время, когда он заговаривал о своих сыновьях. «Какие глупости он делает? Какой позор! Ты знаешь, что он мне учинил, когда мы вошли с ним к моему знакомому в кабинет, где я хотел устроить его

на работу? Он положил голову на его стол и сделал вид, что спит! Я не знал, куда мне деться от стыда! Вскочил и бросился вон из кабинета!»

Тогда он стал называть себя «человеком со сломанной судьбой» и еще «маргиналом». А это значило, что у него изменился «статус». Его следующей романтикой стал Людвиг Мекленбург, немецкий герцог, отпрыск старинной династии Мекленбургов. Он был абсолютно помешан на своем происхождении, рассказывал о родовом королевском замке, который у него отобрали, часами просматривал слайды с дедушками и бабушками, королями и королевами. В жизни оставался мальчишкой, бредившим большой любовью, вампирами, романтикой самоубийства и считал это искусством. Роберт занял при нем то место, которое в корлеоновские времена отводил своим водителям: открывал ему двери, говорил «вы», и брался обслуживать все дела «герцога» связанные с претензиями последнего на особый статус. В Германии в конечном итоге официально подтвердили его герцогское происхождение, но это ему ничего не дало кроме обращения «господин герцог». В Осетии он оказался потому, что его мать, обычная осетинка, познакомилась в Ленинградской консерватории с его отцом, последним герцогом из того рода, и он на ней женился. Позже они доказывали, что она не была его матерью, а только мачехой, видимо, чтобы соблюсти «чистоту крови». Я видела этого герцога, когда оформляла с Робертом обмен долями квартир, и единственной что бросилось мне в глаза в этом парне, это его болезненная зацикленность на своем происхождении. Сейчас герцог живет в коммунистическом Китае.

А Роберт во всех своих бедах тогда нашел одного виноватого — Романа. Например, он мог сказать такую фразу: «я бы пошел и разбил все его компьютеры, но там остался мешок с костями». Это значило, что Роман выглядел больным и худым. Роман примерно в то время, когда Роберт уже совсем раскис купил ему дом-особняк с садом и гаражом на Чайковского. Сам сделал там пристройку, кухню и ванну и косметический ремонт. Он старел и все меньше требовал от сыновей, все больше жа-

лел их. Роберту дом очень понравился, он говорил что счастлив в этом доме, но «денег нет. что делать? надо продавать». И продал. Хотели купить однокомнатную в подмосковье с Роландом, но в итоге банально проели. И опять виноватым оказался Роман. Тогда он стал говорить другие фразы, которые как мне казалось все рассматривали как очередные фантазии чудака: «Надо отстранить Романа от власти», «Надо по другому делить наш семейный бюджет». Роланд от души хохотал, когда слышал подобное от «фантазера» Роберта. Но оказалось в конце концов им стало не смешно. А в Сунже Роберту приходилось постоянно встречаться с Романом, и Роман продолжал терпеливо выносить его выходки. Пока в один день Роберт не обматерил старика, который пытался помочь ему советами «Начни работать как все люди! Зайди хоть в сад, вскопай пару грядок! Ничего само в руки не идет!». Тогда уже Роман выгнал его из дома и тот поселился на квартире матери, где и жил до самой смерти Романа.

Если Роберт получил хоть какое-то образование и хоть как-то смог развить свою склонность к рефлексии, Роланд не успел раскрыться. Его психика так и увяла бутоном. Он был еще мальчишкой когда разразился скандал и отец уехал из дома. И этот стресс остановил его дальнейшее развитие. То что было в нем щедро заложено, как способность к рефлексии, чувствительность совести, интерес к языкам и литературе осталось в зачаточном состоянии. Он застыл в том сознании мальчишки, с культом силы кавказского менталитета, который ему был совершенно чужд по природе. Он этого не понимал, и считал, эту свою неспособность и несклонность к мачизму своей слабостью. На всю жизнь он сохранит это чувство и неполноценности и это преклонение перед идеологией уличного гопничества. И хотя спонтанно в нем будут развиваться заложенные способности к рефлексии, сознательно он всегда будет считать что это ничего, а умение быть настоящим мачо — это все. Этой раздвоенностью объясняются те вспышки гнева, которые стали характерны для него. Когда боль от чувства неполноценности становилась слишком сильной, он собирал всю

волю чтобы показать себя «мачо», бредовый образ сильного мужчины, который застыл у него с детства. Трагедия Роланда началась после скандала с разводом родителей, о котором я расскажу в следующей главе. Он не вынес публичного позора и у него начался невроз с навязчивыми страхами. Я помню, как на мой вопрос где Роман, я получила неожиданный ответ: «Роман насрал нам на голову и уехал». И он уже тогда начал винить во всем Романа. Отец тогда работал в Цалыке, и Роланд зачем то к нему поехал, увидев отца после долгой разлуки. «Он был уже все, — рассказывал мне потом отец, — если бы он ко мне не приехал, его бы уже никто не спас». Отец постарался его успокоить как мог, предложил приходить когда он захочет. Роланду становилось хуже, и он сам попросился в психиатрическую клинику, откуда быстро вышел. Потом Роланд настоял на том чтобы уехать из города, и отец помог ему устроиться в Москве. В Москве он жил в полной изоляции, у доброй русской бабушки в подмосковном домике, которая называла его «Ролей» и очень любила. А он помогал ей по хозяйству чем мог. Этот статус московского студента помог ему немного восстановить самооценку, но психике его был нанесен непоправимый удар. «Я стал играть роль, — рассказывал он мне сам позже, — с тех пор я уже не жил как раньше. Я перестал понимать людей, перестал понимать смысл того что я делал. Я стал просто играть роль, чтобы казаться как все». Поэтому он всегда выглядел «вечным юношей», веселился и паясничал и там, где это было неуместно. Он рассказывал мне о каких то женщинах в Москве, но и от них он уходил, потому что в конечном итоге уставал играть роль, а на искреннее общение уже был не способен. Тогда он стал очень религиозен, но мысль о потерянном здоровье постоянно сверлила его мозг, обостряя чувство неполноценности до предела. Он был тонким, чувствительным юношей от природы, добрым и совестливым, и если бы не заболел, мог бы стать интересным человеком. Но чувство неполноценности слишком сдвинуло чашу весов на поле эгосистемы, так что он окончательно потерял себя. После института он заперся в Сунже и самостоятельно изучил английский язык, стал читать

Диккенса и другие английские книги. Потом когда в Осетию приехали американские студенты, Тара, Джон, Мариса, он стал их переводчиком. Потом стал изучать немецкий, и первым делом прочел на немецком Евангелие. Это была его мечта, которая поддерживала его в его потере себя, — уехать заграницу и там стать новым человеком. Тогда его очень поддержала дружба с его одноклассником Сашей, немцем наполовину, сыном той Людмилы Борисовны, учительницы английского языка, о котором я уже упоминала. И не в последнюю очередь дружба детей сдружила и Романа с Людмилой Борисовной (она была также и нашей с сестрой учительницей). Ее муж был немец, служил в КГБ, и однажды сошел с ума. Сама она тоже была вздорная женщина и я часто слышала как она орет на сына в школе, когда он еще был здоров. Потом с ним случилась в точности та же история, что и с Роландом. Это была трогательная и трагическая в каком то смысле дружба. Сашу я видела последний раз после смерти Романа: позвонила ему и попросила зайти забрать новую дубленку Романа, которую тот не успел надеть. Саша был очень доволен, и я радовалась: лучшего применения найти было нельзя. Отец купил Роланду квартиру в Москве, помог с дипломом кандидата наук. Он мог устроиться на мясомолочный завод и жить обеспеченной столичной жизнью. Но он предпочел тоже уехать в Сунжу и спрятаться там от людских глаз. Роман купил ему Ниву с условием, что он будет его возить, так как Роман на старости лет остался без водителя. Роланд стал работать с Романом, но чем дальше чем больше это казалось ему эксплуатацией и он часто говорил, что «Роман сломал мне жизнь». Я помню как Роман пожаловался мне тогда, что уже не может работать с Роландом. «Что мне с ним делать? Куда я его выгоню, он один ничего не сможет? Знаешь что он вчера учинил? Я его просил когда приедем, чтобы он мне помог немного в саду в Сунже. Он съехал с дороги, остановил машину и принялся изо всех сил ломать руль машины, представляешь? Что мне с ним делать?» А потом, когда Романа уже похоронили, Нуца говорила мне: «Он плачет как девочка. Говорит, Роман для всех много сделал».

Отец любил учить своих сыновей жизни, как стараются делать все родители, но никогда не оказывал на них давления. Да он и не умел этого сделать при всем желании. Он гордился каждым из них до последнего. Я помню как он в Сунже, в последние свои дни, пересказывал мне успехи в компартии Руслана и Ады, которая попала в управление налоговой инспекции, и от души радовался, буквально за недели или дни до смерти. Он продолжал помогать Роберту, несмотря на то, что знал что тот называет его за глаза «колхозником», и винит во всех своих неудачах, и выгнал его из Сунжи только после того как тот перешел все границы. Он написал в своем дневнике «Спасибо Роланду, который больше всех мальчиков помог мне в жизни», понимая, что самый несчастный из всех был Роланд. Действительно, Роланд бережно выхаживал его в подмосковье, после операции на шунтирование сердца, десять дней был неотлучно при нем в больнице, носил его самого и его судно, и отец был очень привязан к нему несмотря ни на что. Он упомянул каждого в завещании (осталась рукописная версия, которую я тут прилагаю), несмотря ни на какие обиды, и постарался быть справедливым со всеми. Когда я вошла в его квартиру после похорон, я увидела, что из нее унесли все что могли. Особенно вычистили все документы. Они не обратили внимания на альбом, на котором от руки было написано «Дневник». Он лежал среди его сказок народов мира, которые отец имел обыкновение читать перед сном, и которые теперь осиротело валялись на его кровати. Я открыла «Дневник» и нашла там завещание, написанное рукой Романа.

Руслан еще в тот вечер после похорон, когда я бросила им в лицо обвинение и сидела одна напротив них, прямо сказал мне, что «Мы все будем решать юридически» в ответ на мое предложение поделить все на пять равных частей. А юридически оставались только две квартиры, оформленные на Романа: их то нам потом и разделили на четыре части (потому что сестра отказалась от наследства). Нотариус заявила, что никакого завещания Роман у нее не писал, и не регистрировал, и просто вела дело о наследстве как нотариус нашего района, безо всякого за-

вещания. Есть закон: тот кто не напишет заявление на получение наследства не участвует в получении наследства (так сделала сестра, просто не писала заявления). Я написала заявление. Я знала это правило и, понимая уже с кем имею дело, попросила дать мне справку, подтверждающую, что я писала заявление. Они сначала наотрез отказали: мы вам почтой пришлем. Потом когда поняли, что я не успокоюсь пока не получу такую справку, вынуждены были ее мне дать. Я помню как я отчеканила, глядя в глаза этому нотариусу: «Это же я наследство получаю, не вы!» Даже эти две четвертушки пришлось отвоевывать. Так Руслан повел дело «юридически», как он и обещал мне в тот вечер. Для меня вопрос завещания не был праздным вопросом: это был вопрос моей свободы и независимости. Вопросом быть или не быть. Сегодня я живу в отдельной квартире только благодаря тому, что тогда проявила упорство и отстояла хотя бы такую усеченную свою долю. Сначала мы обменяли четвертушки с Робертом и получили по половине каждый в одной квартире. Потом я поменяла свою половину на квартиру матери, а ее переселила в квартиру отца в центре города. Мать, которая наконец попала в чистую светлую квартиру, сказала мне тогда, что она «как будто оказалась в санатории».

ГЛАВА 3. МАТЬ

Отец моей матери, мой дед был грузином, из Ленингори, насколько мне известно. Я знаю о нем очень мало, только то, что он был дальнобойщиком и что у него было три жены: моя бабушка была его второй женой. Она ушла с маленькой Зоей на руках вскоре после ее рождения. Жизнь с дедом и с пятерыми его детьми от первой жены сразу не заладилась, а бабка моя была с характером, прямолинейная и обидчивая, хоть и добрая женщина. К тому же она была осетинкой, две другие жены деда были грузинками. Я смутно помню единственную встречу с дедом, помню, что сижу у него на коленях, что он очень нежен со мной, и я в ответ хочу и не смею его обнять и поцеловать. То-

гда я наклоняюсь и целую его в колено, и он еще больше растрогался. Вот и все что я могу вспомнить.

Зина, моя бабка, вскоре снова вышла замуж за осетина, а дед женился на грузинке, и у него родились еще два сына. Зоя была уже школьница и студентка, и когда приходила к отцу в гости рассказывала сказки своим младшим братьям. Вот в гостях у Шалико, когда он уже сам стал родителем, и мы с сестрой играли с его сыновьями, я увидела тогда своего деда. Зоя иногда водила нас в гости к своим сводным братьям. Воспоминания безудержного детского веселья связаны у меня с этими посещениями грузинских родственников Зои. Йосиф, так звали деда, иногда давал ей немного денег, и когда ее студенткой положили в больницу на серьезную операцию провел весь день в больнице подле своей дочери. Зоя любит рассказывать, что он так нервничал, что несколько раз обошел всю больницу. Ее сестра Нина, которую ненавидела моя бабка, дарила ей свои платья и туфли. Она к тому времени уже жила в Тбилисси. Зина вышла замуж в Сунжу, за инвалида, у них больше не было детей, но они дружно жили до самой смерти этого инвалида. Жили очень бедно, но выжили благодаря неутомимой энергии моей бабки и подраставшей Зои, которой приходилось обрабатывать с матерью огород в 40 сотых. Зоя рассказывала мне, что с самого детства много работала в огороде, помогая бабуле. Они выращивали картофель, кукурузу, фасоль, огурцы, помидоры, тыкву, свеклу, морковь, зелень, лук. Было много фруктовых деревьев. Была одна корова. «Мама давала мне задание, чтобы к вечеру был мешок травы, и я ходила километры, носила на себе этот мешок и приносила домой сена корове». Воду носили из речки, дрова из лесу. Все делала вдвоем с мамой, с которой Зоя была неразлучна до самой ее смерти, и сейчас часто вспоминает. Был у них пес Тарзан, которого Зина очень любила, и когда кто-то его отравил сильно горевала. Она и здесь уже нам все время рассказывала эту подлую историю с отравлением Тарзана. Зоя тогда уже была студенткой, но часто приезжала домой, чтобы помочь маме, то дров наколоть, то огород вскопать. В тот раз

она приехала, чтобы похоронить Тарзана в лесу. Самые яркие воспоминания Зои о детстве — это голод. «Когда я шла домой со школы, я мечтала найти краюху чурека. Мы одевали галоши на босу ногу, и мои ноги обычно были мокрыми. Однажды мама купила мне булочку, и пока я несла ее ко рту, у меня ее выхватила цыганка. До сих пор помню, как я ревела. Мама тоже очень расстроилась». И те редкие фотографии, что сохранились, подтверждают ее слова: ободранный тощий ребенок в лохмотьях. Наверное, трудно было пережить такое детство. Какое-то время, пока Зина не вышла замуж, они жили вдвоем с матерью. И когда та ехала на работу в колхоз, Зоя бежала за ее тележкой и навзрыд плакала, страшно было оставаться одной маленькой девочке Зина выходила, и успокаивала дочку тумаками, а потом опять садилась в свою тележку и ехала батрачить. Зоя так сильно любила свою мать, что выколола глаза всем, кто на фотографиях стоял вместе с ее матерью. «Мама меня отлупила за это. А потом смеялась и всем показывала эти фотографии». Зина мне рассказывала, что до замужества работала официанткой в «дом отдыхе», и что все ее там очень любили и дарили ей подарки. «Что вы выращивали, ба?» — спрашивала я ее. «Все выращивали. Все у нас было.» «А корова была?» «Была, конечно. Одна корова была, потом ее в колхоз забрали» «Почему же вы тогда голодали?» «Это сначала голодали, а потом больше не голодали». Потом появилась мука и бабуля стала печь пироги, которыми баловала потом и нас по праздникам.

Напротив жила семья казаков, и Зоя сдружилась с их девочкой, старше нее на пару лет, Антониной (Тосей). Эта дружба сделала детство обеих девочек, дружить они будут всю жизнь. Теть Тося сейчас моя крестная, она живет в Моздоке и тоже болеет, мы иногда созваниваемся. Мы с ней особенно подружились после того, как я вынуждена была у нее прятаться месяц в Москве. Это она приютила меня тогда в их ухоженной трехкомнатной квартире в Москве, когда я бежала после похорон Романа. И я ей всегда буду благодарна. Она мне рассказала тогда очень странный сон. Словно бы снятся ей Зоин старый дом в Сунже,

где они росли, она подходит к ограде и видит там Зину. Рядом с Зиной еще две пожилые женщины. Тося поздоровалась с ней: «Здравствуйте, теть Зина». И тогда все женщины поклонились ей. «Так словно благодарили меня за что то, — сказала она мне. Я вот только не пойму, кто эти старухи были с Зиной». «Наверное, ее сестры, теть Тося, — сказала я, — Занета и Надя». «Да ты что! У нее было две сестры? А я и не знала. Вот это сон!» Мы искренне удивлялись, потому что получалось, что они приходили к ней благодарить за меня. Надю я помню очень смутно, добрая старушка, которая приносила нам лесные орешки, а потом попала под трамвай и Зина очень долго плакала. К Занете мы ездили в Балту погостить и очень ее любили. О семье Зины я почти ничего не знаю. Зоя говорила, что был у нее любимый брат, очень толковый, стал председателем колхоза, а потом попал в аварию. «Он всегда за собой чемодан книг возил, — говорила мне Зоя, — читать больше всего на свете любил. Вот в кого ты пошла!» А сама Зина была неграмотная и с трудом говорила на русском языке. Нашу грамотность она пренебрежительно именовала «телячи интеллигенци». Пожалуй у нее я еще услышала тот русский, на котором общались русские крестьяне, мужики и бабы. «Таперича, давеча, отседова, чаво, на кой, лоханки, и тп». Она знала буквы и читала по слогам, но дальше этого ее грамотность не шла. Хрюшу и Степашку считала живыми и с большим энтузиазмом здоровалась с ними каждый вечер. «Они всегда со мной здоровкаются!». Чаще она говорила на осетинском, и по грузински тоже все понимала. Зоя рассказывала, что однажды в школе они разучивали песню «Два веселых гуся»: «Я иду домой и пою: жили у бабуси два веселых гуся: один белый, другой серый, два веселых гуся». А мама как раз дом белила. Как стала меня ругать: «Значит один белит, другой серит! Я тебе щас дам!»

Тося и Зоя провели свое детство вместе: лазая по деревьям, помогая друг другу в саду. Они вместе ходили в школу, а когда выросли решили вместе поступать в железнодорожное училище. Тося даже прислала Зое 700 рублей своей первой зарплаты, чтобы Зоя ехала к ней и поступала в ее училище. Но Зоя отнесла

деньги ее маме и поступила в ГСХИ, на зоотехнолога. Они обе были очень красивыми девушками, насколько можно судить по снимкам. Тося потом всю жизнь проработала начальником железнодорожной станции, а Зоя стала учительницей биологии. Поступление в университете Зоя считала героическим подвигом в тех условиях, в которых они жили с мамой. «Никто не верил, что я поступлю». Она закончила и поступила еще на факультет биологии. И всегда очень гордилась двумя высшими образованиями. Роман потом говорил: «Она была отличница и староста, я думал умная будет. Как же она такая дура оказалась?» Она действительно хорошо училась и очень любила вспоминать студенческие годы: «Больше ничего у меня в жизни не было». Там у нее появилось много новых друзей, и две остались на всю жизнь: Надежда и Тамара. Надя иногда приезжала вместе с Зоей помогать бабуле копать картошку. «Теть Надя, хороший у них дом был?» — спрашивала я ее о тех годах, когда она приходила к нам с Зоей в больницу на Китайской. «Да какой там дом! — смеялась она. — Вот эта холупа, что ли?»

Потом она вышла замуж за Романа, который отбил ее у другого жениха. «Он плакал крокодильими слезами и проклял меня! Я потом вспоминала и думала, это он проклял мою жизнь с Романом!» Она проходила практику на свиноферме в колхозе, где Роман был председателем, так они и познакомились. Ее братья купили ей в приданное громоздкий желтый шифоньер из чистого дерева с зеркалом во весь рост, который много лет стоял в ее спальне и составлял ее единственную мебель. Потом его выкинул Роберт, как старую рухлядь, с которой Зоя не умела расставаться, выманив ее под каким то предлогом из дома.

Роман забрал Зою из ее маленькой хижины в свой благоустроенный дом в центре села, и она впервые могла есть досыта. «Она всего стеснялась сначала, — говорила мне Света, — сядет на краюшке и боится взять кусок со стола». Ей казалось, что она попала из грязи в князи. Сестры Романа, которых было целых пять, а особенно Нуца, влюбленная в своих братьев, которых она считала лучшими мужчинами на земле, сразу дали

понять чтобы Зоя не раскатывала губу, хозяйничать ей никто не позволит. «Нуца ходила за мной по пятам, когда сватали меня. А потом стала говорить: таких как ты много по улицам ходит. Ты уйдешь, будет другая. А я обычно не умею слова находить, но тогда меня осенило: А такие как ты в музее стоят! А когда я была беременна, она говорила совсем чужим людям в Сунже: наша свиноматка опять на сносях». Начиналась война, к которой Зоя оказалась не готова. Правда она всегда хвалит Тедеон, свою свекровь, которая как все подтверждают, была доброй и спокойной старушкой, и к тому же первоклассной швеей. Роман рассказывал, что она умела на своей машинке сшить любую модель, стоило ей увидеть ее на ком то. «Она просила меня отвезти ее в город и оставить там. И целый день смотрела на то как одеты люди. А вечером я ее забирал, и она уже знала что шить». Это героическая женщина, вырастила в горах девятерых детей. Тем временем, Роман был в расцвете молодости и славы, красивый преуспевающий председатель, темпераментный и увлеченный жизнью. Тогда говорят он действительно имел успех у женщин. Зоя говорит, что его любовницы стали ее атаковать. Одна напала на нее, когда она была беременна третьим ребенком, дралась и кричала, что ее ребенок не родится. Зоя стала сильно ревновать, и вскоре заболела нервным расстройством. Помню Света мне рассказывала, что она даже Свету приревновала к Роману, хоть она и была дочерью его сестры Раисы, той самой к которой он в детстве шел босыми ногами по горным тропам. «Мы с ней с тех пор не разговариваем», — сказала мне Света. В школе, где Зоя работала учителем младших классов, дети ее очень любили, как они всегда любят молодых и красивых учительниц, а у Зои к тому же была добрейшая улыбка и звонкий голос. Когда то она мечтала стать актрисой. Поэтому когда Роману дали трехкомнатную квартиру в городе, и она стала прощаться с детьми, они в голос плакали. Зоя очень гордится, когда ее бывшие ученики останавливают ее в общественных местах, здороваются и называют своей учительницей.

Мы с сестрой родились уже в городе. Я помню, как к Роману по утрам приезжал его шофер Тенгиз, Роман иногда брал нас с собой в машину, и тогда Тенгиз принимался нас больно щипать, выражая так свою бурную радость. И мы куда-нибудь ехали счастливые кататься с отцом в автомобиле. Правда, я, говорят, не сразу привыкла к машине и первое время плакала навзрыд и кричала, что автомобиль меня задавит, если я в него сяду. Меня усадили насильно, и когда я убедилась, что он меня не давит, я его полюбила.

В городе нервная болезнь Зои стала развиваться. Она ревновала его ко всему, что шевелиться. У отца была привычка открывать все занавеси везде, куда он приходил. Ему как будто всегда остро не хватало света, он сохранил эту привычку до конца жизни. «И тогда она решила, что это „сигнал", — рассказывал он мне позже. — Ты говорит, своим любовницам сигнал подаешь! И так каждое утро, стоило мне подойти к окну». Потом она обвинила его в связи с соседкой по лестничной площадке, парикмахершей, с ярким макияжем, по поводу которого Роман имел неосторожность пошутить при Зое. Потом ей померещилась связь с другой соседкой, которая работала в магазине. Тогда она стала часто говорить фразу, ставшую впоследствии одной из прибауток Романа: «Я вас всех, блядей, насквозь вижу!» Да, смешного в этом было мало. И это все Роман покорно терпел, только иногда вспыхивая словно факел. Тогда он начинал орать на нее в ответ, ходить большими шагами взад и вперед и отчаянно жестикулировать. Я была слишком мала, чтобы вспомнить, о чем он говорил, но ощущение катастрофы, которое я переживала всякий раз, когда видела такой скандал, помню хорошо. Однажды они вскочили посреди ночи скандалить, когда я лежала между ними. Но Роман никогда не поднял на нее руки, я уверена он даже никогда на миг себе такого не мог представить. Он был совершенно не способен ни на какое насилие. «Разве ты не знаешь, что я нежный?» — сказал он мне однажды. И если он начинал кричать, это только значило, что он сам очень страдает и уже не может себя сдерживать. Потом он брал себя

в руки и старался посмотреть на все происходившее с юмором. Опять начинал шутить и брал свой снисходительный тон в отношении глупой истерички жены. Эта проснувшаяся в ней ревность не стала причиной развода, он был готов стоически переносить все неудобства ее объявившейся истерии. Тем более, что он понимал что в этом есть его вина, и хотя оправдывал себя тем, что все мужчины гуляют, и умные женщины не показывают вида, лишь бы детей обеспечивал, помнил о своей вине.

Он терпеливо сносил даже то, что называл «плохая хозяйка». Сказывалось детство проведенной в нищей избе бабули. Зоя действительно органически не была способна навести в доме порядок, и почти ничего не умела приготовить, кроме борща и баклажанов, которые она жарила мастерски. Роман тоже вырос в горах на картошке, молоке и сыре и был непритязателен в еде. Он прощал и это. Но становилось все хуже и хуже. Ее нервы воспалились до того, что она целыми днями пролеживала в кровати со сдвинутой на глаза повязкой. Теперь она даже не делала попыток навести порядок в доме, где бегали и баловались пять маленьких детей. Аза рассказывала, что когда братья были маленькими, их почти невозможно было утром одеть. Роберт, который с детства был очень притязателен к одежде, всегда был недоволен своими вещами, и сразу все снимал: «Я это не одену». Тогда все другие тоже снимали штаны и «нам приходилось заново их одевать! Бедная Зоя, как только она выдержала таких баловных детей». Хорошо с нами жила бабуля, без нее действительно бы не выдержала. Роман не возражал и против тещи в квартире, а позже приобрел ей однокомнатную квартиру недалеко от нас. Но по понятным причинам она продолжал проводить большую часть времени с нами. Мы все очень любили бабулю. Она скрасила наше детство своей добротой и крестьянским спокойствием. Я как сейчас помню, как она в своем красивом синем пальто и пуховой косынке ведет нас с сестрой в кинотеатр, смотреть новогоднюю сказку. Помню, как пришла зимой домой со школы, и увидела бабку на кухне. Духовка натопила дом, а она в очках что то там читала слогами

в газете. И так мне вдруг тепло и уютно стало. Она была веселая и бесстрашная, и очень нас всех любила.

Иногда Роман устраивал специальный аттракцион для сыновей, усаживаясь на диван и подкидывая вверх рубль или трешку. «Кто отнимет тому и будет!». Мальчики бежали к нему галопом, и начиналась потасовка с визгом, хохотом, азартом. Это были моменты наиболее безудержного веселья, когда от его смеха и возбуждения детей, мечтавших заполучить деньгу, дрожал весь дом. Я помню, с какой завистью я наблюдала за этой веселой возней однажды, не имея возможности к ней присоединиться. Диван, на котором они боролись, вскоре и приобрел ту печальную известность как «дырявый диван». Так отвлекаясь с детьми и на работе, он продолжал жить с Зоей, хотя было очевидно, что их брак разрушен. Она периодически закатывала скандалы, а вскоре взяла манеру ходить жаловаться на него его начальству. Сначала ему было смешно. Потом она дошла до Кабалоева, первого секретаря Республики. «И всегда говорила им одно и то же, — рассказывал мне Роман, — „он мне мешает воспитывать пятерых детей! Он мне изменяет!“ А Кабалоев потом подошел ко мне и сказал улыбнувшись: Не переживай, моя жена точно такая же». Роман и это проглотил. Ему никогда не приходила в голову мысль как то ее приструнить или напугать, как это обычно делают другие мужчины. Он всегда отшучивался и старался меньше времени проводить дома. Он предлагал ей развод, но о разводе она и слышать не хотела, и опять падала на несколько дней в постель с перевязанной головой. Скоро дошло и до нервной клиники. Когда она выходила оттуда после очередного курса транквилизаторов, все начиналось по новому. «Я тогда ходить не могла. Голова все время кружилась. Я звала маму, и она прибегала, обнимала меня, и мне становилось легче. Я за стенку держалась». Однажды она вызвала милицию. «Пришел милиционер с большим пистолетом на боку, — рассказывал мне Роман, — и спрашивает, что случилось? Она плачет, плачет, он мне мешает воспитывать пятерых детей. Милиционер говорит, а я чем могу помочь? Потом пошел открыл кладовку и гово-

рит: А вот это расчистить тоже он мешает? Повернулся и ушел». Позже Роман скажет в разговоре с соседкой, что уделял слишком мало внимания своей жене, как бы оправдываясь в своей вине. От Зои я никогда не слышала, чтобы и она упрекнула себя в какой то своей вине перед Романом: она всегда считала себя только жертвой. Наверное, он никогда бы не бросил ее, он и сам мне сказал это однажды, потому что считал причиной ее истерии свои измены и принимал свою вину. «Я бы никогда ее не бросил, если бы не то что потом случилось», — сказал он мне как то.

Потом случилась очень неприглядная история. Она бросилась в объятия любовника. Он сам позвонил к нам и все рассказал. Начались безобразные скандалы. Его жена и соседки приходили к нам «громить» Зою, они ругались везде, где только встречались. А потом у Зои у нас на глазах случился тяжелый сердечный приступ, она потеряла сознание и чуть не задохнулась в своей блевотине. Бабка скулила от ужаса и тащила на себе свою единственную дочь в квартиру, чтобы вызвать скорую. Я не понимала происходящего, но после этого случая у меня установилась животная ненависть ко всем этим женщинам, которые травили мою мать. Мы задыхались от рыданий. Вот тогда Роман потребовал развода, и уехал раз и навсегда из квартиры, в которой я живу до сих пор. Ему и тогда не пришло в голову быть грубым с Зоей, ударить или оскорбить ее. Он терпел, пока считал себя виноватым, после этого он уже не мог терпеть, не сделав себя посмешищем. Он ничего не сказал, просто уехал и потребовал развод. Зоя развод давать категорически отказалась. Тогда он подал в суд, и суд на протяжении нескольких месяцев тряс грязное белье на публике, и в конце концов их развели. Иногда Зоя ездила в Сунжу на все праздники связанные с ее детьми. «Зачем она ко мне приходит?» — спрашивал потом Роман. «Она всегда дружила с моими врагами». Впрочем, и он иногда набирал ей при мне: когда у меня или у сестры сильно поднималась температура, и ему не с кем было поделиться тревогой. Или когда меня долго не было, уже когда за мной устано-

вили слежку, и он стал переживать, не случилось ли чего со мной.

К тому времени старший уехал в армию, а двое младших стали потихоньку сходить с ума. Я помню воспаленные глаза Роланда: красные и всегда слезящиеся. Тогда он сказал мне ту фразу о том, что Роман насрал нам на голову и уехал. Помню, как я пришла голодная со школы, а он как раз сел кушать, тоже еще в школьном пиджаке. Он нарезал салат из огурца и редиски — все что нашел. Я подошла, и тоже села за стол, и он вынужден был поделиться своим скудным обедом. А я боялась смотреть в его воспаленные глаза. Мы тогда учились в одной школе, у него была классная руководительница Людмила Борисовна, наша учительница английского языка. Однажды, я пожаловалась Роланду, что одноклассник ругал меня плохими словами, он был крупным и сильным, и побить его сама я не могла. Когда я увидела, в какой истерике бил его потом по лицу и голове Роланд со своими совсем заплывшими в слезах глазами, я поняла, что не надо было ему жаловаться. «Зачем ты обзываешь Лелю?», — все время повторял он как заезженная пластинка, и расходился все больше. «Жаловаться братьям» научил нас Руслан своим «воспитанием», где была строгая идеология о «проститутках» и порядочных девочках. Я и ему пару раз жаловалась, он одевал спортивки, накрывал голову капюшоном и шел со мной искать обидчика. Но у него я никогда не видела той жуткой истерики, которая случилась с Роландом. «Чтоб больше такого не было!» и после пары поджопников он считал свою миссию выполненной. У нас никогда не было вдоволь еды после отъезда Романа. Я помню, когда приносили пару пачек творога, баночки сметаны, кефир и молоко — какой это был праздник! Мы жили на картошке, яйцах, свекле и гречке. Помидоры, огурцы были редкостью, также как мясо. Иногда Руслан делал полную сковородку жаркого с картошкой и мясом, и тогда нам доставалось по кусочку. Роман исправно платил алименты, но либо этого было мало, либо Зоя не умела распоряжаться деньгами. Впрочем, на пятерых детей все будет мало. Потом, уже после перестройки Горба-

чева, к ней пришел ее брат Виктор, у него был кооператив по торговле цветами. Он предложил ей работу продавщицы в небольшом киоске, и это надолго нас выручило. Ей удалось накопить немного денег, и она купила новую мебель в комиссионном магазине. Не сама, правда. Нищета в доме тем временем дошла до того, что Роланд, который остался один после отъезда Роберта в Ростов, был физически неспособен больше ее выносить. Однажды друзья проводили Роланда до дома и он не решился пригласить их в дом. «Они меня все в дом приглашают, а их повел на девятый этаж, чтобы отвлечь! Какой позор!» Он умолял Зою купить новую мебель в комиссионке. Они сходили вместе и уже казалось бы выбрали подходящую мебель, но в последнюю минуту Зоя передумала: «мы найдем что-нибудь получше». Ее скупость стала патологической. Роланд был вне себя, рвал и метал, но это не изменило ее решения. Тогда он пошел на хитрость, лег и притворился тяжело больным, настоял чтобы вызвали скорую помощь, и сказал что умирает от сердечного приступа: «Сделаешь мне похороны на эти деньги», сказал он ей. Эти слова подействовали. И надо сказать они были недалеки от правды. Он действительно был в отчаянии. Она согласилась ехать за мебелью. Роланд тут же набрал в скорую: «больному лучше». Я очень помню тот день когда пришла со школы и сестра встретила меня загадочной улыбкой. Я зашла и не увидела ненавистного дырявого дивана. Вместо него стояла пушистая мягкая мебель, диван и два кресла, кокетливый журнальный столик, и элегантная лаковая стенка вместо старого серванта, в котором помещались только столовые стаканы. Этот поступок Роланда единодушно был признан спасительным для всей семьи.

Нас с сестрой спасала в то время улица. Мы дружили с сестрами Лейлой и Стеллой, с Аленой. Мы почти все время проводили вместе. Либо собирались у кого-то на квартире, либо шли за семечками и потом с шумом, перекрикивая друг друга, смеясь и все время радуясь чему то обходили весь наш район, либо сидели в беседке во дворе с неизменным пакетом семечек. Иногда, когда удавалось скопить немного денег, или сдать бутылки,

мы ехали в центр города, катались на качелях, заходили в кафе. Уже с пятого класса мы стали самостоятельно ездить в Сунжу, иногда брали с собой Лейлу, особенно летом, когда поспевали наши два дерева черешни, по которым мы виртуозно лазали. Потом когда стали ездить к Роману, мы и туда брали с собой Лейлу. Ее мать тогда не могла навосхищаться на нас: «я никогда не видела такой дружбы». Но дружба оказалось весьма заурядной, как потом выяснилось. Я стала рано читать, проваливаясь в книги, и переставая замечать окружающий мир. Сестра чуть позже. Но книги помогли нам обеим выжить. Были еще друзья Руслана, Саша, украинец, и Павлик, наполовину армянин, наполовину грузин. Оба замечательные ребята, друзья его школьных лет. Потом когда он стал ходить по бабам в разгульную студенческую жизнь у него уже были другие друзья. Они часто заходили, особенно Саша, который стал тогда членом семьи. Иногда нас троих, меня, сестру и Лейлу брали с собой в кино. Позже, когда появился прокат видеомагнитофонов, они устраивали домашний кинозал. Нам запомнились особенно фильмы ужасов. Я перестала после них спать, и Саша обычно шутил после очередного просмотра, чтобы успокоить меня, что «вампиры сегодня в нашем сарае постановили на совете идти за Лелей». Павлик был парнем исключительной порядочности и честности, и от этого он казался друзьям немного занудой. Они вместе с Сашей закончили потом Горно-металлургический институт и стали электриками. Саша и сейчас мой сосед. У него взрослый сын, который тоже стал электриком, а сам он стал почти инвалидом с больным суставом, который отказывается оперировать. Его жена, Ирина, часто заходила ко мне, чтобы оказать посильную помощь, а теперь она сама болеет. Мать Лейлы и Стеллы тоже по прежнему живет в этом доме, и они часто здесь бывают, но не нашли времени проведать друга детства, хотя хорошо знают о том, что мне четыре года назад разбили спину и я живу здесь. Вся эта детская «дружба», хоть и была полезна в свое время для становления психики, во взрослой жизни не могла не оказаться только смешной сентиментальностью. Ведь взрос-

лая дружба это не когда вы вместе спите, едите и живете, а когда вы вместе думаете. Думать мои подруги детства не любили, так что и сочинения им писала я. У нас был бартер: Лейла меняла мне манжеты на школьной форме в выходные, а я писала ей сочинения. Потом, после похорон Романа, мы столкнулись уже взрослыми людьми, и наши дороги окончательно разошлись. Когда у меня под ногами горела земля и все на меня ополчились, они включились в травлю. Лейла мне звонила, выспрашивала информацию о том, где я, куда собираюсь ехать, есть ли у меня средства, где остановлюсь и тп, а потом передавала Руслану или не знаю кому еще. Ее сестра Стелла работала в прокуратуре, и старалась как все быть поближе к местной элите, это понятно. Помню, Стелла тогда сказала: «Ты знаешь, я сегодня сидела за одним столом с Залиной Агузаровой». Но ведь они могли просто не участвовать, никто ведь их насильно не заставлял помогать меня травить. Если мои родственники защищались от позора, который как они считали им несло мое разоблачение, то от чего защищались эти девушки? Просто во взрослой жизни у нас оказался кардинально противоположный контроль: у них физический, который ведет к конформизму и субординации, а у меня интеллектуальный, который развивает совесть и потребность справедливости. Но в детстве мы действительно много времени проводили вместе.

Мать водила нас в детстве в гости к Шалико и Цире. Для нас с сестрой эти посещения были настоящим праздником. Мы очень любили их всех за искренность и веселье, и вскоре очень сдружились с их сыновьями, Тенгизом и Зуриком. Цира всегда казалась мне необыкновенной женщиной, яркой и веселой. Всегда гостеприимная и остроумная, добрая и работящая, это она создавала ощущение праздника своей неувядаемой энергией. Я помню в тот раз, когда мы с Романом лежали на Китайской, после операции на желудке, мы случайно встретили там Циру. Ее как экстрасенса пригласили лечить брата тогдашнего ректора СОГУ Ахурбека Магомедова. И у него и у Романа были соседние отдельные палаты, и Цира тут же предложила параллельно ле-

чить Романа, бесплатно, разумеется. Для меня лично одно ее присутствие было исцеляющим, с ее широкой улыбкой и жизнерадостностью. Отец тоже заулыбался и сразу пошел на поправку. Шалико тоже очень добрый и интеллигентный человек. Я гостила у них в Подмосковье уже после смерти Романа, мне нужно было попасть на прием к врачу, и Шалико каждое утро вставал в пять утра, чтобы проводить меня на остановку и посадить на автобус до Москвы. У них не всегда был достаток, долгое время они как все едва сводили концы с концами. Цира сутками работала в своем парнике, выращивала прекрасные гвоздики, а потом целыми днями простаивала с роскошными букетами цветов на улице. Она рассказывала мне, как помогала бабушкам продавать их куцые цветочки, добавляя пару своих цветов и заворачивая в пышную обертку. В этом вся ее природная доброта. Шалико таксовал, а Цира вела все домашнее хозяйство. Однако, вскоре стало ясно что энергия Циры не случайна, что у нее способности экстрасенса, и к ней выстроились очереди людей за помощью. Цира потом в Москве показывала мне благодарственные письма, в которых ее горячо благодарили за помощь. Их накопилась целая тетрадь, и она ее позже издала. Шалико пришлось взять домашнее хозяйство на себя. «Лейла, не поверишь, он яичницу не мог пожарить, — говорила мне потом Цира. — А теперь как готовит!». Действительно, я до сих пор помню вкус борща, которым Шалико меня угощал. Эти визиты очень скрасили наши безрадостное детство. Тенгиз и Зурик росли в здоровой атмосфере любви и достатка. Пусть у них не всегда был достаток, но всегда все лучшее было для детей. И всегда родители понимали друг друга и спешили во всем поддержать детей. Помню Шалико мне рассказывал, что когда младший сын сказал, что у него болит в школе голова, Шалико разрешил ему ходить в школу через день. Они берегли здоровье детей, физическое и психическое. Это атмосфера здоровой любви, положительных эмоций, которая необходима становлению человека также как почва, вода и солнце для цветка. Только тогда человек вберет в себя все соки, поднимется и расцветет. Цира и Шалико

простые, но честные и божеские люди. Ставят в церкви свечки и учат детей быть достойными людьми. И старшие братья Зои очень помогли. Виктор со своим цветочным кооперативом, в котором у него несколько лет проработала Зоя. Помню, я открыла дверь и увидела теть Аню, жену Алеши, с большой стопкой тарелок в руках. Оказалось, это был день моего рождения, о котором я совсем забыла, а она пришла меня поздравить. Теперь теть Аня очень пожилая, ей уже под девяносто. Алеша умер год или два назад. А до своей смерти он успел навестить меня вместе с Аней, когда я уже сидела парализованная в кресле. Аня очень плакала, увидев меня в таком состоянии. Когда Роберт приехал в новом для него амплуа философа и дона из Ростова, он напросился какое-то время пожить у Шалико, и мы стали чаще видеться. «В следующий раз Роберт к нам на вертолете прилетит», — смеялся тогда Тенгиз, еще совсем мальчишка. А вскоре пришло время поступать в институты, и мы опять встретились все в СОГУ. Я, как Тенгиз поступила на экономический факультет, сестра поступила на юридический факультет, где она вскоре встретила своего мужа. Как-то, когда я училась в Москве, Шалико и Цира приехали к нам в гости. Это было то время, когда Цира уже пользовалась большой популярностью как экстрасенс в Осетии и решила попытать свои силы в Москве. Тогда мы жили с Роландом в двухкомнатной квартире, которую купил мой отец. Их визит пришелся на время моей интенсивной учебы в Плешке, когда я сдавала досрочную сессию и очень боялась ее провалить. К тому же тогда я была уверена, что московский ВУЗ реальный ключ к просвещению и относилась к своей учебе на финансовом факультете гораздо серьезнее, чем она этого заслуживала. Я очень любила их обоих, и в других обстоятельствах была бы счастлива принимать кумиров своего детства у себя, но тогда мне было совершенно не до кого. Они заметили и получилось, что я не показала себя такой радушной и гостеприимной как в свое время Цира. Спустя месяц они нашли работу и сняли квартиру в Москве. Потом, когда за мной началась охота, после публикации «Переключи себе ток», я приехала к ним и попроси-

ла позволить мне остаться несколько дней. Шалико не смог мне отказать, но я видела, что он так же как я тогда, совсем не рад моему визиту. И всего же он сказал: «Конечно, швило, заходи, оставайся». Тенгиз был не рад еще больше, я слышала обрывки их разговора с Шалико, который старался меня защитить и выгородить: «она просто чистая, наивная девочка. Борется с целой системой. Я же не мог так вот ее выгнать в такой беде». Я поторопилась уезжать. Цира так мне сочувствовала, что оторвала от сердца большой флакон своих любимых французских духов, но я не взяла, сославшись на то, что не люблю сладких запахов. Шалико дал мне в дорогу пять тысяч, как позже даст Тося, когда я буду у нее в московской квартире в таком же положении.

Общий язык с детьми моя мать конечно найти не смогла. Отец говорил с нами с уважением, когда мы выросли, как с личностями. Для Зои ее дети навсегда остались маленькими детьми. Она была абсолютно уверена, что мы все ее полная и неотъемлемая собственность, и никто не сможет этого изменить. «Я вас для себя рожала, — часто говорила она мне. — Я была одна, и мне было трудно. А теперь вас пять у меня!» И это бы ничего, если бы она не начала активно вмешиваться в нашу жизнь, как когда-то к Роману. Она пошла к нам в школу и выпросила для меня какое то вспомоществование, как для ребенка из бедной многодетной семьи. Я не против, мы не были богаты, но стоило спросить меня, или предупредить. Я помню шок, когда мне объявили, что эту шубу мне купили на деньги школы при всем классе. Она никогда не считалась с нашими привязанностями и могла спокойно нагрубить нашим друзьям или даже выставить их за дверь. Однажды она пошла домой к Лейле, которой я одолжила джинсы и потребовала срочно их вернуть. В другой раз, она не нашла моего свитера, поразмыслив недолго, она отправилась на работу к матери моей одноклассницы и там при сослуживцах обвинила ее дочь в том, что она спрятала мой свитер. А какое то время спустя нашла этот свитер в одном из своих древних чемоданов, которые она хранила под кроватями со времен приданного. Я ругала ее по-

следними словами, а потом чувствовала вину за то, что так говорила со своей матерью. Она принимала позу жертвы, вздыхала и продолжала делать, что ей вздумается. Особенно доставалось ее сыновьям, которые для нее навсегда остались сопливыми мальчишками в коротеньких штанишках. Я бы не обратила на это внимание, но я слышала с какой злостью Роланд и Роберт обсуждали ее поведение между собой. Роланд был для нее «тру-ля-ля» и трудно передать, как его бесила эта фамильярность, а ей самой казалось верхом материнской нежности. Его стало раздражать в ней абсолютно все. Но окончательно он взбесился после ее визита к нему на тренировки, где он, подражая старшему брату, хотел учиться вольной борьбе. Она обвинила его товарищей то ли в том, что они подменили его новые «борцовки», то ли в том что украли, я уже не помню. Помню только что он со слезами на глазах рассказывал нам, как тренер после ее ухода предложил скинуться на новые борцовки для Роланда. Он больше никогда туда не вернулся, и с борьбой было навсегда покончено. «Мне иногда кажется, — говорил он мне тогда, — что она сейчас подойдет, возьмет меня за штанишки и станет их подтягивать!», не понимая, как смешно это звучит. Сейчас они в прекрасных отношениях, потому что никогда с тех пор вместе не живут, и Роланд просто старается не замечать выходки сумасбродной старухи, а когда переходит грань, просто орет на нее. Руслана и Роберта Зоя побаивалась, в них она все же признала «мужчин», а к нам продолжала всегда относиться как к мебели. Роберт называл ее хитрющей, сыпал матом в ответ на все ее выходки, учил ее хорошим манерам, но на деле остался накрепко привязанным к маминой юбке по сей день. Он и сейчас рассказывает ей все свои дела и знает точную дату ее пенсии. Руслан бесился, выходил из себя, но в конечном итоге прощал ей все. Помню, как она ответила на его длинную тираду одной фразой: «Господи, прости его глупого». Он взбесился и заорал ей в ответ: «Господи, прости ее дуру!» Впрочем, прощать прощал, но даже в кошмарном сне ему не приснилось бы жить с ней в одном

доме. Он винил ее упрямство в том, что она никого не послушала и решила сама лечить бабку, а вызови она вовремя врачей и все могло быть иначе. Пожалуй, из его «благородных» поступков можно было бы вспомнить искреннюю привязанность к бабке, которую он нежно любил и даже ездил к ней в санаторий, когда она там отдыхала. Бабка любили рассказывать как она была рада увидеть его там: «Я купил шерстяное одеяло и шел к себе в дом отдыха. И слышу кто-то кричит: Зинаида Семеновна! Я думаю кто это? Гляжу — Руслан!» И потом когда она болела, он старался ее навещать, и привозил врачей, лекарства, детей, но кроме Зои и нас никто около Зины не оставался дежурить. Не могли вынести тяжести обстановки и боялись заразиться. Зоя очень обижалась, когда они кричали на нее «при детях», то есть при нас с сестрой, и портили ее «авторитет» в наших глазах. Нервная клиника за нервной клиникой — и ее интеллект притупился незаметно для нее и для окружающих. Когда то одна из самых способных студенток, отличница и староста, она превратилась в «зануду», как назвала ее Тося, увидев много лет спустя. «Она стала настоящая зануда», — сказала она добродушно и рассмеялась.

К тому времени, цветочный кооператив Виктора давно перестал существовать, и какое то время ее поддерживал Роберт, который прикупил еще какой-то мебели по мелочи, но никакого серьезного ремонта даже не пробовал делать в квартире. Но ему нравилось одевать Зою, покупать ей новые костюмы, пальто, сапоги. Он называл это «терапией». «Она ходит всю жизнь как чухало. Это всегда травмировало мне психику. Хоть оденет человеческие вещи». Потом слегла бабка, и Зоя принялась ее лечить сама. Врачи сказали, что если бы вовремя обратились, то возможно опухоль можно было вырезать. Бабка проболела долго и Зоя до последнего дня была рядом с ней, и как могла ухаживала за ней. Никогда не боялась заразиться и когда однажды объявили, что будет землетрясение и все выбежали на улицу, она спокойно легла рядом с бабулей и заснула. После ее смерти, ее страсть к тряпкам еще усилилась. Она нес-

ла в дом все, что находила лишнего у сыновей или знакомых. «Зачем выкидывать? Все пригодится!» Потом она нашла какие-то благотворительные организации, где набирала целые сумки вещей из «сэконд хэнда». Вот когда «сэконд хэнд» стал напастью. Она несла домой и складывала в кучи: «Это мой бизнес. Мы будем продавать и заработаем деньги. Правда, я почему то даже тряпочку никогда не смогла продать». Или еще: «Я буду дарить их людям, и они будут меня любить». И действительно, стала надоедать людям своими «подарками». «Она даже к нам эти сумки принесла», — сказала мне как то Цира, когда я очередной раз пожаловалась, что в ее квартире не осталось пространства для жизни. Цира, жена брата Зои, построила два больших красивых дома, и меньше всего нуждалась в таких подарках. Тем временем в квартире уже было не пройти. Мыть полы она перестала, даже одежду стирать перестала, и спала прямо на диване, не раздеваясь. Мы к тому времени уже жили с отцом. В таком положении они оказались с Робертом накануне смерти Романа. В замусоренной квартире, с развинченными дверьми, сорванными обоями, вырванной местами проводкой: Роберт порывался делать ремонт своими силами, а вместо этого добавлял хлама. Не передать словами чего мне стоило расчистить эту квартиру, в которой я теперь живу, после ее накоплений. Еще когда бабуля болела, я переехала в ее квартиру, когда искала уединения и сделала там косметический ремонт: поклеила обои, покрасила, побелила, выкинула лишний мусор. Потом когда ее хоронили, все хвалили чистоту бабули, а мне было приятно, что я хоть чем-то смогла быть полезна этой несчастной старушке. Мы с сестрой тоже провели одиннадцать дней у ее постели, чтобы дать время матери отдохнуть в санатории, когда все так боялись заразиться. Потом гораздо позже, после смерти Романа и обмена квартирами с матерью, я была счастлива, что отправила ее в чистую квартиру Романа на берегу Терека, и как она не сопротивлялась по своей всегдашней глупости сначала, а потом сказала мне: «Я словно попала в санаторий!» А санатории она любила почти так же как нервные

клиники. Впрочем, теперь она отказывается от своих слов, как делает всегда.

Братья называли нас «дети». И когда мы были детьми, действительно неплохо к нам относились. Руслан рассказывал, что часами носил меня на руках, потому что я никак не хотела спать, и ни у кого другого не было сил меня укачивать. Что выстаивал длинные очереди для нас за молоком. Он напомнил об этом и в ту ночь, после похорон. Он привез нам из армии две одинаковые кофты, и мы заносили их до дыр. Потом когда впервые после долгого перерыва увидели отца, мы были в этих кофтах, и он обратил внимание на дыры на локтях. Уже через неделю он прислал нам моднейшие красные свитера с карманами в белую сетку. Сестра так и не смогла его одеть, отложила для праздничных случаев и, не заметила, как выросла из него. Руслан купил нам три раза путевки в лагерь ГСХИ на берегу каспийского моря, и это наверное лучшее, что было в нашем детстве. Роберт привез нам из Москвы больших пластмассовых петушков, когда был там на экскурсии вместе с классом. Я запомнила этих петушков, потому что его классная руководитель очень его хвалила за это: «я его спрашиваю, Роберт все покупают себе модные вещи, что же ты каких то петушков?». Но на модные вещи ему не хватило бы денег, и он купил «детям» петушков. Он купил нам первые «приличные» вещи, когда «разбогател», и это было настоящей революцией для нас после нашего нищенского отрепья из дешевых спортивных костюмов, в которых мы ходили везде, даже фотографироваться, и юбок из комиссионок. Правда приходилось слушать его бредовые теории о корлеоновской романтике, и ушло время, прежде чем мы разобрались, что они бредовые.

Роланд был к нам ближе других, и с ним мы иногда даже играли вместе. Я помню, как вместе втроем затеяли генеральную уборку, а потом с чувством выполненного долга пошли гулять в снежную зиму на улице. Роланд поковырял в снегу клюшкой (а они все были заядлые хоккеисты и футболисты) и вдруг — три рубля. Каждому по рублю! Я до сих пор помню этот восторг. Как

мы веселились. В другой раз он сидел на своей раскладушке в гостиной и загадочным шепотом показывал мне книгу: «Ух, что я сейчас буду читать! Ух, если бы ты знала какая интересная сказка! Волшебник изумрудного города!» Я так позавидовала ему, что помню эту сцену, как если бы все случилось вчера, ведь я еще читать не умела. Роберт нас поколачивал иногда, он был вредным и эгоистичным ребенком, и мне нравилось его дразнить. Когда Роман жил с нами я пряталась за Романа, а потом за Зою. Руслан внушал нам ужас и это именно то, к чему он стремился. Он называл это «воспитанием». Он установил нам распорядок дня, и строго спрашивал, если мы ослушивались. Его слово было для нас законом, и мы знали, что если не послушаться нас ждет гнев Руслана, который был много страшнее самих побоев. А побои обязательно следовали: пощечины, шлепки по голове, и заключительный ногой под зад. Он ставил нас в угол на час, на два, когда был очень зол, и мы бегали и выпрашивали друг для друга поблажки. «Можно она выйдет? Она больше так не будет?» Его, очевидно, забавляла вся эта игра. Мы росли с этим, и я не сразу поняла, что в этом не так. Но эта тирания стала все больше и больше меня смущать по мере моего взросления. Тем более что, что теперь я получала и за то, что спорила с Русланом и отваживалась высказывать свою точку зрения. А мое раннее развитие сильно оттеняло неповоротливость его ума. «Он даже сказки не читал», — обычно с горечью выдыхал Роман. Руслан по этому поводу с огорчением рассказывал, что однажды когда он вышел к трибуне как партийный лидер, один из его боссов опустил голову и закрыл глаза руками. У меня напротив язык был с детства хорошо подвешен. Я уже тогда много читала, и начинала пробовать свою логику в диалектике, как все такие дети. Тогда он стал просто подавлять мою волю, и вот тогда я его окончательно возненавидела. Помню, он приказал мне сказать, что я свинья. Я отказалась. «Пока не скажешь, будешь стоять в углу», — сказал он. Я встала в угол в самом отчаянном состоянии и стояла пока были силы. Сестра очень переживала за меня, и все время бегала за меня изви-

няться. «Выпусти ее пожалуйста, она больше не будет». «Пусть скажет, что она свинья!» Тогда сестра предложила компромисс: «можно она скажет вместо свинья — хрю-хрю?» Его это так развеселило, что он разрешил. Я тоже пошла на такой компромисс, и в полном отчаянии прохрюкала дважды при нем. Он не умел смеяться как Роман, глубоко и с наслаждением, и засмеялся своим самодовольным смехом. И вот пришел такой день, когда моя ненависть пересилила страх. Я что-то кричала в ответ на очередную проделку Зои, как вдруг услышала грозный окрик Руслана. Сам он кричал на нее еще не так, но при нас, как правило, становился на ее сторону. «Я не с тобой разговариваю!», — еще сильнее раздражаясь, закричала ему я в ответ. Это был откровенный бунт и он сразу это почувствовал, вскочил с кровати и прибежал, сверкая бицепсами. «Я тебя больше не боюсь, — со всей ненавистью заявила ему я прямо в лицо, — я тебя ненавижу. Попробуй еще раз меня ударить, я пожалуюсь в милицию!» Я ревела навзрыд. Он для сохранения лица дал мне пару пощечин, но поспешил ретироваться. Он понял, что его власть закончилась, и объявил, что не желает меня больше знать до конца жизни. Он всегда переставал разговаривать с теми, на кого обижался, а мне того и надо было. Я тогда уже вновь общалась с отцом, а вскоре стала студенткой. Прошло года три-четыре, он женился на Беле, у него родился сын, и я его «пожалела», пришла сама мириться. Напрасно. Тогда наши отношения закончились и уже больше никогда не восстанавливались.

Зоя с самого начала была на стороне своих сыновей, как и следовало ожидать. Она обвиняла меня во лжи, и продолжает обвинять сейчас. Она говорит фразы в своем стиле, вроде: «Руслан и Ада у нас главные. Они всеми управляют». В каком то смысле она искупила свою вину, когда согласилась обменять эту квартиру, в которой я теперь живу, на мою половину в квартире Романа, хоть и не без эксцессов. Видимо, когда узнали сыновья, они настояли на том, чтобы она аннулировала сделку, и она аннулировала, несмотря на то, что я заплатила семь с половиной тысяч в регистрационной палате. Да и сама она была рада ее

аннулировать, поскольку я с огромными трудами уговорила ее, почти заставила. Когда открылось ее предательство, я была на грани истерики. Она согласилась зарегистрировать второй раз сделку, и мне пришлось платить второй раз. Но это было пустяками по сравнению с тем, что сделка все-таки была зарегистрирована и я стала независима от ее сыновей. Ведь теперь у меня было свое отдельное жилье.

Мне просто неприятно, что она продолжает играть роль заботливой мамы, которая заботиться о неблагодарной дочери даже после того, как эта дочь всех оклеветала, обвинив в смерти отца. Я не прошу ее свидетельствовать против сыновей, достаточно было бы не свидетельствовать против меня. Сначала она еще боролась за меня, ругаясь с ними за то, что они хотели упечь меня в психушку. «Какие вы бессовестные!» — я однажды слышала ее категорический отказ им помогать, когда они говорили по телефону. Руслан очередной раз объявил, что «не разговаривает с ней», как он отказался разговаривать с Романом, когда тот отправил его потаскушек с московской квартиры. Это именно Зоя нашла тогда Тосю в Москве по телефону, когда я сбежала от Руслана, решившего поместить меня в психушку, и попросила ее приютить меня, иначе я не знаю, что со мной было бы. И когда я позже жила с Зоей, она не позволила им поместить меня в дурдом. Однако по мере того как шло время, она привыкала к этой мысли, особенно после того, как Роланд не только сам лег в психушку, но еще и деньги сверху приплатил, как в том анекдоте. Она подумала, значит, там нет ничего страшного, и потом уже всеми силами помогла Руслану меня запереть. Роланд по мере того как отходил от людей и замыкался в себе становился все более странным. Уже после травмы Роланд заявил, когда всеми правдами и неправдами хотел перевезти меня в Сунжу, что ему не нужна сиделка, чтобы ухаживать за мной, что он может делать это сам. «Ты с ума сошел?» — я даже привстала со своего смертного ложа.

Я помню, как мы спорили с ним в те несколько месяцев, что я прожила с ним и Романом в Сунже, перед самой смертью Ро-

мана. Он тогда уже начинал доказывать, что религия Христа — это слабость и глупость, а подлость, цинизм и эгоизм поведение настоящего мужчины. Как раз та самая философия Ивана Карамазова, что если Бога нет, то все позволено. «Я так считаю и ты мне не докажешь обратного! У каждого свое мнение!». Он считал, что если станет крутым и дерзким, все ключи окажутся в его руках и слабость детства будет в прошлом. «Очень нетрудно тебе доказать твою ошибку, — сказала я, я все пыталась подсунуть ему литературу по психологии почитать, потому что видела, что он погибает, но все тщетно, — Достаточно для этого доказать, что подлость — это слабость, а совесть и сочувствие — сила! И больше никто не предпочтет совести подлость». Тут он осекся и задумался. Сила это то, что он тщетно искал с самого детства. А когда мы сидели в тот вечер после похорон, я ему сказала: «Я вас разоблачу перед всеми, я напишу заявление в прокуратуру, знаете зачем? Чтобы доказать вам, что подлость и низость — это слабость, и что за них всегда приходится платить». А теперь Зоя недавно сказала, что Роланд опять вернулся к христовой вере, испросив у него прощения за свои прегрешения, как подобает христианину.

В то время как я не щадила себя, чтобы уничтожить в себе эго, они шли противоположным путем, убивая в себе совесть и культивируя эго. Мне не нужно было их публичного раскаяния, чтобы их простить. Долг перед Романом я выполнила, когда подала заявление в прокуратура, и придала, таким образом, дело гласности. Мне было достаточно увидеть, что они раскаялись сами для себя. Я бы не стала писать этой книги даже если бы они не раскаялись, но просто оставили меня в покое. Но увы. Они поставили целью доказать всем, что я лгала и клеветала, и лишить меня покоя в моей квартире, где я отдыхала имея возможность не общаться с ними, а с этим я не могу смириться. Они продолжают утверждать, что я лгу и клевещу на них, и что нездорова я, а не они. И первым доказательством приводят мое увечье: я невменяема, я прыгала сама и сама виновата в своем несчастье. Даже если бы я прыгала сама, это вовсе не говори-

ло бы о невменяемости в обстоятельствах, в которых я по их милости оказалась. Но особенно гадко слышать, как они настаивают на том, что я прыгала сама, несмотря на мое категорическое отрицание. Им надо, чтобы так было. Когда меня только привезли, Роланд, конечно по наущению Руслана, поскольку сам он ничего не делает, позвонил мне и категоричным тоном заявил, что я должна публично заявить, что ошибалась, что была нездорова, и говорила о них глупости. Тогда, они возможно будут мне помогать. Я сказала, что мне не нужна никакая их помощь, и что я никогда не откажусь от своих слов. И вот с тех пор идет скрытая борьба, они всеми правдами и неправдами стараются доказать что я банкрот, умственный и физический, и заслужила все что получила, а они благородные братья, которые готовы взять заботу об инвалиде на себя, если я признаю свою вину перед ними. Я больше никогда не смогу общаться со своими братьями.

Был еще один странный мистический случай. После того как я отнесла заявление в прокуратору, я вспомнила как сказал мне Роман, после того случая с его ночной госпитализацией, когда я позвонила его друзьям в министерство: «Она даже в министерство позвонила!». И я подумала, что если бы он мог комментировать мои действия сейчас он опять сказал бы: «Она даже в прокуратуру заявила!» Я тогда делала для себя записки как всегда и записала эту мысль где то у себя, а потом забыла о ней. И вдруг звонит Зое ее старая университетская подруга Надежда Толстая, и говорит в сильном волнении: «Что у вас случилось?» «Все по прежнему», — отвечает Зоя. «А при чем прокуратура? Мне приснился Роман. Как будто стоим мы в очереди. Я говорю, Роман Лейла за тебя так переживает! А он отвечает: Я знаю. Она даже в прокуратору заявила! Вот я и звоню узнать, при чем здесь прокуратура?» Надя тогда еще не знала, о том что я и в самом деле туда заявила и почему. Впрочем, в ее семье лет десять до этих событий произошли гораздо более страшные вещи. Ее муж алкоголик зарубил топором во сне младшего сына, с которым они постоянно конфликтовали. Его посадили, и он целыми днями лил слезы в камере. Потом отпустили, и он до конца жиз-

ни продолжал жить с Надей. Зоя тогда ее очень поддержала в борьбе с «этим негодяем». Они дружат с Зоей уже больше пятидесяти лет, и Надя знает нас с самого рождения. Потом когда я с Зоей лежала в больнице на Китайской площади уже после травмы позвоночника (в той самой больнице, где куда я когда то приехала с Романом ночью), она часто навещала нас, она живет там по соседству. Ей трудно было привыкнуть к моему новому облику.

ГЛАВА 4. СОГУ ИМ. К. ХЕТАГУРОВА

«Сила всегда привлекает людей безнравственных; и думаю, неизбежно, что талантливые тираны всегда окружены негодяями»

А. Эйнштейн

Чем отличаются культурные народы от первобытных? Пониманием «силы». Сила нужна всем, так как закон сохранения энергии — основной закон не только физического мира, но и психического. Только у культурных и первобытных народов кардинально противоположные представления об этой силе. Для первобытных народов сила — это мистика, насилие и власть; для цивилизованных народов сила в интеллекте, в развитом духе, в общем поле совести, сочувствия и справедливости. Возьмите любую литературу, возьмите учебники истории, — люди всегда во все времена искали силу, энергию. Однако, и там есть существенная, радикальная разница в том, как видят силу аборигены, то есть люди с первобытным сознанием, и как видят силу культурные, цивилизованные народы. Для аборигенов все просто: сила это насилие, грубая физическая сила, кто лучше воюют, тот и победитель. Даже их мистика в конечном счете сводится к физической силе, просто всесильной и вездесущей, не нуждающейся в уме и логике. Развитые культурные люди уже обладали интеллектом. Они поняли, что

физическая сила минимальна, а мистика всесилия — ложная. Что настоящую силу дает только научный интеллект через контроль законов природы и доступ к энергиям природы. Совесть и сочувствие, которые объединяют энергию людей в их конструктивной работе. Какой огромной энергией распоряжается современный цивилизованный мир! Что? Как он ее получил? Магией и колдовством абориген? Войнами и грабежами? Нет же, трудами Менделеевых и Ньютонов, научным интеллектом. Единением совести и сочувствия в гуманистической философии, в буддизме и христианстве. Умные люди давно, еще с тех времен, которые Карл Ясперс назвал «осевым временем» поняли, что эгоизм, связанный с грубой физической силой и враждой людей разрушителен и ведет к прямо противоположному результату: не силе, а потере себя, к полному распаду человеческой энергии и к краху. Это время зарождения основных мировых религий: Авесты Заратустры, Упанишадов и Будды, еврейских пророков, китайской философии. Действительно, именно о том, что есть в человеке два различных Я, две различные энергии, больная и здоровая, мертвая и живая, разумная и тупая рассказывают все мировые религии. И что грубая сила, которая связана с эгоизмом — есть гибель и слабость, а научный интеллект, сочувствие и совесть — великая сила, красота и жизнь. В этом смысле современная гуманистическая психология это развитие осевого времени Ясперса. Впрочем, Ясперс потому и назвал его осевым, что считал основой нашей цивилизации, которой питаются все эпохи и к которой возвращаются после времен варварства как к Возрождению. А те кто остается в стороне от этой культуры осевого времени — доисторические народы, считал Ясперс, первобытное сознание.

С тех пор культурные народы постоянно разрабатывают эту мысль, развивая ее в своей науке, литературе, в искусстве. Этим отличаются современные культурные народы от диких и первобытных. У них есть разработанный пласт литературы о душевном здоровье и душевной силе, который разоблачает болезнь и ищет пути к духовной силе и росту. В этом смысле русская ли-

тература, действительно, великая литература, и большой вклад в мировую сокровищницу. В том числе конечно романы Достоевского и его последний роман «Братья Карамазовы». Как раз это вечная со времен осевого времени тема во всех его книгах разрабатывается подробно и всесторонне. О том, что в поисках грубой силы («Вошь я или человек?») люди невольно уничтожают свою душу.

В этом смысле, как ни печально это констатировать, осетинский народ, в той мере, в которой он претендует на замкнутость своей национальной культуры, это первобытный народ. У осетин нет этой культуры поисков настоящей духовной силы, которая у культурных народов имеет место со времен осевого времени. Официально приняв христианство, они остались в большинстве своем язычниками, даже большая часть тех, кто называет себя христианами. Для них распятый Христос — бог слабости и унижения, как для Ницше. Тем не менее, здесь довольно сильные протестантские церкви, которые усердно читают евангелие, переводят его на осетинский язык, и стараются понять философию христианства, а не просто увлекаются магией символов, как это принято в католических и православных церквах. Ярким представителем протестантского движения в этом смысле был Толстой. Но это ничтожный процент населения. Большая часть понимает силу так, как ее понимали предки скифских и сарматских племен.

Это еще одно доказательство в пользу философии Ясперса: либо единое осевое время человеческой цивилизации, либо доисторические народы. Культура, цивилизация, разумная жизнь имеет одинаковое происхождение и универсальна для всего человечества. И те общества, которые приобщаются к культуре, постепенно входят в это мировое сообщество и становятся одной семьей.

Когда В. Гергиев на открытии памятника Гайто Газданову во Франции сказал буквально следующую фразу, — «Я думаю, он жил и думал в русле всего этого небольшого народа», — он звучал очень неубедительно. Гайто Газданову удалось стать ча-

стью мировой культуры, но «весь этот небольшой народ» еще только на пути к приобщению к ней. Достаточно поверхностного сравнения рефлексии и этики в книгах Газданова с осетинским менталитетом, чтобы это стало очевидно любому. Газданов был русским писателем, он писал на русском языке и любил русскую литературу, на которой вырос. На осетинском языке невозможно выразить мысли, которые он развивает в своей книге, иначе на осетинский язык была бы переведена мировая классика и мировая научная мысль. Поэтому у осетин в целом пока мало развита та духовная культура в поисках настоящей психической силы, которая в цивилизованных обществах имеет место со времен осевого времени. Я буду называть гопничество и мачизм в поклонении физической силе — макиавеллизмом, а культуру зародившуюся в осевое время и выразившуюся в поисках силу духа и совести и сочувствия — духоборчеством.

В этом смысле очень характерен осетинский университет, в котором я провела два года до своего перевода в Москву: один год на заочном, и один год на очном отделении. Тогда он на меня произвел впечатление «лягушатника», болота, в котором не шевелится ни одна живая мысль. Единственным выходом я видела поиски хорошего образования в Москве или заграницей. О загранице я не могла и мечтать, а вот Москва была вполне доступна, если бы Роман согласился мне помочь. Он очень не хотел отпускать меня в Москву, сопротивлялся как мог, но по своей всегдашней неспособности к насилию, увидев что мне по настоящему плохо, уступил, и сам поехал в Москву договариваться о моем переводе в московский ВУЗ. Ведь и он когда-то уехал учится в МГУ. Я была уверена, что там знают, что такое научное мышление. И хотя в целом я ошиблась, в Москве можно было найти книги и нескольких человек, которые все таки знали, что такое научное мышление. Но в целом Плешка произвела на меня угнетающее впечатление и когда позже на приеме у ректора, он спросил меня, откуда я перевелась, и похвалил в ответ осетинский университет, его оценка не имела для меня убедительной силы: «СОГУ, — с чувством покачал он головой, —

это хороший ВУЗ». Тогда СОГУ был местом, где все продается и покупается, и теперь с ректором, которого я знаю со студенческой скамьи, и который всегда хвастал тем, что «пробьет любого преподавателя», вряд ли он сильно изменился.

Мы и сыновьями Шалико, брата Зои, поступили туда все примерно в одно время. Я, Тенгиз и Зураб на экономический, сестра на юридический. На юридическом факультете абсолютным авторитетом был героический Станислав Кесаев, страдающий ДЦП интеллектуал, который так здорово держится, что его врожденное увечье даже придает некоторый шарм. Это ему я впоследствии носила свои книги, как депутату местного парламента, и единственному в Осетии человеку с репутацией интеллектуала. Алан Огоев, ректор университета, был моим однокурсником на экономическом факультете СОГУ, Тенгиз учился двумя курсами старше. Потом они в одно время учились в аспирантуре в Питере, у одного и того же научного руководителя осетинского происхождения. А теперь уже много лет преподают на экономическом факультете СОГУ. Оба позже защитили докторские диссертации, оба вступили в Единую Россию и какое-то время работали в правительстве республики. Огоев министром образования, Тенгиз заместителем мэра Владикавказа. Сейчас Тенгиз профессор на кафедре финансов, Огоев ректор университета. Мне ничего неизвестно об их отношениях, кроме того что они встречаются по службе. Роберт говорил мне уже после травмы, что Огоев подошел к нему где-то в общественном месте, хотя Роберт с ним незнаком, и пожал руку. «Может он исправился, и теперь хочет тебе помочь?» «Если бы он исправился, он как у Достоевского вышел бы к народу, поклонился на четыре стороны и повинился. А ты спроси его, он как Руслан скажет, что это плод моего больного воображения. Не позорься, держись от него подальше», — сказала я, зная о его слабости к людям «со статусом».

Я упомяну тут об истории с Аланом Огоевым, потому что она не мало поспособствовала тому, что я оказалась сегодня в инвалидном кресле, беспомощная и зависимая от всех. От давления

Огоева меня в свое время спасла поддержка отца. То что он в свое время помог мне с переводом в Москву, то что он финансировал мою учебу, покупал мне книги, позволил продать квартиру, буквально спасло меня в то время. Я уехала из республики с ее кавказским идолом силы, встретила много новых людей, другого мировоззрения, других стран и наций, я нашла книги и усердно училась. Я избавилась от морального, социального и силового давления местной среды. Я стала другим человеком. Главное, я физически находилась в другом пространстве и давление, которое оказывал на меня Огоев было нейтрализовано. Если бы не поддержка отца, который позволил мне выучится и стать человеком, меня бы раздавили и я бы погибла также как сотни и тысячи других девушек на кавказе. Я не стала бы не только ученым, но даже просто личностью.

Однажды я не выдержала и рассказала об этом давлении отцу, хотя подбирать слова было трудно в этой мутной истории. «Он в правительстве? Его же очень легко испугать!», — сказал мне тогда отец, но я настояла чтобы он не вмешивался. А потом очень жалела. Кора Дробанская, жена Льва Ландау, писала в своих мемуарах, что с ней случилась «большая беда», когда какой-то гопник с пистолетом стал неотступно преследовать ее. Все же ее беда была меньше чем моя, поскольку мне прямо никто не угрожал, а значит не было возможности защищаться. Когда я рассказала эту историю Тенгизу, он был поражен моими откровениями: «Аланчик? Огоев? Не может быть...» «Я сама решу этот вопрос, — сказала я тогда, — Я опубликую все, что я знаю». «А здесь так нельзя делать», — сказал мне тогда Тенгиз. Видимо он думал, что в Москве так можно делать. Он читал мою книгу «Переключи себе ток», ту самую, где я рассказала об опыте обучения в Плешке, и за которую потом за мной установили слежку.

Мы проучились с Аланом Огоев на одном курсе, в одной группе всего один год. Возраст 17 и 18 лет. Мы сидели за одной партой и внешне вроде бы много разговаривали, но это не было общением, а только юношеские миражи. Мы так и разошлись совершенно незнакомыми людьми.

Собственно, он уже тогда казался неспособным к искреннему общению. Он старался казаться простым, общительным «рубахой» парнем, но как позже оказалось за его наигранной улыбкой пряталось огромное Эго. Он уже тогда как бы в шутку говорил: «Вы знаете с кем вы общаетесь? С будущим членом правительства». На эту же вертикаль были все его устремления и планы. Этот смысл жизни всегда вытесняет все настоящее и человеческое, как потом получилось и с Русланом. И такие люди всегда гордятся не только своим умением построить нижестоящих, но и своей способностью построиться самим перед вышестоящими. Если мои братья отчаянно искали силу Эго и не могли найти, то в этом человеке с самого начала чувствовалась какая-то «культура насилия», было видно, что за ним стоит какая то психологическая поддержка, которая питает и вдохновляет его раздутое Эго. Он рассказывал про постоянные перелеты на вертолете отца, про «солдатиков», которые его нянчили как сына полка, про переезды из города в город и тоску по родине. Он восхищался Сталиным и говорил, что «люди боятся силы». Это тот случай состоявшегося Эго, который так отчаянно искали мои братья. Как им повезло, что их мечта не состоялась! Вот кто не стал бы уезжать из СОГУ в поисках «учебы»: «У меня была возможность учиться заграницей. Я отказался. Я там буду никому не нужен». «А здесь ты кому нужен?» «А здесь я нужен папе и маме».

Потом, когда мы оба получили дипломы, я в Москве, он в СОГУ, мы один раз встречались. Он заехал за мной на папином джипе в дом у гостиницы Владикавказ, в котором мы жили с Романом, и отвез меня в кафе, «Белый попугай», насколько я помню, где мы ели мороженное и пили сок и кофе. Формально это выглядело так, как будто он делал мне предложение. «Я всегда для себя все выясняю. Ты знаешь, как говорят о людях, которые не женятся после 25? У них либо ниже пояса не в порядке, либо выше. Самый лучший муж из общежития. Сам убирает, сам готовит, сам стирает. Мне не нравится… нет, я не доволен, что ты до сих пор не определилась со спутником жизни!». Он тогда уже учился в аспирантуре

в Питере, и приехал на зимние каникулы. По ходу рассказывал, что его дядя-генерал (отец и дед тоже были генералами) баллотируется в президенты республики и кокетливо просил подать за него голос. Дядя его выборы в президенты проиграл, но стал заместителем Шойгу в Москве, министра МЧС на тот момент. Давно это было. Союз, деловой или личный, был невозможен между нами, потому что мы были чужими, незнакомыми людьми, и потому что у нас не могло быть никаких человеческих отношений. Неважно, кто что сказал, кто, как посмотрел, кто, как понял то, что сказал другой, — настоящая причина была в том, что мы были бесконечно разными людьми. Просто на тот момент очень молодыми. Он был ярким представителем культуры макиавеллизма, я столь же ярким представителем противоположной культуры — духоборчества. Об этом со всей очевидностью говорят фразы, которые он любил произносить: «Люди боятся силы! Надо показывать людям силу!» «Это не на всех распространяется, — ответила ему я тогда, как представитель духоборчества, — Это зависит от степени развития сознания». Он промолчал, но я видела по глазам, что не поверил. «Ты со мной так не шути!», «А как я с тобой шучу?», «Ну-у, ты еще найдешь своего рыцаря!». Или еще: «Ты не умеешь врать!», — сказал он мне с таким самодовольством тогда в кафе, что я спросила его в ответ: «А ты умеешь врать?». «Да, — уверено кивнул он, — я умею врать». Он сказал мне это в ответ на мое замечание о его книге: «Мы издали книгу. Там большой коллектив авторов, и я тоже». «Я уверена, это очень хорошая книга». Вот тогда он сказал, что я вру, хоть и не умею врать. Он отвез меня обратно домой и ухмыльнулся на прощание: «Попытка номер 5». Я не сразу поняла, какие попытки он считает, и только потом меня осенило: попытки установить субординацию. «Курица не птица, женщина не человек». И не из злорадства и садизма, а просто эти люди не умеют общаться по другому, — либо господство и подчинение, то есть власть, либо вообще нет никакой коммуникации. Что такое духовное общение им неизвестно, эта плоскость вообще не просматривается, и может быть только объектом издевательств. Это главная тема романов Газданова: мертвенность животности против этики

и эстетики духовного общения. Он и сам почувствовал, что мы принадлежим к разным мирам во время той встречи, замялся и сказал: «Ты когда-нибудь видела, как едят спортсмены? Твои интеллигентские замашки...». Впрочем, он почувствовал это гораздо раньше, еще на студенческой скамье: «Я не достоин твоего ума, твоего интеллекта». Как он ошибался, однако! Ректор СОГУ и министр образования! Доктор наук, наконец, а мне даже кандидатскую не дали защитить. Впрочем, он не намерен был сдаваться.

После той встречи я забыла об Огоеве, и уже не вспомнила бы, потому что было ясно, что мы разные люди из разных миров. Все внимание, которое было у меня исторгнуто позже, было результатом анонимного давления, к которому я сейчас перехожу. Попробуйте стать угрозой для кого-то, и он только о вас и будет думать. О том же пишет и Грин Р. в «48 законов власти». На этом отношения с Огоевым могли бы быть исчерпанными, но потом началось некое анонимное давление: мне постоянно звонили разные люди, иногда подходили на улице, спрашивали какие-нибудь глупости, но главное создавали ощущение некоей загнанности, так словно ты окружен со всех сторон и должен постоянно это иметь в виду. Говорить об этом и защищаться ты не можешь, потому что ничего не можешь доказать. По крайней мере, мне так казалось, возможно, я преувеличивала свою беззащитность. Потом мне как-то сказала Лейла, когда я ей жаловалась: «Нашли бы как доказать!». Этой тактикой анонимного давления активно пользуются все макиавеллисты, разница только в ньюансах.

Например, Стенли Бинг, автор бестселлера о хитрых и коварных эксплуататорах «Как поступил бы Макиавелли?» в этой связи пишет в главе под названием «Он заставил бы их бояться за свою жизнь»:

«В один прекрасный день Шэг Кнайт, основатель студии звукозаписи „Death Row“ и значимая фигура в своем бизнесе, решил, что одному певцу, записывавшемуся у него, причитался кусок пирога от песни „Ice Ice Baby“, которую прежде записал преуспевающий рэпер Ванилла Айс. Песня стала суперхитом.

Прибыль от продаж была сногсшибательной. И вот мистер Айс с некоторого времени стал замечать, что, куда бы он ни шел, мистер Кнайт был тут как тут в том же месте, притом с парочкой друзей. Стоило мистеру Айсу окинуть взглядом соседние столики в ресторане, и он обязательно видел мистера Кнайта со своими телохранителями. Тот лишь небрежно махал ему рукой, что-то вроде беззвучного „Ку-ку, Айс, я тебя вижу". Смысл, скрывавшийся за таким приветствием, был совершенно определенным и далеко не дружественным. Я знаю, где ты бываешь. Я могу достать тебя, куда бы ты ни отправился. Это продолжалось довольно долго, пока, наконец, мистер Айс не начал опасаться за свою безопасность и почувствовал, что укрыться ему негде. Однажды, когда их „клиент" достаточно созрел, мистер Кнайт и несколько его сотрудников вынудили мистера Айса согласиться на деловую встречу в номере одного отеля. В ходе встречи мистер Кнайт и его команда посчитали нужным свесить мистера Айса с подоконника и в таком положении продержать его за закрытым окном некоторое время, пока компания обсуждала некоторые конфиденциальные вопросы. Убежденный в серьезности намерений мистера Кнайта, мистер Айс уступил значительную часть своих прав на означенную песню. Заседание закрыто» Стенли Бинг Как поступил бы Макиавелли

Много лет меня преследовали анонимными звонками. Когда я потом в милиции спрашивала, есть ли какое наказание за это, следователь сказал «это мелкое хулиганство». В этом все несовершенство современного права: плоскость психического давление совершенно не просматривается. Звонили на праздники, на дни рождения, звонили, когда я жила в своей квартире на ГЭ-Се, звонили в московскую квартиру, или к отцу, когда я бывала у него. Тогда еще сотовые только начинались, и были большой редкостью. Домашний телефон я отключала и месяцами оставалась без телефона, когда не могла отключить, приходилось терпеть это откровенное издевательство. И поскольку я в городе ни с кем не общалась, проводя все время в занятиях с книгами, я подумала, что это мог быть Алан Огоев. Тем более, что с такой

легкостью узнавать мои телефоны мог только человек, который имел его связи в правительстве республики. Но уверенности у меня быть не могло, тем более я не могла этого доказать. У меня и сейчас очень мало фактов, но кое-какие факты все же есть. И теперь у меня есть абсолютная уверенность в том, что за этим анонимным давлением стоял Алан Огоев. Ниже я обобщила то немногое, что мне удалось сделать, чтобы разоблачить его и как то снизить это давление.

Тогда я пошла на почту и отправила на его старый адрес свою книгу «Организм как энергопоток». Это была моя первая монография, очень небольшая, на том большом пути, который мне еще предстояло пройти до окончательного формулирования теории психической энергии. Я тогда еще даже не знала, что работаю над теорией психической энергии. И хотя позже, когда я поступила снова в Плешку, но теперь в аспирантуру, мой научный руководитель Панков хвалил эту книгу («Я читал. Очень даже прилично»), я сама уверена, что она не представляла еще никакой научной или художественной ценности. Просто интеллектуальная разминка, обязательная стадия у всех будущих ученых. Я отправила ее по двум причинам: чтобы показать, что я ученый, надеясь, что меня оставят в покое. И чтобы дать сведения человеку о психологии, который, если это действительно был он, явно запутался. Потом я набрала нашей однокурснице, Марианне Кодзаевой, чтобы узнать что происходит. Марианна мне сообщила, что Огоев женат и у него сын, и что теперь он работает в управлении национальным банком Осетии.

Спустя какое-то время, меня окликнул мужчина на иномарке. Я его с трудом узнала, это был Алан Огоев. Я его увижу впоследствии еще два раза, тоже по причине того же давления, и каждый раз он будет одет как богатый купец. Все самое дорогое и блестящее, от машины до кроссовок. Это было уже цветущее Эго, с манерами вельможного сановника. Он подошел ко мне, обнял и на прощание взял телефон; обещал непременно звонить. Вечером, часов в 10 того же дня, действительно набрал и предложил встречу «на природе». «Я получил твою книгу, спа-

сибо. А ты занялась психологией? Я подумал, почему бы нам не встретиться на природе?» Оказалось, он не знал, что я говорила с Марианной и знаю о его семейном положении. Был очень разочарован. Но факт остается фактом: звонил поздно вечером и предлагал встречу на природе. Позже он формулировал смелее: «Я не знаю, что ты там себе накрутила. Надо быть выше этого, ок?» Или еще: «Я всегда для себя все выясняю. Например, хочу секса. Или, по другому, хочу любви». Он делал вид, что не знает, что то, что он предлагает, не имеет никакого отношения ни к сексу, ни к любви, только к циничному надругательству над волей человека. К отношениям, любым человеческом отношениям не вынуждают насильно.

1. Алина Хадонова

Марианна тогда же сообщила мне о том, что Алина Хадонова тоже уехала в Москву, и работает там в аудиторской компании. Это тоже наша однокурсница. Я набрала Алине, оказалась она не только работала в Москве, но и жила по соседству со мной, всего в двух станциях метро от меня. Мы встретились в Москве. Я тогда снимала романовскую квартиру у братьев в Москве, и предложила ей поделить со мной расходы и переехать ко мне, что она сделала с удовольствием. Я продала однокомнатную квартиру во Владикавказе, которую купил мне Роман, чтобы ехать продолжать учебу в аспирантуре в Москве. И выплатила ее всю братьям, по 500 долларов в месяц. Цены одинаковые везде, а жить у чужих людей не хотелось.

Алина мне рассказывала о наших общих знакомых, и в том числе об Алане Огоеве. Она не любила его еще со студенческих времен, считала лицемерным и циничным. Как выяснилось, незадолго до моего звонка ей, они встретились во Владикавказе, и он предложил ее подвезти. «Я так удивилась. Обычно он держится особняком. А тут согласился даже сделать запрос в нашу аудиторскую компанию в Москве на аудит нацбанка во Владикавказе. Он обещал перезвонить и пропал! К-л! Я так и знала!»

Вскоре и она стала свидетелем анонимных звонков, сначала не обращала внимание, потом стала все больше удивляться. Тогда я рассказала ей, что меня уже много лет преследуют анонимными звонками, не только в Москве, но прежде всего дома. А потом рассказала ей, что я подозреваю Огоева Алана. Она была шокирована, «Это надо еще доказать». Я решила воспользоваться ее присутствием, и разрешить ситуацию. Набрала Алану Огоеву и постаралась его разговорить. Вспомнила нашу встречу в кафе. Сказала, что тогда он больше не позвонил и не приехал, а потом женился. Чем же я теперь могу ему помочь? Сказала про анонимные звонки, которые доводят меня до отчаяния и лишают способности нормально жить, и выразила уверенность, что звонил, конечно, не он. Но попросила рассказать мне его позицию, чтобы мне больше не приходило в голову мысль, что это все таки мог бы быть он. Огоев меня внимательно выслушал, трубку снимал аккуратно каждый раз, как я набирала. Сказал, что не представляет, кто бы мог мне звонить, что мы были друзьями, а «друзья иногда встречаются». Я поблагодарила его за внимание, и сказала, что теперь я вижу, что мои подозрения были смешны, а раньше мне было совсем не смешно. Огоев ответил мне неожиданной фразой: «Значит, посмеялась надо мной, и все прошло, да?». Я сказала, что смеялась над собой, что трудно посмеяться над собой, над другими легко. Действительно, уничтожение своего Эго было основой моего духоборчества все это время. С ним, как и с моими братьями, мы двигались двумя противоположными дорогами: они стремились укрепить свое Эго и достичь виртуозности макиавеллизма, я напротив, уничтожала в себе эго на пути к науке и человечности, что и составляет существо духоборчества. О том была позже и рукопись «Переключи себе ток». Алан Огоев сказал тогда, что я поступила «некрасиво, нехорошо», набрав ему и вызывая его на откровенные разговоры. Что «ты раскккррылась», а это унизительно «для такой красивой девушки». На этом мы и расстались.

Я пересказывала Алине Хадоновой все наши беседы. Только ее присутствие, присутствие свидетеля, который знал Огоева,

дало мне силы набрать ему и вызвать его на откровенность. Хотя говорила я не при ней. Она была шокирована «Даже я думала об Огоеве лучше». Звонки в мою квартиру продолжались. Ей становилось у меня очень неуютно. Как же чувствовала себя я все эти долгие годы? Наконец, Огоев заподозрил правду: что все эти переговоры шли практически на глазах у третьего человека, нашей однокурсницы. Он набрал мне спустя несколько дней и спросил, не знаю ли я телефона Алины, «я не могу ей дозвониться по старому телефону». На самом деле он хотел знать, живет она у меня или нет. Я сказала, что она живет у меня, и он поспешил распрощаться. На следующий день Алина сообщила мне, что он ей позвонил, был как никогда вежлив, и сказал, что уже выслал запрос ее аудиторской компании на аудит нацбанка Осетии. Если раньше он прятался, то теперь, наконец, выполнил ее просьбу. Алина тем временем поспешила съехать с моей квартиры. «Не вмешивай меня в эту историю». Как я ее понимала, меня бы тоже перестали вмешивать в «эту историю»!

2. Вадим Исаев

Но это еще не конец истории. Вскоре мне позвонили с московского городского номера на мой первый сотовый телефон и опять молчали. Номер определился. Я сидела в ленинской библиотеке (РГБ), где я проводила много времени в Москве. Когда я вернулась домой, я набрала на московский номер, который определился. Мне ответила женщина, перепугалась, стала извиняться и сказала, что это недоразумение. Я положила трубку. Через какое-то время она перезвонила, и говорила уже совсем другим тоном. Из самых ярких ее перлов: «Такому говну как ты в ленинской библиотеке делать нечего», «Я нашла твой телефон в книжке у своего мужа», и наконец, «Тебя отпиздят». Разговор подействовал на меня как раскаленная сковорода. Я бросилась бежать в наше отделение московской милиции, «Вешняки», насколько я помню, у меня была на тот момент московская прописка. Там я написала заявление, показала милици-

онерам входящий номер, они все запротоколировали и зарегистрировали мое заявление. Я хорошо помню, что взяла справку о регистрации заявления в милиции. Потом в состоянии полной паники и истерики рассказывала, как могла эту ужасную историю, в которой не видно было ни головы, ни хвоста. Возбуждать дело отказались за отсутствием состава преступления. Наконец, следователи меня пожалели и стали искать телефон в базе данных. Имя владелицы квартиры мне абсолютно ничего не сказало. Мужа у нее не оказалось, по крайней мере, в этой базе никто не значился, насколько я помню. Тогда стали пробивать соседей по лестничной площадке. Нашелся один человек с осетинской фамилией «Вадим Исаев», 1978 года рождения. Это было удачей.

Я вернулась во Владикавказ, попросила Огоева о встрече. Вот яркий пример, как меня вынуждали проявлять внимание. Он явился. «Мы с тобой поедем к вечному огню». Но романтическое настроение у него прошло, когда я передала ему привет от Вадима Исаева. Он был потрясен, на какое-то время потерял дар речи. Потом стал озираться по сторонам, словно боясь засады, наконец, развернулся ко мне и сказал со всей выразительностью: «Все! Тебе больше никто не позвонит!». Оказалось к тому же, что он как раз только что был в отпуске в Москве. «Так ты знаешь Вадима Исаева?» «Ну я так на вскидку не вспомню». Слова своего он не сдержал, как только испуг прошел, звонки опять возобновились с прежней силой. Это в эту встречу он сказал ту фразу: «Я всегда все для себя выясняю. Например, хочу секса. Или, хочу любви».

Какое то время я жила спокойно. Потом уже в Москве стала замечать во дворе иномарку с замазанными грязью номерами. Мне это не понравилось, таких иномарок я там раньше не видела. А однажды когда я шла из издательства с коробкой моих напечатанных книг, какой то четырехугольный амбал вышел из обычных Жигулей и, не оставляющим сомнений в его намерениях шагом, направился в мою сторону. Я остановилась и обреченно ожидала приближения этой страшной фигуры, он смот-

рел мне прямо в глаза. Из-за угла появились девочки, громко о чем то хихикая в тот момент, когда ему оставалась пара шагов, и он резко развернулся на 180 градусов и тем же решительным быстрым шагом пошел назад к своей машине, быстро сел и уехал. Я предполагаю, он хотел отобрать коробку с книгами. Чего он действительно хотел никто не знает. После этого случая, я сшила все многолетние наброски в «Переключи себе ток» и безо всякой редакции отправила в издательство. Если меня убьют, думал я, мои труды не должны пропасть. Скандал, связанный с этой книгой, когда уже включились спецслужбы, сильно напугал авторов анонимных звонков. Меня оставили в покое надолго. После гибели отца я вся ушла в свою научную работу. Я тогда опубликовала «Власть и контроль или импотенция современной психологии», «Болезнь эго-девственности», «Плюс моего минуса», «Россия между открытым и закрытым обществом». Уже на последних книгах опять начали мне надоедать звонками с прежней интенсивностью.

Примерно в это время я опубликовала рукопись «Психическое насилие или война на поле психической энергии». Если вы откроете эту рукопись вас поразит контраст, который в ней просвечивает: талант и знания с одной стороны, раздавленная личность в бреду истерики с другой. Так на мне сказалось постоянное давление этого человека, который безжалостно пробовал на мне привитую ему с детства «культуру насилия». Они не просто давили на психику, они ставили эксперимент, пробуя свои методы подавления воли и сознания. Мне стало дурно, когда я перечитала пару страниц, чтобы вспомнить конкретные фразы, которые этот человек произносил. К счастью, я смогла избавится от его давления и вся эта история стерлась у меня из головы. Печать этих записок была просто жестом отчаяния, давление достигло такого накала, что я буквально разлагалась на части. Поскольку доказательств у меня не было, или я считала, что их не было, я наложила реальные диалоги на вымышленную фабулу. В итоге она оказалась не состоятельна ни как документ, ни как отвлеченная проза, ни как научной ис-

следование. Я назвала эти записки «Психическое насилие или война на поле психической энергии». А потом написала письмо на сайт президента, рассказав, что я автор теории психической энергии, обо всех опубликованных книгах и о том, что много лет подвергаюсь давлению и угрозам. Я писала такое же письмо после публикации «Переключи себе ток», когда я писала во все СМИ, только там я жаловалась на преследование спецслужб, которого я к слову тоже доказать не могла. Тогда мне никто не ответил, но какое-то время я жила спокойно. Теперь пришел ответ, что письмо получено и отослано в Министерство образования России. Потом пришло письмо оттуда с рекомендацией обратиться в РГНФ, что я и сделала. Мою заявку зарегистрировали, но дали отрицательный ответ. Я тогда закончила аспирантуру на кафедре Социальной психологии во Владикавказе, в СОГПИ. И планировала отправиться защищать в качестве диссертации свою теорию психической энергии в Москву, на факультете психологии МГУ. Меня опять попытались задержать, и в этот раз у них все получилось: меня поместили в психушку, несмотря на то, что я только что закончила аспирантуру по психологии. Правда я пробыла там всего несколько дней (с 7 марта по 10 марта 2015 года), но тем не менее это самое страшное, что я пережила в своей жизни. Я расскажу об этом подробнее в следующей главе. Я сумела оттуда выйти, и все таки улетела в Москву. Я успела переговорить с научным сотрудником на факультете психологии МГУ, а спустя несколько дней мне сломали спину: многоуровневая травма позвоночника и множественные переломы ребер. Одним вечером я заснула в хостеле «Apple» на Маросейке (2015 год, 22 марта), и мне уже не было суждено проснуться здоровым человеком. Я очнулась в отделении экстренной реанимации в НИИ Склифосовского уже чудовищем, у которого были парализованы все функции жизнедеятельности, как в том рассказе Кафки «Превращение». Многоуровневая травма позвоночника, множественные переломы ребер, остановка сердца. С тех пор прошло почти пять лет. Мне сделали три опера-

ции на позвоночнике. Две из них в медицинском центре в Беслане.

В целом меня перестали беспокоить анонимные звонки. Я стараюсь не отвечать на незнакомые номера, но когда жду звонка из транспортной компании, курьеры которых приносят мне мои напечатанные книги, я вынуждена отвечать. И, такое совпадение, стоило мне снять трубку, мне предложили посылку с ОБУвью. Обычно они не знают, что находится в посылках их клиентов. Да, я настаиваю, что так шутят больные люди, кто бы они ни были. Сейчас я по прежнему беспомощный инвалид, с незаживающими ранами и регулярно поднимающейся температурой.

Я вовсе не хочу сказать, что осетины способны только к макиавеллизму и совсем не способны к духоборчеству. Я говорила уже, что здесь есть протестантские церкви, где люди не просто совершают ритуальные обряды, как в православии, а читают евангелие и изучают философию христианства, насколько умеют. Для первого осевого времени Ясперса, а он считал, что оно все еще не закончилось, этого достаточно. Есть великий осетинский духоборец, Гайто Газданов, книги которого меня просто поразили. Есть осетинский поэт Коста Хетагуров. Есть Григорий Токати, «советский и английский ученый в области ракетодинамики и космонавтики, глава Департамента авиации и космической технологии Лондонского университета, профессор, публицист», как рекомендует его Википедия. Он был секретарем маршала Жукова во время Второй мировой, и говорит, что тот всегда останется для него другом, тогда как Сталина и Ленина «он скинул бы в Терек, как фанатиков и террористов». Обычный осетин не способен сказать так о Сталине, это тоже национальный идол, а идолов, как известно, не судят. Я помню, с каким восхищением говорил мне о Сталине Огоев. «Такого больше не будет! Гений!». Руслан и его партия «Коммунисты России» взяли своим лозунгом «Вернем сталинскую справедливость!». Возможно, Сталин и был гением макиавеллизма. Но духоборцы особенно ненавидят тех, кто состоялся в макиавеллизме. Токати написал книгу: «Stalin means war»

(Сталин означает войну). В интервью, которое он дал Акиму Салбиеву незадолго до смерти, он говорит о неразвитости Осетии эвфемизмами: «танцы с кинжалами нецивилизованны», «есть другие маленькие государства, которые развиваются как осенний луг, дело не в том, что Осетия маленькая», «осетины много хвастаются и это опасно». Есть Васо Абаев, «языковед-иранист, доктор филологический наук, действительный член азиатского общества Великобритании и Ирландии, заслуженный деятель науки и лауреат государственной премии СССР». Он один из авторов перевода «Авесты», древней иранской религии зороастризма, и один из тех кто доказал родственность осетинского и иранского языков. Карл Ясперс пишет об Авесте Заратустры, как об одном из знаковых, решающих событий осевого времени, то есть начала культуры духоборчества, которая стала источником человеческой цивилизации.

Российский журналист Караулов, снявший документальный фильм об Осетинах, хвалит количество генералов и героев войны на душу населения. Герои войны составляют честь не только осетинского народа, но и как каждый герой, всего человечества. Однако, такое изобилие военных на душу населения говорит и о другом: об идоле военной силы. Тамир Салбиев снял документальный фильм о Газданове, цель которого доказать ту мысль Гергиева о том, что Газданов мыслил «в русле всего этого небольшого народа». Но сам Газданов нигде и никогда не говорил, что он представитель осетинской культуры. Он мог писать о творчестве Толстого, Достоевского, Чехова, Гоголя, но он никогда не писал об осетинском эпосе или национальных традициях осетин; еще меньше об осетинских генералах и спортсменах. Он пишет прямо, что ненавидит войну и чувствует физическое отвращение к деньгам; его друзья в книгах философы и геи, свободные художники и поэты, как и в жизни. Он пил молоко и испытывал отвращение к алкоголю. И если Газданову было трудно во Франции ночным таксистом, все же он имел возможность поступить в Сорбонну на историко-философский факультет и получить прекрасное образование. А образование и есть единственная родина

каждого интеллектуала. Он бы не только умер, окажись он в удушливой атмосфере мещанского СОГУ, он никогда не стал бы писателем. И те осетины которые теперь во чтобы то ни стало стараются привязать его к своим «национальным корням», вытирали бы об него ноги, как о заурядного неудачника. Поэтому его мать и не хотела, чтобы он возвращался.

Меня поразила в Гайто Газданове глубина его духовного развития; он в полной мере перенял эстафету духоборчества у своих кумиров и учителей, Толстого и Достоевского. Все его творчество — это попытки найти дух и противопоставить ему тупость мещанского эгоизма. Ему отвратителен макиавеллизм, и он смеется над теми, кто поклоняется власти и деньгам, идолу физической силы. Он умеет видеть эти два начала в людях и даже в одном человеке, и показывать антагонизм этих двух начал. Это тема экзистенциальной философии Кьеркегора, Ясперса, Камю. Это тема русской классической литературы. Это тема гуманистической психологии и христианской философии. Тема духоборчества. Например, в его романе «Призрак Александра Вольфа» он показывает противоборство этих двух начал, которые воплотились в рассказчике и в Вольфе. В «Ночных дорогах» он противопоставляет миру духоборцев мир первобытного сознания, неспособного к рефлексии, застывшего в животности или в мещанстве. И неважно к какому классу относятся эти люди, к тем кого он возил в ночном такси или к «чиновникам и университетским профессорам».

> <<меня особенно поразило, когда я впервые увидел людей, запряженных в небольшие тележки, в которых они везли провизию; я смотрел на обветренные лица и на особенные их глаза, точно подернутые прозрачной и непроницаемой пленкой, характерной для людей, не привыкших мыслить, — такие глаза были у большинства проституток, — и думал, что, наверное, то же, вечно непрозрачное, выражение глаз у китайских кули, такие же лица были у римских рабов — и в сущности, почти такие же условия существования≫ ≪Видя лица коммерсантов, служащих, чиновников и даже рабочих, я находил в них то, чего не замечал раньше, когда был моложе, какое-то идеальное и естественное отсутствие отвлеченной мысли, какую-то

> удивительную и успокаивающую тусклость взгляда. Потом, присмотревшись, я начал думать, что это спокойное отсутствие мышления объяснялось, по-видимому, последовательностью нескольких поколений, вся жизнь которых заключалась в почти сознательном стремлении к добровольному душевному убожеству, к «здравому смыслу» и неприятию сомнений, к боязни новой идеи, той боязни, которая была одинаково сильна у среднего лавочника и у молодого университетского профессора≫

Гайто Газданов Ночные дороги.
Цитирую по книге Кибальника
«Гайто Газданов и экзистенциальная
традиция в русской литературе»

ГЛАВА 5. ПСИХУШКА

В психушку этим людям все же удалось меня запереть. Если вы спросите «кому именно?», я затруднюсь вам ответить в лицах. Я знаю точно, что в этом участвовал Руслан, он имел дело непосредственно со мной, и что он втянул в это Зою и Аду, которые стали непосредственными «исполнительницами». Но у меня всегда было устойчивое впечатление, что он делал это не один, и что за ним еще кто-то стоял. Я конечно не могу в точности сказать, кто именно. Когда-то КГБ отчаянно пользовалось карательной психиатрией, а я ведь как никак автор нескольких научных монографий. Я писала на сайт президенту, и получала ответы. О моих книгах не могли не знать. Но могли быть и другие люди. Те например, кто помогал меня преследовать тогда, когда я после похорон бежала в Москву к Тосе. Или те кто меня вынудил напечатать записки о психическом насилии. Все это можно было обобщить как коррупцию в республике, которая поглотила государство и присвоила себе его функции и власть. То что российские журналисты называют «элиткой». И я конечно не могу сказать, какие конкретные люди стояли за его спиной, но может быть когда-нибудь это и выяснится. Тем более, что я писала на него заявление в прокуратуру после смерти Романа, и напугать его, как говорил Роман, было легко. По крайней мере, не единой корысти ради.

Я поступила в аспирантуру на кафедру Социальной психологии в СОГПИ во Владикавказе. Написала и опубликовала с ISBN несколько монографий: «Власть и контроль или импотенция современной психологии», «Болезнь эго-девственности или космическая сила психической энергии», «Дорога в рай или плюс моего минуса», «Россия между открытым и закрытым обществом или теория эволюции человека». Примерно в это же время я написала письмо на сайт президента, где попросила финансирование на «серьезный научный труд», рассказала о своих монографиях. Мне ответили и порекомендовали обратиться в Российский Гуманитарный Научный Фонд (РГНФ). Там как раз требовался статус аспиранта, все сошлось, заявку зарегистрировали, но потом забраковали, отказали в финансировании.

К тому времени я закончила аспирантуру и собралась в Москву защищать диссертацию в МГУ на факультете Психологии. Я купила билет. И вдруг Руслан решил, что он должен воспротивиться моей поездке в Москву, во что бы то ни стало. 7 марта 2015 года ко мне пришла с утра Зоя и устроила скандал, как она умеет при полном отсутствии у нее уважения к своим детям. Она не только всегда выводила нас из себя тем, что ходила к нашим друзьям и учителям, что тащила в дом весь мусор, который могла найти, но и тем, что никогда ни в грош не ставила наше мнение и желание. «Уважай людей. Мы уже взрослые!» На это у нее был один ответ: «Я вас для себя рожала!». Совсем недавно появилась вариация: «Уважение надо заслужить!» Я попросила ее уйти, сказала, что скоро уезжаю, и мне надо работать. Она с удвоенной энергией принялась уговаривать меня никуда не ехать, и сказала, что никуда не уйдет и не позволит мне ехать. Это была откровенная атака, насилие, если хотите. То чего ни в какой форме не умел делать Роман. Он тоже отговаривал меня ехать в Москву в свое время, но приводил доводы и спорил логически, никогда не подавляя открыто мою волю. А потом встал и сам поехал хлопотать о моем переводе. Зоя просто сказала, не поедешь и все, и чем больше я возражала, тем упрямее

она становилась. Она делалась такой же упрямой, когда я просила ее выкинуть хоть немного мусора из дома, когда мне еще приходилось жить с ней.

Тогда я поняла, что спорить бесполезно и решила подняться на крышу дома, подождать там пока она уйдет, помедитировать и сконцентрироваться. В детстве мы часто бегали на крыше. Лейла жила на девятом этаже, и когда мы гостили у нее в хорошую погоду, что случалось довольно часто, мы иногда поднимались на крышу и бегали там.

Здесь все и началось. Кто-то вызвал полицию. Я встала и спустилась с крыши, и встретила их уже у лифта, никто меня с крыши не снимал. Они хотели увезти меня прямо вниз и затолкать в машину, я пулей спустилась к себе и пробилась в квартиру: полицейский держал ногой дверь, не давая мне войти в дом. Если бы Зоя не выбежала на шум, они бы затолкали меня в машину. Но от Зои оказалось мало помощи. Она набрала Руслану, доложила об успехе своей миссии, ведь она приходила уговаривать меня не ехать по его просьбе. Руслан попросил дать трубку полицейскому и они у меня на глазах договорились встретиться прямо в психушке. Полицейский еще засомневался: «Это так не делается. Нужно заключение эксперта, я так не могу ее отвезти». Потом Руслан говорил, что он испугался за мою жизнь и потому хотел «полечить» меня в психушке от суицидных мыслей. Ниже я привожу статью, которую я опубликовала в интернете после того как вышла из этого заведения. Статья называлась «Освенцим в законе или переоценка ценностей». Я провела там три с половиной дня, с 7 марта по 8 марта 2015 года, и вышла только потому, что сумела обмануть санитарку и выпросить у нее телефон, «чтобы позвонить маме». На самом деле я опубликовала на своей странице в Фейсбуке короткий пост: меня поместили в психушку. Все что я успела нацарапать под надзором торопящей меня санитарки, и то в транслите. Я добавила только сведения об участии родственников, которые тогда полностью изъяла из статьи.

«14 марта у меня билет в Москву, я очень тревожусь, пришла подышать, набраться сил. Внизу останавливаются одна или две полицейские машины, как раз когда я закончила делать снимки на телефон. Я спускаюсь вниз.

Внизу меня встречает полицейский.

— Заходи в лифт.

— Нет, я не езжу на лифте.

— Давай спустимся на первый. Надо задать вопросы.

— Нет, я живу на третьем. Там и зададите.

Я подхожу к двери, но полицейский плотно прижимает дверь ногой, чтобы я не могла войти.

— Что вы делаете? Пропустите меня домой.

— Надо спуститься вниз.

— На каком основании? Дайте мне войти домой.

Я кричу матери, она появляется в дверях, и полицейский вынужден отступить. Он нервно заходит вслед за нами, оставляя дверь открытой. Вскоре вслед за ним поднимаются еще два вооруженных полицейских. У одного даже автомат наперевес.

Дальше все происходит словно во сне. Они оккупируют всю квартиру, так что я не могу даже пошевелиться без их разрешения. У меня пересохло во рту, но мне не разрешают даже сходить на кухню. Полицейский любезно приносит мне кружку воды.

— Вы ничего не совершили, но крыша не принадлежит жильцам, и не всякий имеет право туда подниматься. Мы обязаны выяснить, что вы там делали.

Бесполезно объяснять, что многие люди рискуют жизнями, только чтобы иметь удовольствие любоваться окружающим миром с большой высоты, что этот риск не только не возбраняется, но считается распространенным видом спорта.

— Я делала фотографии, — это тоже правда.

— Можно посмотреть фотографии?

— Да, пожалуйста.

Но они не уходят, только еще настойчивее располагаются в моей квартире.

— Я не могу давать оценку. Мы не эксперты, мы — карающий орган. Вы ничего не сделали, — опять повторяет он, — мы не имеем права вызывать скорую. Только по вашему добровольному согласию.

— Я отказываюсь от скорой. Что-нибудь еще?

— Подождите, нам надо с вашей матерью поговорить.

— Не надо скорой. — подтверждает она.

Но Зоя колеблется. А вдруг Руслан скажет, что надо? И набирает Руслану. Тот берет трубку и подтверждает, что надо скорую и желательно госпитализацию. Я понимаю смысл их разговора по ответным репликам «капитана». Потом Зоя с ними больше не борется, а она умеет если захочет. Она умела так отделать Романа, что он света белого не видел.

Но капитан полиции не меняет своего решения.

— Мы обязаны, — вдруг меняет он точку зрения. — Обязаны какого-нибудь «эксперта по крышам» позвать, чтобы он нам объяснил, кто имеет право там ходить.

«экспертами по крышам» оказались два «врача», которые с ходу принялись «шить» мне диагноз.

— Послушайте, у вас какое образование? Я сама могу ставить вам диагноз. Я закончила аспирантуру по психологии. Что вы себе позволяете? На каком основании?

— А психология и психиатрия это разное. Не ваше дело, какое у меня образование.

И вот эта женщина называет себя «врачом».

— Вы должны проехать с нами в психдиспансер, — говорит это существо с двумя жирными черными стрелками под глазами беспрекословным тоном. Как все невежды она быстро обучилась авторитарному тону.

— На каком основании? Я никуда не поеду. Я ничего не совершила.

— А мы не будем вас спрашивать. Это наша обязанность. Вы были на крыше. Попытка суицида. Если с вами что-то случится, нам отвечать. Иди по-хорошему, или мы тебя вынесем отсюда.

— Не смейте мне тыкать, — но я вижу, что дело идет к лишению меня дееспособности.

— У меня пересохло во рту. Мне надо в ванну.

— А может, ты в туалет хочешь? — говорит другая издевательским тоном.

— Ничего что я у себя в доме распоряжаюсь?

Это переходит все границы. Дальше я помню все сквозь пелену тумана.

На меня навалились двое полицейских и женщины, которые упорно называли себя «врачами», схватили за руки и ноги и стали тащить к дверям. Я кричала как резанная: помогите мне пожалуйста, помогите кто-нибудь.

> *«Этот эпизод можно истолковать по-разному. Но для меня он служит подтверждением того, что даже при всей апатии, при всей приглушенности чувств человек все-таки остается способным на вспышку возмущения. И вызывает ее не столько грубость обращения или физическая боль, сколько унижение, сопровождающее все это. Мне просто кровь ударила в голову, когда я принужден был выслушивать издевательства человека, не имевшего никакого представления о моей прежней жизни, человека настолько грубого и наглого, что медицинская сестра госпиталя, где я раньше работал, не пустила бы его на порог. И надо сказать, что эта моя вспышка, происшедшая на глазах стоящих вокруг товарищей, принесла мне какое-то облегчение»*

Франкл Психолог в концлагере

— Посмотри в его добрые глаза

Их испугал ужас в моем голосе, им пришлось отступить. Но синяки до сих пор у меня на руках.

— Давайте позовем еще водителя.

— Нет, лучше сделаем ей инъекцию.

Сказать, что мне было страшно или плохо — ничего не сказать. Эти люди открыто говорили о том, что везут расчленять мою душу в заведение, которое превосходит по своей преступности и жестокости даже концлагеря. В концлагерях у людей оставалось главное — духовная свобода и возможность рабо-

тать и передвигаться. Да, они чудовищно страдали физически, смерть была обычным явлением и ходила по пятам за каждым, но никто не запирал их в узком темном пространстве, никто не лишал их духовной свободы психотропными препаратами. Они голодали, но никто не кормил их насильно. Они страдали, но сохраняли свои души.

Я в ужасе смотрю на того из них, который оказался однофамильцем моей бабушки Тедеон. Дрожу всем телом, бледная как смерть, стараюсь держаться ближе к окну, еще надеюсь позвать кого-нибудь на помощь. Такого не может быть! Мне это снится! Что-нибудь случится, как-нибудь я избегну этой жуткой участи.

— Посмотри в его добрые глаза, — говорит мне человек, представившийся капитаном полиции

Так продолжалось около часа. Уговоры, дерганье, угрозы связать и уколоть.

— Иди по хорошему, за «недоброволку» хуже будет. Подпиши добровольное согласие на лечение.

«НА ЛЕЧЕНИЕ»!!!

— Вы ведь врачом себя называете, — я все еще могу говорить, хотя во рту пересохло так, что язык липнет к небу. — Разве вы не читаете книжек? В этих заведениях никого не лечат, только калечат. Что вы из меня идиотку делаете? Думаете, я не вижу, что вы хотите лишить меня дееспособности? По какому праву вы мне угрожаете? Это насилие! Вы обязаны оставить меня в покое. Я в своем доме.

— Хорошо, — говорит бабушкин однофамилец, который уже несколько раз пытался силой меня вытащить из дома. — Я тебе обещаю, я пойду с тобой, и никто тебя там не оставит. Только для формальности зададим несколько вопросов и все. Надо заполнить документы.

Точно такие же обещания раз за разом дает «капитан полиции», который настоял на том, чтобы я подписала ему свою книгу и подарила. Они дают мне «слово» и «обещают».

Когда я села в машину, я поняла, что домой не вернусь. Вслед за мной заскочили полицейские. Я еще успела вырвать-

ся и закричать «помогите», но они тут же затолкали меня обратно.

— Ну что, красивая поехали кататься, — говорит мне капитан полиции, когда уже не видит необходимости играть.

— Что они со мной сделают?

— Ничего, проведешь там ночь.

— Вы же сказали, что я вернусь сейчас?

— Вернешься, вернешься, — смеется он.

А дальше самое страшное.

За мной закрываются тяжелые замки. На окнах решетки. Меня привезли в психиатрическую клинику, из которой нет выхода.

Приехали Руслан и Ада. Они быстро подходят к Зое и о чем то переговариваются. Потом меня просят выйти, и они втроем остаются наедине с врачом. Потом врач показывала мне протокол, который тогда составили: Зоя подписала просьбу о моей госпитализации и заявила, что живет со мной (хотя к тому времени мы уже года два жили порознь), что я «разговариваю с компьютером» и еще какие-то натужные попытки сшить мне диагноз. Понятно, что инициатива была Руслана, она только «исполнитель». Но при мне она это делать постеснялась. А потом всегда отрицала свою вину.

Я стала слезно ее умолять, видя, что она спокойно сидит, совсем готовая к тому, чтобы меня там оставить: «Зоя, меня здесь убьют! Зоя меня убьют!» Она наклоняется ко мне и заговорщически говорит: «Пенсия 15 тысяч!» И так каждый раз, когда я пытаюсь взывать к разуму и совести. Два ее сына не побрезговали такой пенсией, где ей было взять сочувствие ко мне. Ее патологическая жадность погребла ее дом под грудами мусора.

— Это «острая больная», — говорит заведующая отделением, которую вызвали специально по этому поводу. Она видит меня впервые. Обычная осетинская бабушка, которая знает о психиатрии столько же, сколько моя бабушка, которая верила в Хрюшу и Степашку. — У нее психическое расстройство. Вы мешаете лечить больную.

Они задали мне вопросы на ориентацию в пространстве и времени и на мышление — и сделали вот такие выводы из абсолютно точных ответов. Кто из нас «острый больной»? Я только что закрыла аспирантуру по психологии — что не так с моим мышлением? Как можно незнакомого человека именовать «больным»?

Руслан вышел и сел напротив меня.

— Мозг тоже орган, — назидательно начал он, — ему требуется лечение!

Я поняла к чему он клонит.

— Руслан, не делай этого!

Он сразу осекся. Уронил голову на грудь и вдруг встал совсем другим человеком: «Это мясники. Я не позволю упечь туда мою сестру». Я чуть было не поверила. Это же надо, найти энергию еще для спектакля. Видимо, он все же рассчитывал меня увидеть после этого заведения еще живой, и не хотел чтобы я считала его своим убийцей. Я быстро подошла к нему и попросила его смартфон. «Дай! Я напишу в интернет!» Он отдернул руку как от удара током. Мне стало ясно, что это комедия.

Тем временем, заведующая стала грозить нарядом полиции Руслану, который якобы «не пускал меня» там оставаться. И действительно полиция вскоре приехала. Руслан сделал еще раз вид, что хочет меня отстоять, я вцепилась в его большую ладонь, и почувствовала, что она поледенела. Все таки ему было трудно отдавать меня на убой. Но что это именно убой, он как всякий взрослый человек хорошо знал. «Да, не хотел бы я попасть к этим мясникам», — сказал он провожая меня в логово палачей, и выдергивая холожную руку, которую я не хотела отпускать.

— Мы обязаны ее госпитализировать. ПОСМОТРИТЕ, КАКОЙ У НАС РЕМОНТ В ОТДЕЛЕНИИ.

Она говорит это серьезно. Предлагает отдохнуть в стенах их вытянутой как кишка камеры, покрытой дешевой белой плиткой. Потом меня насильно затолкали в этот длинный коридор с ярко освещенными стенами, покрытыми белым кафелем. Никогда я так не терялась, как в тот момент. Какой иди-

от сравнивает угрозу жизни с угрозой духовному разложению?

> *«Ведь сразу по прибытии, к примеру, в Аушвиц у заключенного отбирают буквально все, и он, оставшись не только без малейшего имущества, но даже и без единого документа, может теперь назваться любым именем, присвоить себе любую специальность — возможность, которую при некоторых условиях удавалось использовать. Единственное, что было неизменно, — это номер, обычно вытатуированный на коже, и только номер интересовал лагерное начальство. За несколько минут ожидания душа мы остро ощутили свою наготу. Да, теперь у тебя действительно нет ничего, кроме собственного тела. Нет даже волос — нет ничего, кроме нашего в самом прямом смысле голого существования. Что нам осталось от прежней жизни? Мне, например, — только очки и пояс. Его, правда, мне вскоре пришлось обменять на кусок хлеба»*

Франкл Психолог в концлагере

С меня срывают куртку, отнимают сумку, сдергивают пояс со штанов, снимают белье. В руках остается только телефон. Я кричу о помощи. Сама не верю в глубину своего страдания.

И тут они принимаются за телефон.

— Сейчас же отдай! Не положено!

Я успеваю набрать Шалико, хотя знаю, что он не станет вмешиваться. Телефона Мухтара у меня не было. Сестра к тому времени уехала из республики. А кроме нее и ее мужа, никто бы не стал за меня заступаться тогда.

— Пожалуйста, помогите, мне очень страшно. Пожалуйста, меня насильно привезли в психушку.

Потом отбирают и телефон. Да, я помню о концлагере Франкла, но почему то мне не близка аналогия. Как бы не был ужасен концлагерь, ему далеко до психушки.

> *«Помимо рассмотренных выше разнообразных аффективных реакций, человека, попавшего в лагерь, мучают и иные душевные переживания, которые он пытается в себе заглушить. Прежде всего это безграничная тоска по близким и родным, оставшимся дома. Она может быть такой жгучей, что захватывает все его существо. Затем появляется отвращение ко всему, на что падает его взгляд. Как и все*

> *его товарищи, он одет сейчас в такие лохмотья, что огородное пугало показалось бы по сравнению с ним элегантным»*

Франкл Психолог в концлагере

— Как она смотрит на меня, бля, — говорит какая-то женщина, — как-будто я Гитлер, бля. Я что гестапо? Это что Освенцим?

— Что вы мне колите, — я уже не сопротивляюсь, просто реву, ожидая самого худшего, — что вы мне колите, — боль разрывает мне душу.

— Это димидрол, чтоб тебе легче стало.

Вот так. Теперь я не человек. Я даже не «номер 119104» как Франкл в концлагере, я «больная». СО МНОЙ МОГУТ СДЕЛАТЬ АБСОЛЮТНО ВСЕ ЧТО УГОДНО, и никто не понесет за это ответственность. АБСОЛЮТНО ВСЕ ЧТО УГОДНО. У меня больше нет прав, нет личности, нет достоинства, нет знакомых и близких. Всякая связь с внешним миром разрушена. Железные решетки на окнах и железные двери на замках. И каждое громыхание режет нервы, словно раскаленным железом. За этими решетками, за этой дверью остался мир, осталась свобода, осталось сознание, активность, здоровые люди, мои книги, мое творчество, остался прекрасный мир, природа, многокилометровые прогулки пешком. Там осталась я сама, а здесь только бледная тень ужаса.

Яркий, режущий свет. Всегда. Ни на минуту не ослабевает. Боль и страдание во всевозможных ипостасях смотрят на меня с гротескных гримас уже погибших людей. Девочка зажалась в комочек у батареи и жалобно скулит, удушая меня глубиной боли в глазах.

— Домой хочу, — жалобно скулит она, утопая в горьких, безутешных слезах. Старушка ковыляет к окну, с трудом волоча за собой ноги, останавливается у моей койки:

— Яблочко... яблочко...

— У меня нет, — реву и я, — у меня ничего больше нет. Простите.

— Бабуля забери меня..., — бормочет она, — скажи деду Василию, пусть заберет меня.

Из палаты раздается надрывный крик:

— Отпустите меня домой. Отпустите меня домой.

Это паника, это режущая душу боль.

— Я еду домой, — говорит старушка напротив моей койки. — Сколько стоит билет на трамвай? Мне надо покормить свою семью. Мне надо домой. Отпустите меня.

Она иногда будет подходить к моей койке, поправлять мне одеяло, складывать вещи.

— Простите, я задумалась, это не моя кровать?

И опять это девочка с не просыхающими глазами. Одинокое, потерянное, раздавленное болью и ужасом маленькое существо.

Красивая женщина славянской внешности, бледная как смерть, вышагивает по единственной площадке для жизни, которую нам предоставили — ярко освещенный коридор, покрытый кафелем, словно одна нескончаемая ванная комната.

— Почему эта врач накричала на меня, когда я рассказала ей о своей беде? — говорит она мне. — Она сама психбольная. Она так кричала, это ее надо госпитализировать, а не меня. Почему она накричала на меня? Моего сына кто-то запугал, он стал резать себе вены. Так вместо того чтобы их сюда запихать, они моего сына в психушку упрятали. И меня везут вместе с ним.

Она рассказывает эту историю всякий раз заново, и снова бредет по коридору.

— У меня эпилепсия. У меня сын и дочь и внуки, — говорит мне другая, — а я здесь, — и плачет. — Они меня здесь оставили. Я такая хозяйственная. Швея-мотористка. Я все могу делать по дому. Они в моем доме живут. Свекор строил. А я здесь. У меня сын и дочь, — опять повторяет снова и снова. — Моя бабушка меня воспитывала, — тут голос дрожит и она плачет. — Бабу.

Потом наклоняется и целует меня.

— Не плачь.

Димидрол немного снял напряжение, но его хватило ненадолго. Я становлюсь такой же смертельно бледной как все в этом заведении.

Меня непрестанно мучает мысль — зачем они запирают под засовы этих безобидных людей? Какой ужас смотреть на эту разрывающую душу тоску по свободе, по дому, по близким. Почему не дают им гулять, когда они хотят? Зачем отнимают у них телефоны? Как это вообще возможно? Это нарушает все мыслимые и немыслимые, все божеские и правовые нормы.

Все что у них есть для жизни — это вот этот жуткий длинный коридор, по которому они бесконечно курсируют. Единственный вид активности, который им дозволен, и то далеко не всегда.

> *«Готхольд Эфраим Лессинг как-то сказал: „Некоторые ситуации лишают человека разума, если только ему есть чего лишаться“. В аномальной ситуации именно аномальная реакция становится нормальной. И психиатры могли бы подтвердить — чем нормальнее человек, тем естественнее для него аномальная реакция, если он попадает в аномальную ситуацию, — к примеру, будучи помещен в психиатрическую лечебницу. Так и реакция заключенных в концлагере, взятая сама по себе, являет картину ненормального, неестественного душевного состояния, но рассмотренная в связи с ситуацией, она предстает как нормальная, естественная и типичная»*

Франкл Психолог в концлагере

Мне становится все хуже и хуже. Вид решеток и замков доводит меня до изнеможения. Коридор и эти несчастные существа, окрики санитаров — вот все что у меня осталось.

— Дайте мне позвонить. Пожалуйста, вы не имеете права отнимать у меня телефон. Я что арестант? По какому праву вы отнимаете у меня телефон? Я хочу услышать родных, я хочу знать, что происходит. Мне очень плохо. Я здоровый человек. Я не могу здесь находиться. Пожалуйста, дайте мне позвонить.

— У нас такие правила. Телефоны никому не даем.

— Вы не имеете права. Вы нарушаете права человека. Посмотрите, как они страдают, почему они не могут звонить своим близким? Что в этом плохого? Они ведь больные люди. Связь

с родными — это все что у них есть. Как вы можете называть себя врачами?

Кто-то выбегает из палат:

— Я не могу лежать, она все время бормочет, кричит, не могу лежать.

— Марш на койку.

Да, и ходить по коридору тоже можно далеко не всегда. Если больному — эпилептику, алкоголику, наркоману, — еще как-то можно мириться с режимом клиники, и наверное им там как-то помогают — то для здоровых людей самой естественной реакцией будет медленное схождение с ума. Иначе они не были бы здоровыми людьми.

> *«Я работал преимущественно на земляных работах и на строительстве железнодорожных путей. В то время как некоторым моим коллегам (правда, немногим) выпала невероятная удача работать в сколько-нибудь отапливаемых импровизированных лазаретах, увязывая там пачки ненужных бумажных отходов, мне как-то случилось — в одиночку — прорыть под улицей тоннель для водопроводных труб. И я был очень этому рад, потому что в качестве признания моих трудовых успехов получил к Рождеству 1944 года два так называемых премиальных талона от строительной фирмы, где мы трудились буквально на положении рабов (фирма ежедневно выплачивала за нас лагерному начальству определенную сумму — в зависимости от числа работавших). Этот талон обошелся фирме в 50 пфеннигов, а ко мне вернулся через несколько недель в виде 6 сигарет. Когда же я стал обладателем 12 сигарет, то почувствовал себя богачом. Ведь 12 сигарет — это 12 порций супа, это уже почти спасение от голодной смерти, отсрочка ее по крайней мере на две недели!»*

Франкл Психолог в концлагере

Франкл страдал от непосильного труда, голода, болезней, холода. Но он не терял главного — веры в будущее и связи с внешним миром. Он мог выходить на улицу и работать, он мог надеяться когда-нибудь освободиться, его страдания имели хоть какой-то смысл, хоть какую-то надежду. Психушка — это совершенно другое дело. Здесь единственная перспектива — лишиться дееспособности, причем не только социальной,

но и реальной. Ведь если здорового человека насильно привезли в психушку, то целью может быть только покалечить его и лишить дееспособности. И для этого даже не надо много стараться. Просто оставить его там, и он сам обязательно сойдет с ума. А если добавить соответствующие препараты, так ситуация станет уже необратимой.

Франкл страдал от голода — но он же пишет, что были минуты счастья, когда ему перепадало немного больше хлеба и немного отпускных дней в лазарете для заболевших. Он страдал от непосильного труда — но счастьем было лечь ночью и заснуть крепким сном, которому не мешал никакой шум и тесно прижатые тела товарищей. У него были товарищи.

Здесь, в психушке, нет даже голода. Разрушенное духовное пространство, убитая личность, потерянная перспектива на будущее — аппетит исчезает напрочь. Еда не только не может дать немного «счастья» — она вызывает острое отвращение. И вместо расслабления от принятия пищи, какое было у заключенных концлагеря — ужас, что тебя будут кормить насильно через зонд. Кропоткин рассказывает в своих мемуарах, что так поступали с заключенными в царских тюрьмах его времени — насильно пихали пищу в тех, кто потерял даже чувство голода.

> *«В „централках“, в сибирских каторжных тюрьмах и в крепости заключенные должны были прибегать к „голодным бунтам“, чтобы защитить себя от жестоких тюремщиков или чтобы добиться самых ничтожных льгот: какой-нибудь работы или книг, которые спасли бы их от помешательства, грозящего всякому сидящему в одиночном заключении без всякого занятия. Ужасы подобных голодовок, во время которых заключенные отказывались по семи и восьми дней принимать пищу, а затем лежали без движения, в бреду, по-видимому, нисколько не трогали жандармов. В Харькове умирающих заключенных связывали веревками и кормили насильственно, как кормят гусей»*

Кропоткин Дневник революционера

— А ну иди есть, а не то тебе конец. Ты отсюда больше не выйдешь. Мы тебя привяжем, и будем кормить насильно!

Вот и все счастье. Вместо сна — все больше и больше взвинчиваемые нервы и напряжение. Вместо товарищей душевнобольные люди, которых насильно строят пить препараты и каждый раз проверяют рот, чтобы не выплевывал. Кропоткин мог хотя бы читать и писать — ему давали доску, мел, бумагу, карандаш, книг сколько душе угодно. Он был в замкнутом пространстве, но был один и мог быть активен в духовном пространстве — главное условие сохранения рассудка. Мне отказали и в книгах и в бумаге и в ручке. Даже на секунду не давали в руки ручку. Представляю их ухмылку, если бы я вспомнила, что у меня когда-то был компьютер. Много людей сошли в тюрьмах с ума — те, кто не имел возможности читать и писать. Что же говорить о заключении в психушке, где невозможно уединиться ни на секунду, и где реальна угроза физического разрушения мозга.

> *«Наш приятель-крестьянин чувствовал себя очень несчастным. Его привезли в крепость, после того как он посидел уже два года в другой тюрьме, и поэтому он был уже надломлен. Преступление его состояло в том, что он слушал социалистов. К великому моему ужасу, я стал замечать, что крестьянин порой начинает заговариваться. Постепенно его ум все больше затуманивался, и мы оба с Сердюковым замечали, как шаг за шагом, день за днем он приближался к безумию, покуда разговор его не превратился в настоящий бред. Тогда из нижнего этажа стали доноситься дикие крики, и страшный шум. Наш сосед помешался, но его тем не менее еще несколько месяцев продержали в крепости, прежде чем отвезли в дом умалишенных, из которого несчастному не суждено уже было выйти. Присутствовать при таких условиях при медленном разрушении человеческого ума — ужасно. Я уверен, это обстоятельство содействовало увеличению нервной раздражительности моего милого Сердюкова. Когда после четырех лет заключения суд оправдал его и его выпустили, он застрелился»*

Кропоткин Записки революционера

Вот почему концлагеря не так страшны, как клетки, в которых людей лишают как духовной, так и физической активности, не говоря уже об угрозах «завязать». Заковывать человека в неподвижной позе — один из самых садистских способов каз-

ни, который применяли в прошлом. И Кропоткин, который провел много времени в тюрьмах, много писал об их полной непригодности, и как карательных и тем более как «исправительных» институтов.

> *«Что даже в этой ситуации, абсолютно подавляющей как внешне, так и внутренне, возможно сохранить остатки духовной свободы, противопоставить этому давлению свое духовное Я. Кто из переживших концлагерь не мог бы рассказать о людях, которые, идя со всеми в колонне, проходя по баракам, кому-то дарили доброе слово, а с кем-то делились последними крошками хлеба? И пусть таких было немного, их пример подтверждает, что в концлагере можно отнять у человека все, кроме последнего — человеческой свободы, свободы отнестись к обстоятельствам или так, или иначе. И это — „так или иначе“ у них было. И каждый день, каждый час в лагере давал тысячу возможностей осуществить этот выбор, отречься или не отречься от того самого сокровенного, что окружающая действительность грозила отнять, — от внутренней свободы»*

Франкл Психолог в концлагере

Какое «Зачем» может быть в заведении в котором накачивают психотропными препаратами и разрушают мозг? Там, где на мозг воздействуют не интеллектуальной терапией, а физически, разрушая его? Никто никогда не изучит сложнейший мозговой механизм мозга настолько, чтобы уметь воздействовать на него физически. Известно, что Хэмингуэй застрелился после электрошока, которым его пытались «вылечить» от паранойи» «я мог еще думать, а теперь не могу даже этого». Какое «Зачем» может быть там, где обстановка настолько невыносима, что грозит закончиться настоящим психозом или же бесконечной истерикой, которая приведет к соматическим расстройствам и медленному мучительному угасанию?

Подобная обстановка возможно как-то оправдывается для несчастных с органическим повреждением мозга, но для таких людей любая жизнь становится абсолютно невыносима. Для тех же, чья способность к мышлению не пострадали, чей мозг цел и невредим (какими бы нервными расстройствами они не страдали) — это режим, который по преступности, нелепости

и жестокости превосходит даже знаменитые лагеря смерти Гитлера. Чего боялись заключенные концлагеря? Газовых камер. В психушках же — перспектива деградации и жуткой, медленной, мучительной смерти в руках чужих, невежественных и часто жестоких людей.

> *«И этот пересмотр вел к тому, что в конце концов человек переставал ценить самого себя, что в вихрь, ввергающий в пропасть все прежние ценности, втягивалась и личность. Под неким суггестивным воздействием той действительности, которая уже давно ничего не желает знать о ценности человеческой жизни, о значимости личности, которая превращает человека в безответный объект уничтожения (предварительно используя, впрочем, остатки его физических способностей), — под этим воздействием обесценивается, в конце концов, собственное Я. Человек, не способный последним взлетом чувства собственного достоинства противопоставить себя действительности, вообще теряет в концлагере ощущение себя как субъекта, не говоря уже об ощущении себя как духовного существа с чувством внутренней свободы и личной ценности. Он начинает воспринимать себя скорее как частичку какой-то большой массы, его бытие опускается на уровень стадного существования. Ведь людей, независимо от их собственных мыслей и желаний, гонят то туда, то сюда, поодиночке или всех вместе, как стадо овец. Справа и слева, спереди и сзади тебя погоняет небольшая, но имеющая власть, вооруженная шайка садистов, которые пинками, ударами сапога, ружейными прикладами заставляют тебя двигаться то вперед, то назад. Мы дошли до состояния стада овец, которые только и знают, что избегать нападения собак и, когда их на минутку оставят в покое, немного поесть»*

Франкл Психолог в концлагере

В психушке власть санитаров безгранична. У них нет прикладов автоматов, зато у них есть кое-что похуже — угрозы «завязать» и «накачать». И обращаются они к больным исключительно в командном тоне, выкрикивая приказы в самой грубой форме.

— Нельзя держать здоровых людей в клинике для душевнобольных, — говорю я дородной медсестре, с трудом веря в реальность происходящего.

— А может у тебя произойдет переоценка ценностей, — говорит она мне ехидно улыбаясь. Эта толстушка имеет обыкнове-

ние крутить на руке связку ключей и напевать самым беспечным тоном: «Куда податься, кому отдаться». И вообще чувствует себя довольно вольготно в этом аду.

— Если ты имеешь ввиду, что я сойду с ума — то это не вероятно, а абсолютно точно произойдет, если я еще немного здесь задержусь. Дай мне позвонить, пожалуйста, мне надо узнать что происходит.

— Ты так и не поняла, — продолжает она ехидно улыбаться, — мы люди маленькие. Ты целый день ничего не ела. Хочешь, я ужинаю?

Со мной они обращаются более менее вежливо. Но «больные» ходят по струнке, ведь не знаешь кто в этих заведениях больной, а кто просто жертва коррупции.

— Нет, не хочу. Мне надо позвонить маме. Почему я не могу позвонить матери? Дайте мне мой телефон хоть на пять минут. Вы не имеете права держать здесь здоровых людей.

— Ты хочешь сказать ты здоровая? А как ты сюда попала? Сейчас такое время, есть интернет, если здорового в психушку такой скандал будет.

«Да, надо во чтобы то ни стало найти телефон», — думаю я. Я клянчила, умоляла, приставала ко всем кто оказывался в поле моего зрения: «На пять минут. Пожалуйста. Маме позвонить».

У меня отчеканилась в мозгу ее фраза: «Ты так и не поняла. Мы люди маленькие». Кто же те большие люди, кто стоял за этой казнью? Все это время мне приходилось видеть как повсюду в Осетии «маленькие люди» строятся в субординацию и отдают честь любому хаму и вертухаю, который считает, что приватизировал власть. В точности как в экспериментах Милграма на подчинение авторитету. Если не сто, то девяносто процентов. Но ведь кто-то прислал потом ментов с автоматами в мой дом и они погрузили меня как мешок с картошкой и привезли в эту страшную тюрьму? Меня поразило, с каким воодушевлением на меня накинулся персонал поезда, когда я сбежала после похорон отца. Проводница, которую звали Нина, так отчаянно старалась, ходила за мной по пятам, кричала

на меня, и даже загородила мне путь когда я нашла другой поезд. Была там и добрая женщина, которая густо краснела и смотрела на директора поезда умоляющим взглядом, не вмешивать ее в это. Есть конечно живые души. Меня поразили своим хамством и жестокостью доходящей до садизма эти женщины, называвшие себя врачами, которые прибыли ко мне на квартиру и разговаривали со мной как с бездомной бродяжкой у них на содержании. Милграм доказал в своих экспериментах, что люди подчиняются приказам авторитетов вопреки своей воле, просто потому что включается какой-то автоматический механизм в психике, которому они не могут противостоять. То есть невежественные люди. Примерно тридцать процентов жестко отказались сотрудничать с авторитетами, как только приказы стали расходиться с их совестью. Они не наносили сильных ударов током, которые могли угрожать здоровью людей. Милграм установил, что другие, те кто не мог сопротивляться приказам авторитетов, и даже если считал, что нельзя наносить эти удары, наносил их, делали это безо всякой видимой причины. Их никто не заставлял насильно, им не угрожали побоями или социальными последствиями, это был просто эксперимент, где они согласились участвовать добровольно, а авторитетами были обыкновенные ученые Йельского университета, вовсе не военные или чиновники. Они могли просто встать и уйти, как сделали 30 процентов. Но тем не менее 70 процентов, сильно мучились, но не додумались что могут встать и уйти, а продолжали выполнять приказы, которые расходились с их совестью. Так Милграм обнаружил механизмы физического контроля в психике, но не смог тогда сформулировать это. Позже я объяснила значение его находки в теории психической энергии. Фромм называл два поля психики, то есть поле физического контроля и поле научного контроля, авторитарной и гуманистической совестью. И вот я наглядно могла видеть, что подавляющая часть населения те, у кого активна авторитарная совесть, кто живет конформизмом и садомазохизмом. Но если у Милграма в экспериментах их было 70 процентов,

сколько же их будет у «этого небольшого народа», никогда не отличавшегося особой тягой к просвещению?

С пациентами не церемонились:

— Развернулись и шагаем в обратном направлении!

— Только до этого стола гулять!

— Пошла села на свою койку!

— Открой рот! Покажи! Пошла вон отсюда!

— А я не спрашиваю. Я сказала койку в палату.

— Марш обедать. Хочешь, не хочешь — заставим.

И так далее в том же духе целый день. И никуда невозможно укрыться ни от этих диких окриков и грубых приказов, ни от бреда больных, ни от стонов и жалобных просьб выпустить их на волю.

— Что вы хотите? — говорит мне санитарка. — У нас тут сумасшедший дом!

— Вот именно что сумасшедший дом! — с готовностью подтверждаю я. Первые здравомыслящие слова с тех пор, как я здесь. — Послушайте, мне очень плохо. Я не могу здесь находиться. Что если мне станет хуже, вы меня совсем заколите до безумия?? Мне кусок в горло не полезет. Вы будете меня насильно кормить?? Кто за это ответит?

В последний вечер, который я там провела, я как всегда не могла уснуть и ходила возле своей койки.

— Иди на свою койку. Нельзя ходить.

— Я не могу лежать

— Значит, сядь. Я тебе сказала.

— Я не могу, мне плохо.

— Ты доиграешься, что тебя завяжут и накачают.

Самое интересное, что они специально меня разбудили, когда я уже уснула, якобы спросить фамилию и число поступления — хотя все это время обращались ко мне по имени и фа-

милии и у них все записано. И конечно я больше не смогла уснуть.

> *«Причиняемая побоями телесная боль была для нас, заключенных, не самым главным (точно так же, как для подвергаемых наказанию детей). Душевная боль, возмущение против несправедливости — вот что, несмотря на апатию, мучило больше. В этом смысле даже удар, который приходится мимо, может быть болезненным. Однажды, например, мы в сильную метель работали на железнодорожных путях. Уже хотя бы ради того, чтобы не замерзнуть окончательно, я очень прилежно трамбовал колею щебенкой, но в какой-то момент остановился, чтобы высморкаться. К несчастью, именно в этот момент конвоир обернулся ко мне и, конечно, решил, что я отлыниваю от работы. Самым болезненным для меня в этом эпизоде был не страх дисциплинарного взыскания, битья. Вопреки уже полнейшему, казалось бы, душевному отупению, меня крайне уязвило то, что конвоир не счел то жалкое существо, каким я был в его глазах, достойным даже бранного слова: как бы играя, он поднял с земли камень и бросил в меня. Я должен был понять: так привлекают внимание какого-нибудь животного, так домашней скотине напоминают о ее обязанностях — равнодушно, не снисходя до наказания»*

Франкл психолог в концлагере

Я взяла с собой Евангелие. Мне не хотели давать даже его. «У нас нельзя такие книги читать». Потом отдали. Мне было трудно молиться, но я молилась. Все ждала чуда. И оно произошло. Вдруг открылись двери и мне разрешили взять свой телефон и позвонить. Я успела опубликовать сообщение о том, что меня насильно поместили в психушку. Я далеко не была уверена, что это спасет меня из этого жуткого заточения, но сам факт, что теперь моя кровь льется на виду у всего мира, снял то жуткое напряжение, тот кошмар от сознания творящейся несправедливости, которые доводили меня до изнеможения. В тот день мне стало немного легче, и я смогла даже ненадолго уснуть.

— Нам уже вставили за этот телефон! — услышала я как кричат санитары. Что ж, я не ошибалась, они ставили целью лишить меня дееспособности.

— Что, веселишься? — почему то спросила медсестра, которая говорила о Гитлере и «переоценке ценностей». Я лежала как труп, и ей пришлось просто уйти восвояси.

— Телефон больше не получишь. Вообще. Ни в какой ситуации. У нас такие правила.

Женщина, которая поступила сюда с алкогольным отравлением, рассказывала мне, что легко можно звонить, когда приходят родственники, с их телефонов. Что можно говорить без свидетелей в специальной комнате. Она часто меня выручала. «Не плачь так, — говорила она мне заплетающимся языком. — Это все хуйня! Даже не думай! Настоящая хуйня!» И когда меня хотели кормить насильно, прибежала и все спрашивала: «Что вы с ней делаете? Цы йын аразут?»

Меня пришли «проведать» Зоя и Ада, принесли мне одеженки на недели вперед, кексики и твороги. Я конечно понимала, что они меня сюда и упекли. Но все же надеялась позвонить с их телефона. Я попросила у Ады телефон, она не посмела так прямо отказать, как тогда отказал мне Руслан, но очевидно занервничала, когда телефон оказался у меня в руках. Мне, в сущности, позвонить было некому. Роман лежал в могиле, телефона Мухтара я не знала, сестры не было в городе, с Шалико я уже говорила, Лейла и Стелла помогали Руслану. Все что я могла сделать, я уже сделала: опубликовала, как могла на странице в Фейсбуке. У меня был очень слабый смартфон, и я никогда не пользовалась им для интернета. У меня чудом получилось даже так: menyapomestilivpsihushku. Вот и все что мне удалось напечатать через мой смартфон. Я тогда часто думала, что если бы Роман был жив, он бы разнес эту психушку в щепки, чтобы его талантливую дочь, которой он так гордился, упекли при нем в дурдом! Никогда бы этого не случилось. Прежде всего Руслан бы не посмел, зная, что это бесполезно.

Потом принесли мои вещи и стали сдавать их Зое. Я сделала попытку выйти в интернет через Адын телефон. И отчетливо увидела как она сделал знак рукой санитарке. Та выбежала и стала драться со мной.

— Помогите мне пожалуйста!!! — кричала я в ужасе трубку, — меня бьют!!!

— Больше не увидишь своих родных, — зло зашипели санитарки. — Сука, блядь.

Меня утащили обратно в камеру. Они принесли передачу, и я наконец смогла раздать яблоки этим несчастным, чтобы хоть как-то выразить свое сочувствие. Они угощают друг друга, но вообще царит атмосфера отчаяния и безысходности. Плачущая беспрерывно девочка мне улыбнулась, и мне стало немного легче.

> *«Самым мучительным моментом из всех 24 часов лагерных суток был для меня момент пробуждения. Три пронзительных свистка, командовавших подъем, еще почти ночью безжалостно вырывали нас из сна. Однако бывают минуты, когда просто необходимо уединиться. Постоянная жизнь на людях, на виду у товарищей по несчастью, каждый день, каждый час, даже при выполнении каких-то мелких житейских процедур, начинает тяготить, рождает настоятельную потребность хоть немного побыть одному. Это просто какая-то тоска по одиночеству, по возможности остаться наедине с самим собой, со своими мыслями.*

Франкл психолог в концлагере

Самым страшным было просыпаться и осознавать где ты находишься. Кошмар был настолько велик, что паника тут же доводила напряжение до крайней степени. В первый день сделали два димидрола — это позволило мне не рехнуться в первые же сутки. Во вторую ночь сделали реланиум — и это тоже спасло меня еще на одни сутки. Зато на третью не только ничего не дали, но еще специально меня разбудили в 12 часов, после чего мне стало по настоящему плохо. Я решила, что они теперь начнут играть на моих нервах, чтобы найти причину и назвать меня сумасшедшей. В таком дурдоме если еще кто-то поставит целью специально тебя доводить, и будет будить, когда я итак не могла выключиться без укола — тонкие нервы творческого человека дадут этим мясникам материалов для диагнозов более чем достаточно. По крайней мере, от одной

этой мысли меня прошиб озноб. И только когда я схватилась за сердце, они дали мне валидол. Понятно, что постоянные дозы транквилизаторов очень скоро превратили бы меня в растение — но иначе в сумасшедшем доме невозможно было продержаться ни секунды. Транквилизаторы снижали остроту кошмара происходящего. Помню, одна знакомая врач-психиатр рассказывала мне, как встретила одноклассника, когда делала обход своих больных.

— Он бросился мне на шею, расплакался. Спаси меня, пожалуйста, спаси меня отсюда!

Она смеялась.

— Я его выписала в тот же день.

> *«И вот он передо мной — высокий, стройный, молодцеватый, в безукоризненной, просто ослепительной форме — элегантный, холеный мужчина, такой неизмеримо далекий от тех жалких существ, что мы сейчас собой представляем. Он стоит в непринужденной позе, подпирая левой рукой правый локоть, подняв правую кисть и делая указательным пальцем легкое движение — налево, направо, но чаще налево...»*

Франкл Психолог в концлагере

Все-таки врач пришла. Все забегали вокруг нее, словно перед тем офицером СС, который решал участь заключенных движением пальца. Детдомовская девочка, наркоманка, которая сама сюда пришла, теперь в слезах просится выпустить ее «на волю». У нее был трудный день, она подралась с санитаркой, и те вкололи ей аминазин. Я уже плачу, больше не разговариваю. Только сижу на полу и рыдаю, мне не вериться, что меня когда-нибудь выпустят. «Не плачь, — жалеет меня детдомовская девочка, — думаешь, мне не хочется плакать? Видела, как они меня вчера. Я сама еле держусь»

— На каком основании вы меня здесь держите? — я не верю, что врач услышит меня, и станет отвечать на вопросы вместо дурацкого монолога о «психозе», который вели предыдущие врачи. — Я не могу здесь находиться. Я здорова. Вы не имеете права. Если мне станет хуже, вы станете меня колоть? Кто за это ответит?

— А что вам не нравится? Вас больные обижают?

Что на это ответить?

— Кто за это будет отвечать?

Я поступила туда в пятницу 7 марта, и мне сказали что надо будет находится в больнице как минимум до понедельника, когда после праздников и выходных придет врач. «С вами мы потом поговорим», — прошла она тогда мимо меня, делая обход с утра. Действительно позже меня вызвали, дали пройти какие-то там у них стандартные тесты, потом она показала мне протокол моей госпитализации. Вот тут написано, что вы разговариваете с компьютером. Вы говорите по скайпу? Кто же это писал? Тут написано живете с матерью, нет? Что вам бог приказал идти на крышу? Зачем вы туда поднялись? Нет, можно конечно, но тут написано, вы хотели прыгать? Вы делали фотографии, медитировали?

Потом я нашла свои книги в интернете и показала ей. Они переглянулись с другим врачом. Становилось ясно, что это преступление.

Пока мы беседуем, раздается страшный грохот: это детдомовская девочка выбила ногами стекла в железной двери. Дверь открылась, и она вбегает в кабинет врача, в соплях, в истерике и кричит:

— Выпустите меня отсюда! Пожалуйста, выпустите меня отсюда! Я вас умоляю, выпустите меня отсюда!!

Я было испугалась, что ее за это оставят здесь навсегда. По крайней мере, я боялась примерно такой своей вспышки, которая дала бы им повод меня задержать. Но нет. Эта девочка им ничем не интересна — они попросту ее отпускают.

— Вы верите в Бога?

Наконец, и меня выслушали и кажется впервые услышали. Я больше не слышу идиотских фраз об «острой больной», о «психическом расстройстве», как было в приемной — врач очень вежлива и адекватна. Длинный диалог о моем образова-

нии, работе, книгах, занятости. Потом еще допрос у двух врачей.

— Вы верите в Бога? — специально останавливается на религиозной теме психолог.

— Вы хотите меня проверить на уровень метафизической интоксикации?

Она опускает глаза. Метафизическая интоксикация — один из типичных симптомов шизофренического бреда.

Психиатр, с которой я отдыхала в Кисловодске, говорила мне что «Христос — типичный шизофреник». И исходя из материалистической концепции сознания, которая и превратила эти клиники в «дурдомы» действительно так и выходит. Официальная психиатрия отрицает «душу» вообще, она признает только «мозг» как физический объект. Именно поэтому под «лечением» понимается физическое воздействие на мозг, а вовсе не интеллектуальная терапия психической энергии — души человека. Если Фрейд и внес какой-то вклад в гуманистическую психологию — так это тем, что он сместил акценты с психотропного лечения на интеллектуальную терапию, хотя и понимал ее очень специфически. О психологах-гуманистах я уже вообще не говорю — официальная психиатрия вообще не признает их учеными, а только болтунами: психология и психиатрия — это разные вещи.

Та же психиатр тогда сказала мне: «Надо же лечить людей, а не болтовней заниматься». Для психиатров Христос — типичный шизофреник, для политиков и официальных лиц — эталон нравственности и духовные скрепы общества.

— А какой суицид, если у меня билет на 14 марта?

— Какой билет?

— Там в истории болезни, — я вспоминаю, как резало слух Высоцкому эта терминология: «история болезни», — зафиксирован билет в моей сумке.

Не думаю, что у меня хватит сил воспользоваться этим билетом после всего пережитого, но по крайней мере он служит доказательством того, что у меня были другие планы

на ближайшее будущее. Впрочем, посмотрим по обстоятельствам.

Им приходится молча опустить голову. Когда они меня выпустили, они не смогли найти причин даже поставить меня на учет.

А я думаю о том, какая глупость трактовать как патологию без знания контекста ситуации любые мысли о самоубийстве. Напротив, в определенных ситуациях отсутствие таких мыслей может быть истолковано как патология. Прежде всего, надо четко определиться, что есть человек, либо выжить любыми путями, или сохранить совесть и преданность истине, стараясь сохранить и жизнь, если получится. «Делай, что должно, и будь что будет», — как говорили римляне. В первом случае, герои, которые защищают родину или спасают детей, стариков, помогают людям в трудных ситуациях, рискуя собственной жизнью — все «самоубийцы» и «душевнобольные люди». Они добровольно идут на смерть ради каких-то далеких для их личного выживания целей. Точно также любое проявление доброты и сочувствия, честности и совестливости — носят в этом смысле суицидальный характер, так как еще Дарвин замечал, что порядочные люди плохо выживают. Хемингуэй знаменит высказываем о том, что мир убивает самых смелых и самых добрых, Франкл пишет, что лучшие не вернулись. Получается, быть добрым и рисковать жизнью для спасения других — это патология и суицид, и быть честным и обладать научным мышлением — это тоже патология и суицид, потому что многие ученые предпочли пойти на смерть, но не отказались от верности истине. Был же такой советский психиатр, знаменитый садист карательной психиатрии, который называл эту позицию интеллигенции «бредом правдоискательства».

> *«Среди заключенных, которые многие годы провели за колючей проволокой, которых пересылали из лагеря в лагерь, кто сменил чуть ли не дюжину лагерей, как правило, наибольшие шансы остаться в живых имели те, кто в борьбе за существование окончательно отбросил всякое понятие о совести, кто не останавливался ни перед насилием, ни даже перед кражей последнего у своего же товарища. А кому-то удалось уцелеть просто благодаря тысяче или тысячам счастливых*

> *случайностей или просто по милости Божьей — можно называть это по-разному. Но мы, вернувшиеся, знаем и можем с полной уверенностью сказать: лучшие не вернулись!»*

Франкл Психолог в концлагере

Именно потому, что информация, которая подается в официальных учебниках все еще строиться на той пошлости, что «человек должен приспосабливаться к окружению», хотя этот довод давно опровергнут в гуманистической философии и психологии, которая доказала, что современное общество — нездорово и не может служить эталоном для здоровых людей — так вот, именно поэтому винят не окружение, а несчастных, которые не выносят давления тупых и бессердечных людей.

> *«С другой стороны, низость заключенных, которые причиняли зло своим же товарищам, была особенно невыносима. Ясно, что бесхарактерность таких людей мы воспринимали особенно болезненно, а проявление человечности со стороны лагерной охраны буквально потрясало. Вспоминаю, как однажды надзиравший за нашими работами (не заключенный) потихоньку протянул мне кусок хлеба, сэкономленный из собственного завтрака. Это тронуло меня чуть не до слез. И не столько обрадовал хлеб сам по себе, сколько человечность этого дара, доброе слово, сочувственный взгляд. Из всего этого мы можем заключить, что на свете есть две „расы" людей, только две! — люди порядочные и люди непорядочные. Обе эти „расы" распространены повсюду, и ни одна человеческая группа не состоит исключительно из порядочных или исключительно из непорядочных; в этом смысле ни одна группа не обладает „расовой чистотой!" То один, то другой достойный человек попадался даже среди лагерных охранников»*

Франкл Психолог в концлагере

Наличие суицидальных мыслей и собственно суицидов так сильно распространено в современной действительности именно потому, что ОБЪЕКТИВНО жизнь для многих порядочных, тонких, чувствительных людей становится просто невыносимой. И как говорит Франкл в аномальной ситуации для нормального человека естественна именно аномальная реакция — странно было бы, если бы такое окружение нравилось и не вызывало бы хотя бы мыслей о том, как найти выход из кажущейся безвыход-

ной ситуации. Взять хотя бы роман Селинджера «Над пропастью во ржи» через который красной чертой проходит одно большое страдание от пошлости и подлости окружающей действительности и «навязчивые суицидальные мысли» на этом фоне. Но ведь он не покончил с собой, а стал известным на весь мир писателем и дожил до 90 лет. И процент самоубийств среди гениев говорит не о том, что гении — сумасшедшие, а о том, что гении труднее переносят сумасшедший мир. Помните этот знаменитый пассаж у Рассела: «Наш мир — сумасшедший мир», я много раз его цитировала.

> *«Безвыходность ситуации, ежедневная, ежечасная, ежеминутная угроза гибели — все это приводило почти каждого из нас, пусть даже мельком, ненадолго, к мысли о самоубийстве. Но я, исходя из моих мировоззренческих позиций, о которых еще будет сказано, в первый же вечер, прежде чем заснуть, дал себе слово „не бросаться на проволоку“. Этим специфическим лагерным выражением обозначался здешний способ самоубийства — прикоснувшись к колючей проволоке, получить смертельный удар тока высокого напряжения. Но решение „не бросаться на проволоку“, в сущности, в Аушвице мало что меняло. Самоубийство здесь теряло смысл, потому что вообще было невозможно рассчитывать на сколько-нибудь долгую жизнь»*

Франкл Психолог в концлагере

Наконец, они принимают какое-то решение.

— Пожалуйста, мне очень плохо. Отпустите меня, я не могу здесь находиться. Я не могу выносить решетки и замки. Отпустите меня. Я ничего не сделала.

— Я вас отпущу, только не плачьте, — говорит врач, но я не верю своим ушам. И вдруг добавляет. — Подпишите добровольное лечение — тогда в течении нескольких дней мы вас отпустим. А так, с судом — минимум месяц.

Это последняя попытка задержать меня обманным путем.

— Они не имели права меня привозить насильно. Соседи слышали, как я кричала о помощи. Это насилие.

— Хорошо, хорошо. Сейчас дождемся вашу маму, и я вас выпишу.

Я больше не верю ее словам, еще меньше я верю маме. Меня почти заталкивают назад в эту гробницу. Дверь открыта — невозможная ситуация, обычно санитары сразу закрывают ее на ключ. Теперь они подметают стекла, которые разбила девочка. Мне стало легче, что она вырвалась на свободу. Кто-то упрашивает санитарку помочь вынести мусор — только для счастья немного подышать свежим воздухом. Они возвращаются, и на ней нет лица от счастья — она благодарит за привилегию вынести мусор так, словно ее наградили почетной грамотой.

— Спасибо большое!

Когда пришла Зоя, я рыдала так как рыдают люди, избежавшие страшной беды. Зоя сидела с самым обыденным видом, словно пришла в магазин за хлебом, и уже кокетливо улыбалась докторше: «Да вы что? Это же самая умная девочка! Она книги пишет!»

Я от всего сердца благодарю всех, кому была не безразлична моя судьба все эти жуткие четыре дня, что я провела за решетками дурдома»

Так примерно заканчивалась та статья, я только там еще добавила свои представления о должной психиатрии, о том что биологизм убил психологию и превратил психиатров в мясников, которые разрушают мозг человека фармакологией, электрошоком и прочими способами физического воздействия на мозг, вместо социальной и психологической профилактики психических расстройств. Отменили ведь в Италии институт психиатрической лечебницы как таковой!

Я купила новый билет в Москву, теперь на самолет, поездом ехать я больше не решилась. Все время до отъезда я прожила у Мухтара и Светы, не решаясь больше жить одна у себя дома или тем более с Зоей, у нее на квартире, где постоянно сновали ее сыновья. Света тогда сказала мне, что она звонила Руслану узнать, что со мной происходит, и просила его сделать все, чтобы меня вызволили. Он ей ответил: «Она очень плохая. Ей там будет лучше». А потом набрал мне, забыв, как героически изображал передо мной сопротивление в больнице, и предложил

«полечиться» на дому. «Попей успокаивающее, я у них взял». «Если тебе надо лечиться, — сказала ему я, бери свою жену и ложись в психушку. Там вам и место. А меня оставь в покое!» Потом я отдала Свете медали Романа, которые все это время хранились у меня, и улетела в Москву. Уже когда я лежала с травмой у Зои, братья расшиблись в лепешку, но забрали эти медали к себе. Они сделали Роману надгробие, и выгравировали на нем его награды.

Я остановилась в хостеле «Apple» на Маросейке. В ночь с 21 на 22 марта, когда я спала, на меня напали. Я не знаю, что и как со мной сделали, почему я ничего не почувствовала и не помню, но очнулась я только в Склифе, с многоуровневой травмой позвоночника, многочисленными переломами ребер. Меня откачали после остановки сердца. Уголовное дело закрыли с заключением «суицид». Мне объявили, что я спрыгнула с четвертого этажа (сначала говорили с шестого), и что есть свидетель, которая видела как я прыгала: менеджер хостела, в котором я остановилась. Она якобы заявила (сама я материалов дела не видела), что пыталась меня остановить, а я ударила ее ногой беременный живот, и все таки выпрыгнула. По крайней мере так это рассказывала и продолжает всем рассказывать Зоя, которая как всегда ни во что не ставит мое мнение. Той незнакомой женщине, которую она видела первый раз в жизни, она сразу же поверила, как и Руслан конечно. А что бы не говорила я, как бы не возмущалась враньем, мое мнение для нее ровным счетом ничего не значит. О Руслане и говорить нечего. Тогда я вспомнила, как Роман мне много раз говорил: «Зоя всегда была на стороне моих врагов».

ГЛАВА 6. СКЛИФ

Обычно когда я просила Романа перевести меня в Москву, он, исчерпав все аргументы, заканчивал эмоциональной фразой: «Да мард чи арбаласцани?» (Кто привезет твой труп?). Он всегда считал, что у меня хрупкое здоровье, и переживал, как я справ-

люсь с трудностями столичной жизни. Удивительно как в конечном итоге сбылись его слова. Когда я оказалась парализованной в Склифе, в конечном итоге выяснилось, что никому кроме сестры, которая к тому времени уже не жила в России, не было дело до меня. Руслан зашел пару раз ко мне в реанимацию в Склифе, его пропустили туда почему то. Итогом его посещений стало то, что он дал врачам разрешение на применение нейролептиков, которые очень на этом настаивали. Руслан рассказал им, что буквально меньше месяца назад я совершила попытку суицида в Осетии, дал им телефоны психушки, куда меня отвезли, добавил от себя, что у меня нестабильная психика как «близкий родственник», и на этом основании уже Склиф смог написать у меня в выписке «Острое психотическое расстройство. Суицид». Если эти товарищи так хотели разрушить мой мозг, почему же они не разбили мне голову, а разбили спину? Видимо считали, что этого достаточно, и просчитались. Я уже в реанимации просила бумагу и дрожащей рукой писала заявление в полицию о том, что на меня напали в хостеле, где я помнила себя последний раз здоровой. И как на меня ни давили, отказывалась признавать суицид. А врачи ставили на кон ни много ни мало операцию на позвоночнике: когда успокоитесь тогда и сделаем. В итоге сделали только одну и отправили меня с разбитым позвоночником домой.

Вот тогда когда встал вопрос о том, чтобы меня увозить из Склифа вдруг оказалось, что Руслан очень болен и «лежит под капельницами», как мне сообщила его супруга Ада. Вскоре приехала она сама вместо болеющего супруга. Ее визит запомнился мне брезгливостью, с которой она подошла к койке и села на расстоянии от меня, и триста рублями, которые оставила она мне в ответ на просьбу дать немного денег на телефон. Мой сотовый мне не вернули, он остался в полиции, а потом пропал. А новый смартфон мне покупать отказались, Ада принесла мне фонарик, с которым, и думать об интернете было нельзя. Увозить меня домой она отказалась, собралась и уехала. Я просила ее остаться на один день, чтобы помочь сестре

вывезти меня, она сослалась на работу и уехала. Для меня стало очевидно, что эти люди вообще не желают меня вывозить из Склифа. Приехала моя сестра, единственный человек, который сделал то, о чем всегда спрашивал Роман: «Да мард чи арбаласцани?». Когда мы собирались в палате к отъезду, пришла Наташа Коробова, моя однокурсница по Плешке. Я упомяну здесь ее имя, чтобы засвидетельствовать свою безграничную благодарность за ее визиты и передачи, когда я еще лежала в реанимации. Туда ее не пропустили, и в тот день отъезда мы увиделись в первый раз спустя много лет. Я ей звонила накануне нападения на меня, и полицейские набрали ей, чтобы узнать, о чем мы говорили, когда было заведено, а потом закрыто уголовное дело. Мы говорили с ней обо всем, как говорят люди, которые долго не виделись, и она не смогла им дать никакой специальной информации, кроме того что я говорила что приехала защищать диссертацию. «Я только очень удивилась, когда мне сказали, что это суицид!» — сказала она мне в тот день. Ей сказали, что я в реанимации, и она навещала меня все время, приносила детское питание и памперсы, то что ей сказали, может понадобиться. Пришла и дочь Тамика, Надя, которая тоже регулярно посещала меня в Москве. Она помогла нам с сестрой погрузиться в поезд. Потом, дома успел зайти и Тамик, и спустя всего полгода, он умер от воспаления легких. Когда-то он стал чемпионом СССР по вольной борьбе в 21 год. Потом с ним случилась трагедия, на него упал тяжелый предмет на заводе, где он работал, и жить ему стало очень тяжело. Его брат Мурик, который стал судьей, но очень не любил среду в которой оказался, умер много раньше. Роман очень любил свою сестру Надю, и младшая Надя, ее внучка назвала сына Романом в память о Романе. Тамик тренировался в молодости с тем самым Хадарцевым, олимпийским чемпионом, с которым какое-то время работал в мэрии Тенгиз. Помню, Тамик рассказывал, что Хадарцев был так беден в те годы, что вынужден был ходить в прохудившихся кроссовках. Потом, мой врач, который иногда навещает меня дома, Виталик Киргуев, тоже го-

ворил мне что в молодости тренировался с Хадарцевым и тоже вспомнил о его несчастных дырявых кроссовках, которые тот перетягивал проволокой. «Я пошел учиться в медицинский, а он сделал карьеру профессионального борца. Теперь я хирург, а он мэр города», — смеялся Виталик. Были же люди, которых не сломало полное лишений детство.

Я оказалась в Склифе в ночь на 22 марта, а 27 у меня был 38 день рождения. И я помню письмо, которое мне зачитали хирурги по настоятельной просьбе сестры, которая несколько раз приезжала, но ее не пропускали в реанимацию: «Лейла, ты очень сильная, ты обязательно поправишься!» И наконец, мы в поезде, в специальном вагоне, где только два места, спокойно едем домой. Да, я уже неполноценный человек, я еще даже не могу сидеть, не то что ходить, но я уже еду домой с сестрой. Меня привезли на квартиру к Зое, там я лежала пока сделала еще две операции на позвоночнике в Беслане.

Шалико и Цира по приезде из Москвы, пришли меня навестить. Они принесли большой шоколадный торт, и сидели рядом с моим парализованным телом очень расстроенные. Цира сказала, что видела меня на ногах, а это значит, что я буду ходить. И сказала, что операций делать не надо, но я все таки сделала позже две операции на позвоночнике, мне поставили 18 шунтов. Шалико больше молчал и я видела по его лицу, что он винит во всем меня. Когда мы с сестрой должны были выехать из Склифа, я набрала Шалико и попросила его помочь нам. Он рассердился, спросил, где братья, почему я оказалась в таком положении, и сказал, что в дороге и ничем не может помочь. Но через какое-то время перезвонил и сказал, что пришлет секретаря Циры. Цира настояла, когда узнала о моем звонке. Я знала, что у них доброе сердце.

С тех пор начались физические страдания, которые со временем только усугублялись. После операций в медицинском центре в Беслане я смогла сидеть. В этой связи не могу не отметить доброту и профессионализм врачей в тот период моего пребывания в бесланском центре. Особенно Салама Дзебоева,

хирурга сделавшего мне одну за другой две операции. На ноги я конечно уже не встала, после упущенных в Склифе недель и месяцев, но сесть в инвалидное кресло смогла. И тогда мне еще не стали портить выписки «ошибками» об «черепно-мозговой травме», которой у меня никогда не было, и «сниженными когнитивно-мнестическими функциями». Хирург Салам Дзебоев показал себя достойным во всех отношениях, и как профессионал и как человек. Документы мне дали чистые и правильные, операции успешно заживали. Уже позже Сослан Дудаев, тоже нейрохирург в Беслане, который делал мне операцию по установлению аппарата для снижения спастики в теле, станет регулярно ошибаться в моих выписках: то черепно-мозговую травму укажет, то у меня нарушены память и внимание. Я вела с ним переписку через смс, и там он извиняется и обещает все исправить и снова делает те же ошибки. Я опубликовала потом скрины этой переписки на Фейсбуке вместе с испорченными и исправленными выписками. Также поступали и врачи из неврологии, где я пару раз проходила реабилитацию, но с тех пор отказалась. Я публиковала и их испорченные и исправленные выписки. Тогда я опять столкнулась с этой готовностью «маленьких людей» и не очень маленьких и весьма образованных людей в Осетии строиться в субординацию, выполнять любые приказы власти, независимо от того была это коррумпированная власть или нет. Я не знаю, кто отдавал эти распоряжения, но видимо те, кто постарался усадить меня в инвалидное кресло. А я тогда стала писать о том, что отсутствие травмы головы опровергает всю легенду о моем падении с высоты, и что, скорее всего мне просто сломали спину. На голове не было ни только травмы, но даже царапины. Был еще другой хороший хирург уже в другой больнице, в гнойном отделении, где мне оперировали пролежень, Алан Нигкоев, но даже в его выписке мне умудрились указать какое-то пограничное психическое расстройство. Когда я подняла скандал, как обычно делала в таких случаях, все исправили и извинились, заместитель директора больницы приходил извиняться. Алан Нигкоев оказался не при чем: кто-то без его

ведома вписал в историю болезни ложный осмотр невролога. Я настояла, чтобы эта врач зашла и объяснила, откуда эта запись. И она вынуждена была сказать правду: я вижу ее впервые, я никогда не делала ей осмотра раньше. И когда они уже вышли, я услышала, как она сказала Алану Нигкоеву: «эту запись не могли сделать по ошибке». Я опубликовала и те две выписки на своей странице в Фейсбуке: испорченную и исправленную. К Алану Нигкоеву у меня никаких претензий нет, он хороший хирург и порядочный человек.

Мои ноги сильно деформированы спастикой, у меня стоит мочевой катетер, и я часто сижу мокрая. Так начались пролежни. Свищ в двадцать сантиметров глубины (как я прочитала в истории болезни) я заработала ввиду полного отсутствия чувствительности ниже области груди. Повредила доской, через которую пересаживаюсь с кресла на кровать и обратно и не заметила воспаления. А когда заметила, уже не смогла лечить, ведь приходилось всегда сидеть на нем и не всегда сухой. Так он и висит до сих пор, хотя стал несколько меньше. Мне удалили сустав большого пальца ноги из-за остеомиелита, и там тоже осталась незаживающая рана. Время от времени наступает кризис, раны воспаляются, и держится температура 40. Тогда я ложусь в больницу в отделение гнойной хирургии. Только вопрос времени, когда мне уже никто не сможет помочь.

Вся моя жизнь после Склифа делится на два больших периода: до моего переезда к себе на квартиру и после. Сначала я находилась в квартире у Зои. Она помогала мне как могла, делала все что в ее силах, с этой стороны у меня к ней претензий нет. Но она и ее сыновья как обычно игнорируя мое мнение и мое желание делали все возможное, чтобы я не смогла вернуться к себе на квартиру. Мне тогда впервые после смерти Романа пришлось снова плотно общаться со своими братьями, и я готова была дать им шанс и простить их. Однако, они и не думали раскаиваться. Напротив, мне позвонил Роланд и в самой жесткой форме заявил ультиматум, полагая, что теперь то, парализо-

ванная я приперта к стене, я уступлю. Он сказал, что я должна публично заявить, что ошибалась, когда обвинила их в смерти Романа, сказать, что я была нездорова, и извиниться перед ними за причиненный таким образом ущерб. И тогда они готовы помогать мне с операцией на позвоночнике. Инициатива, конечно, была Руслана. Роланд по моим тогдашним наблюдениям окончательно потерял способность самостоятельно рассуждать и находился в полной зависимости от Руслана, больше чем когда бы то ни было. Я ответила, что я никого не обвиняла, что в моем заявлении в прокуратору написаны только факты, то что я слышала и видела, и что каждый волен делать свои выводы, как я сделала свои. Что заявлению я хода не дала тогда, потому что пожалела их и Зою, и что больше я ничего не могу для них сделать. Что мне не нужна их помощь, если они настаивают на такой цене. Я уже тогда стала думать, как переехать на свою квартиру, и опять навсегда прекратить с ними общение, которое было для меня невыносимо. Но как я могла это сделать тогда с разбитой спиной, когда я не способна была даже сесть в постели.

Потом они решили раз и навсегда лишить меня всяких попыток на самостоятельное существование, и заявили, что для операции нужны деньги, а получить эти деньги можно только через продажу моей квартиры. «А больше квартир нету!», — заявил мне тогда Руслан, хотя до сих пор сдается в Москве романовская квартира, в которой никто не живет. Тогда я еще думала, что можно было бы продать ее и поехать лечится в Германию или Израиль, но теперь меня лечить уже поздно. Что до моей квартиры, то во первых она стоит копейки, а во вторых я не могу оставаться без собственного жилья особенно теперь, когда стала зависимой от посторонней помощи. Я согласилась продавать квартиру. Роланд привез ко мне нотариуса, и я подписала доверенность на продажу. Но я очень не хотела этого делать и так долго думала, что нотариус стала смеяться, а потом сказала: «если не хотите, не подписывайте». Роланд, который всегда сильно зависел от мнения окружающих, сильно смутился, расстроился, стал ее убеждать, что это для моего же блага, а когда

она ушла, отдал доверенность мне: «держи у себя, пока я не найду покупателей, если ты мне не доверяешь». И тут они проиграли. Я больше не вернула им доверенность, хотя звонил Руслан и очень долго меня убеждал, а потом Роланд стал разыгрывать истерики, что я хочу все расходы свалить на них. Я порвала и выкинула эту доверенность и поступила правильно, потому что обе операции мне сделали по квоте. Квартира бы моя пошла по ветру, а оправдания бы нашлись: лекарства, бензин, затраты на меня в Склифе. Он всегда вспоминал, что его визиты стоили денег и насчитал каким то образом сто тысяч моего долга, который он великодушно простил.

Так я спасла свою квартиру и себя. «К ней полностью вернулась ее вредная воля», сказал тогда Руслан. После операций в Беслане, когда я уже смогла сидеть, я стала все больше думать о своем переезде к себе, чтобы избавить себя от общества братьев, которое становилось все тягостнее. Роланд становился таким же навязчивым, как во времена моего студенчества, когда мы вместе жили в Москве. Я закрывалась в своей комнате, но стоило мне выйти, он уже сидел рядом со мной и задавал какие-нибудь заранее срежиссированные вопросы, просто чтобы что-нибудь говорить. На искреннее общение он был давно не способен. Я называла это «игрушечки», и просила его избавить меня, ссылаясь на занятость и головную боль. Там я могла от него скрываться в своей комнате или уходила в институт, здесь я лежала парализованная и вынуждена была терпеть их визиты. Даже Ада, после того как так бесцеремонно бросила нас сестрой на произвол судьбы в Москве теперь приходила показать что «выполняет долг», и приносила пару раз с Русланом несколько сумок с фруктами с базара. Я старалась ее не замечать. Роберт как всегда качался между противоположными полюсами: то он приходил ко мне, ставил три розы в стакан и жаловался, что Руслан и Роланд составили «против нас заговор», так что мы с ним оказывались в одной команде, то вдруг выяснялось, что Руслан отправил его в психушку, и они пытались поставить меня там на учет. «А какая сука, — не выдержала тогда

я, — ходила опять в сумасшедший дом по моему поводу?». Он только смеялся. Он приносил мне дорогие йогурты, арбузы в больницу и в тоже время больше всех старался сплавить меня в Сунжу. Впрочем, у Роберта интерес всегда был чисто материальным, он надеялся как то использовать мою квартиру сам. И когда я ему сказала, что думаю, что за Русланом стоят какие-то люди, он недолго думая, со мной согласился.

Руслан, после того как принял наследство, и стал хозяйничать в доме на Герцена, где во времена Романа была пекарня и компьютерный клуб, оборудовал одну залу под офис своей партии «Коммунисты России», и сделал его центром всей деятельности партии в республике. Там у него стояли бюсты Ленина и Сталина, и там же у него бывал Максим Сурайкин, председатель партии, когда бывал в Осетии. Город был завешан их рекламой во время выборов: «Руслан Хугаев и товарищ Максим. Восстановим сталинскую справедливость». Там же Руслан собирал фамилию Хугаевых, активно агитируя родственников голосовать за коммунистов. Мне ничего неизвестно о финансах его партии, но Газзати писал в комментариях к моему посту, что у партии Руслана «широкие финансовые возможности».

Пока мне приходилось общаться с Роландом, я заметила, что психика его еще более ослабла. Он рассказывал мне, что ему снились кошмары с рыдающим Романом, и чтобы я не подумала, что его мучила совесть, сказал, что это было до смерти Романа. Зоя говорила, что тогда он какое-то время жил у Руслана, потому что сам все время плакал, а потом переехал к ней. Позже сказал, что хочет сделать пенсию и лег в психушку. Пенсию в психушке делал человек с дипломом московского пищевого вуза, со степенью кандидата наук. Я помню, я сама придумала название для его колбасы на основе сои, разработка которой была в основе его диссертации. Он и его научная руководительница стали в тупик, не умея подобрать названия этому прогрессивному мясному продукту. Я назвала ее «модерн», и мое название было принято. Человек, который самостоятельно изучил английский язык, и понимал также хорошо

разговорную речь, как и письменную. Чего казалось бы проще чем найти работу в Москве и жить там в своей квартире? Тогда он стал мне рассказывать, что он теперь ненавидит Христа, что это религия слабаков и евреев, что настоящий бог осетин совсем другой, и что евреи заполонили мир и испортили его. Убогий антисемитизм, которого я раньше никогда у него не слышала. Хорошо хоть не исламизм. Он увлекся буддизмом, стараясь найти в нем альтернативу Христу, но у него не очень то получалось. Он ставил у себя в машине знак свастики и говорил, что это символ солнца в древней Индии. Так и есть, и все же не отменяет того факта что и Ницше, презиравший и ненавидевший христианство, говорил о символе «вечного возвращения», противопоставляя его христианству. Роланд стал убеждать меня, что Толстой тоже ненавидел Христа, и когда я ему объяснила, что Толстой был против православия, а Христу посвятил всю свою жизнь, сильно разнервничался и убежал из комнаты. Было видно, что его «ненависть» к Христу идет из желания сломить в себе любовь к Христу, которой он был сильно привержен в юношестве, и что аргумент с Толстым его окончательно добил. Руслан как то сидя вместе с Роландом у моей кровати вдруг заявил: «Я единственный в этой семье НА СТО ПРОЦЕНТОВ здоровый человек. А вот ему, — и он показал в сторону Роланда, — понравилось в психушке». Роланд делал вид что соглашается, понимая что это пропаганда для меня, но Роберт выдал его, рассказав, что Роланд заявил после психушки, что это «живой ад».

Тем временем, Руслан делал все возможное, чтобы признать меня недееспособной. Он специально взял в Москве копию выписки, где значилось «Острое психотическое расстройство. Суицид». Видимо, чтобы у него было так долго им искомое доказательство моей невменяемости. Я опубликовала эту выписку в приложении к одной из последних моих книг «Романтизм и реализм». Он рассказывал всем, что вот, наконец, проявилась моя невменяемость, я бросилась вниз и разбила себе спину, что если бы тогда в психушке меня «подлечили», этого можно бы-

ло бы избежать. И что он всем говорил об этом уже тогда, когда я их публично обвинила в смерти Романа, но ему никто не поверил. Он звонил мне и предлагал лечиться транквилизаторами: «Выпей и кайфуй, расслабишься. Я вот тоже на ночь сто грамм пью, а че переживать». Потом я услышала, как он разговаривал с Зоей в коридоре: «Дай ей вот это. Это же больной человек!» И Зоя принесла мне днем сок, после которого я надолго отключилась. Я сразу все поняла. Сделала скандал как только пришла в себя, чтобы она больше не вздумала повторять, а потом сказала Руслану все, что я о нем думала, как только он зашел.

— Ты думаешь, я не знаю, что это ты меня тогда в психушке запер? Я слышала, как ты говорил с тем ментом по телефону, который меня туда отвез. Ты договорился с ним о встрече в психушке.

Он растерялся было, но быстро взял себя в руки.

— Да, я думал тебе плохо, а потом выслушал тебя и стал тебя защищать. Ты сама видела.

— Да, когда было уже поздно! Когда за мной закрылись замки. И когда я попросила телефон у тебя, чтобы сделать публикацию в интернете ты резко на меня накричал.

Он и этого не ожидал.

— А когда Света у тебя спросила, почему вы меня не забираете, ты сказал, «Она очень плохая». Разве не так? И зачем ты мне потом звонил и какое то лечение предлагал? Какое лечение? Зачем тебе так необходимо разрушить мой мозг? На кого ты работаешь?

Он понял, что разоблачен и молчал, опустив голову. Потом перешел в резкую агрессию, стал ругаться, издеваться. Он уже не говорил как раньше, что «колясочники это целый новый мир», а прямо сказал, что я калека и окончательно лишилась ума. «Вы победили, что и говорить, — сказала ему я тогда, — Роман в могиле, я в инвалидном кресле». И все. На этом все наше общение раз и навсегда прекратилось. Я сделала несколько постов в Фейсбуке, чтобы обезопасить себя, чем могла от свидетельств обо мне этого «близкого родственника».

Я по сей день с ним не общаюсь и никогда больше не хочу с ним общаться.

Теперь я поставила себе целью переехать к себе при первой же возможности. Я тогда встретила в центре в Беслане, на реабилитации, брата своей одноклассницы, а потом и ее саму. Инга и Эрик Дзампаевы. Мы были рады встрече, Инга даже расплакалась, когда увидела Лейлу, «грозу» 16 школы, в инвалидной коляске. Инга пришла навестить меня с дочерью, которую тоже звали Зоей, уже взрослой красивой девушкой, студенткой третьего курса юридического факультета СОГУ. Они взяли меня с дочерью на руки и снесли со второго этажа на улицу, усадили в мою коляску и отвезли прогуляться по берегу Терека. Когда я спросила ее, зачем она сделаал операцию на нос, итак точеный, Инга рассказала мне такую типичную историю: ее муж, с которым она прожила 18 лет регулярно ее бил, и однажды сломал ей нос. А потом его самого подстрелил муж какой-то женщины, которую он когда то в ее девичестве лишил невинности. Где бы тут место найти для «Эвелины и ее друзей» Газданова? За последнее время в Осетии было много безобразных историй, связанных с насилием над женщинами. Вот только некоторые, о которых много писали в интернете: женщину 22 лет убил бывший муж прямо на ее рабочем месте; прокурор пришел с повинной и сознался в убийстве жены, после того как у него в саду был обнаружен ее труп; полицейский избил свою бывшую жену до смерти, когда узнал, что стала встречаться с другим; молодая женщина покончила с собой, ее мужу инкриминировали «доведение до самоубийства». Я уже не говорю о том безобразном случае, когда слабоумную девочку толпами насиловали во время отъезда ее матери, а, главное, следователи потом замяли это дело, сказали что «по обоюдному согласию».

Брат Инги, Эрик пообещал помочь мне с переездом, а братья делали все возможное, чтобы воспрепятствовать моему переезду. А значит и Зоя тоже. Однако, в конечном итоге, и эти неожиданные товарищи, вдруг как по мановению палочки, стали

делать то, что делали все люди в моем окружении. Затягивать переезд и находить предлоги. Потом, когда я уже переехала, Эрик звонил, извинялся, сказал, что не смог помочь и были экстренные обстоятельства. Я сделала вид, что не понимаю, о чем он говорит. Теперь мы с ними друзья на Фейсбуке. В конечном итоге я справилась и с переездом. Я вызвала такси, вызвала грузчиков, села сама в свое кресло, взяла чемодан со своими документами, и приготовилась встречать грузчиков. Выскочила Зоя и заорала на них: «А вы будете отвечать за инвалида, если с ней там что-нибудь случится?!» Тем временем, Роланд и Роберт встречали внизу такси, которые я вызывала, и отправляли их так, чтобы я не знала. Когда я наконец поняла что происходит, я закатила такой скандал, называла их убийцами и насильниками, звонила всем родственникам и друзьям, и в конце концов они сдались: «Она сама приедет через два дня назад. Кто ей там поможет? Кому она нужна?» И разумеется ничем не помогли мне с переездом. Я дождалась такси, вызвала грузчиков, Зоя больше не стала на них орать, и они спустили меня в такси. Так спустя почти два года с того дня как меня забрали отсюда в психушку, я снова была у себя дома. Меня оставили одну в моей квартире в надежде, что я в беспомощности испугаюсь и попрошусь назад к Зое. А оттуда они давно наметили отвезти меня в Сунжу. Это для них был только вопрос времени.

Но я все же справилась каким то чудом Я открыла дверь, выкатилась в коридор и доехала до соседки. Я попросила ее помочь мне поставить телефон на зарядку, которая почти уже села. Потом привезла на своей коляске два шерстяных одеяла, и бросила их на пол в гостиной, потом слезла с коляски и удобно устроилась на ночь. Телефон был самым важным орудием выживания на тот момент. На следующий день уже все соседи знали, что я приехала глубоко покалеченной и сижу на полу в своей квартире безо всякой помощи. Мне пришлось просидеть так больше недели. Они стали заходить и помогать чем могли. Я звонила Зое, чтобы они привезли мне мои вещи, но она откровенно не поднимала на меня трубку. Тогда

я набрала родственникам и пожаловалась, что мне не отдают мои вещи. Света тоже включилась мне помогать, и вскоре Зоя и ее сыновья были вынуждены привезти мои вещи. Справедливости ради надо сказать, что Зоя все время ездила со мной по больницам и дежурила у моего изголовья денно и нощно. Мыла меня в кровати женщина по имени Зина, которая приходила через день. Все остальное делала Зоя: выливала катетер, приносила мне тазики с водой по утрам и вечерам и варила мне каши и соки, которые я просила. Однако, за это время она взяла на себя роль «мамы» у маленького ребенка еще более, чем когда-либо и вообще перестала считать меня человеком. Однажды, когда я отказалась от помощи Роланда, который предлагал очередной раз отнести меня в ванну, она так разозлилась, что оставила меня сидеть на диване на всю ночь в моем переломанном состоянии. И как я не звала и не молила ее она не пошевелилась до самого утра. Я уже не говорю о руслановских таблетках, которые она добавила мне в сок. Теперь я была рада избавить ее от заботы обо мне, и избавиться самой от ее тирании.

С моим переездом начинается новая более-менее сносная полоса моей жизни после травмы. Я смогла немного успокоиться, вернуться к своим книгам, пролистать их. Вскоре у меня начали возрождаться творческие силы, появлялись новые мысли, проекты, я начала потихоньку писать и снова обрела саму себя. Сестра покупает мне целыми сумками хлопковые майки и штаны, без которых я не могу обходиться, а потом присылает. Сергей перечислял каждый месяц деньги, которые я платила своей сиделке. Тогда ко мне утром на два часа приходила Аида. Она работала на базаре, и перед работой с 8 до 10 отвозила меня в ванну и помогала сделать перевязки. Но одного раза утром было очень мало, и я часто болела. Очень помогла в этот период Ирочка, соседка и жена Саши, которая заходила когда я ее просила и помогала в экстренных ситуациях. Тем не менее, денег не хватало не только на регулярные массажи, но и на лекарства. О массажах я вскоре надолго забыла. Я была рада уже тому, что

рядом нет невыносимых людей, я живу в покое и могу читать и писать, как делала это раньше. Временами я попадала в больницу, но теперь это было неизбежно в том состоянии, в котором я находилась. Света и Тоня, дочери сестры Романа Раисы, очень помогли мне своим вниманием и поддержкой. Света звонила в Склиф и узнавала о состоянии моего здоровья, звонила нам с сестрой в поезд, когда мы вдвоем ехали домой, навестила меня везде, и когда я лежала у Зои, и на моей квартире, и во всех трех больницах, где я была. Тоня поразила меня искренностью и глубиной горя, которые слышались в рыданиях, которые она не могла сдержать. Помню, когда я попала в больницу в первый раз, с огромным свищем на бедре и «ведрами гноя», который, по словам хирурга, они оттуда выкачали, пришли Света и Тоня, чем очень мне помогли. Прежде всего, они устроили скандал. Меня хотели оставить там без сиделки, так как в общей палате нет возможности находиться с сиделкой, а на отдельную палату у меня не было денег. «Как же у ее братьев нет денег на палату! — возмущалась Света. — Они итак оставили ее без ничего! Они что ее смерти хотят!». Тоня плакала в углу, а потом стала рассказывать пациентам в палате, какая я была красивая и веселая, и как она поразилась моей красоте, когда я вдруг приехала летом из Москвы на каникулы. Мне было лестно, хотя я никогда не считала себя красавицей. Палата вскоре нашлась, там была койка для меня и для сиделки, и в тот раз я опять осталась жива. А потом Света сама заболела. Умер ее брат, Мухтар, тот самый который меня защищал. Света говорила мне, что Мухтар прослезился, когда узнал, что со мной сделали, и что я нахожусь в реанимации с переломанной спиной. «Лучше бы она умерла», — пожалел он меня тогда. Я даже не могла быть на похоронах, чтобы попрощаться с ним. До сих пор сижу в коляске, которую он мне купил четыре года назад.

Роланд в свое время так спешил продать мою квартиру и отвезти меня в Сунжу, что несмотря на мое категоричное предупреждение ничего не трогать в моем доме, вывез все мои вещи в Сунжу. Когда ему после долгого сопротивления пришлось вер-

нуть мои вещи, я не нашла там несколько любимых вещей: сумки бесхозно валялись там неделями и кто теперь мог сказать, где в дороге они потерялись. Когда он понял, что в Сунжу я не поеду, на что он сильно рассчитывал, он вдруг слег. Тогда Нуца была еще жива, он жил с ней в Сунже, она оказала ему большую моральную поддержку после всех этих событий. Потом он заботился о ней и о последнем брате Романа до самой их смерти. К тому времени она была уже очень слаба, с трудом двигалась, ей наняли сиделку. Роланд слег и все заговорили о его смертельной болезни, хотя диагноз был никому неизвестен. Света мне звонила и говорила, что он тяжело болен. «Готовьтесь к моим похоронам», — цитировала мне его Зоя, плача в трубку. Я как раз тогда очередной раз попала в больницу, когда она мне набрала. Из того что она мне сказала, я поняла истинную причину его болезни. У него совсем распадалась психика. Он вдруг сказал всем, что его «заколдовала Цира», что она ему завидует и желает смерти. И что Цира также виновата и в моеей болезни. И тут голос Зои в трубке перешел на слезливый истеричный визг: «Если это правда, то как она могла!». Зоя знает Циру много лет, практически со дня женитьбы Шалико, когда они жили еще в неказистом доме их общего отца Йосифа и занимались цветами. Какое бредовое сознание надо иметь, чтобы не разглядеть за это время свою родственницу как человека? Цира неспособна пожелать плохого, не только сделать, не говоря уже о бредовости самого обвинения. Даже Роман любил посмеяться вместе с Цирой, когда она приходила его лечить в больницу, и всегда говорил что она хорошая женщина. Зоя любит всех своих братьев, но сыновья для нее объект поклонения. И настолько насколько мое мнение и мое слово для нее пустой звук, настолько беспрекословно она верит всему, что говорят ее сыновья.

«Чтобы больше я этого бреда не слышала! — сказала я, сразу расстроившись. — И пусть не вмешивает мое имя в этот позор! Он сам ее нашел, а теперь еще глупости на нее говорит! Как вам не стыдно! Что то вы далеко пошли искать причину его болезни! А может, это Руслан виноват, в том, что он сбрендил?

Может его совесть жрет? Не каждый же способен взять такое на совесть!» После этой моей тирады, я больше ничего не слышала о его болезни, зато Зоя сообщила мне, что Роланд вернулся к Христу, извинился перед ним, раскаялся и успокоился. И хотя Зоины родственники ничего об этом не знали, и Зоя теперь отказывается, как обычно, что этот случай имел место, трудно не понять их желание сохранять дистанцию.

А вскоре умерла Нуца. Мне говорили, что все последнее время она умоляла всех отвезти ее ко мне и часто меня вспоминала. Мы не смогли попрощаться с этой когда-то веселой вздорной старушкой, которая еще глубоко за 70 лет одна содержала большой дом и огород в селе, так что к нашему приезду всегда были свежая картофель, фасоль, зелень и фрукты в саду. Может быть, скоро увидимся на том свете. После ее смерти у Роланда начался второй кризис, и он заявил, что я должна жить в Сунже. И хотя Нуца умерла уже почти год назад, он все еще не отпускает ее сиделку, в уверенности, что вскоре мне придется переехать в Сунжу.

Все это время физической недееспособности, моей самой большой проблемой был поиск сиделки, человека, который помог бы мне вставать по утрам, ехать в ванну на моем санитарном стуле, потом делать перевязки, и все то же самое вечером, когда я ложусь спать. У меня появился органический страх по отношению ко всем тем «маленьким людям», как выразилась та санитарка из психушки, которые окружали меня до сих, и так легко переходили от дружбы к службе. Помню, как Зоя сказала мне однажды, что видела Лейлу во дворе моего дома, и та спросила у нее не нашла ли я сиделку. Лейла знала все новости, потому что ее мать продолжала жить в том же подъезде нашего дома, где живут Саша и Ира. Зоя сказала, что нашла и тогда Лейла предложила себя: «Ну если понадобится какая помощь, обращайтесь». Не прошло и пяти лет, как мне сломали спину. У меня от ее слов мороз пошел по коже, мне совсем не хотелось, особенно теперь, когда я в таком состоянии, видеть около себя человека, который и на дружбе и на службе. Впрочем, может она

предложила помощь искренне, откуда мне знать. Вопрос в том, что эти сомнения я теперь испытывала в отношении всех, зная, что кавказский менталитет много больше склонен к конформизму, чем к духоборчеству. Зоя, понимая, что фундамент моей самостоятельной жизни сиделка, отрицательно относилась и к первой моей сиделке, которая приходила всего на два часа утром, и всячески старалась настроить меня против нее и рассорить нас. Потом когда Аида уехала на заработки в Израиль, и я осталась без сиделки, мне наконец повезло. Я встретила Саломе в больнице, куда она вышла работать после смерти своего мужа. Прабабушка, муж и дети Саломе — осетины, сама она грузинка, которая питает такую же нежную любовь к своему отечеству, как к своей семье. В Саломе я нашла друга и поддержку, главное, у нее было на меня время, и я могла быть уверена в ней как в самой себе. Эта удивительная женщина всю жизнь трудилась в поте лица, выполняя часто и мужскую работу. Когда взорвали центральный рынок, она чудом выжила, но ее магазин и ее друзья погибли. Она еще много лет платила долги. Потом тяжело болела, и снова стала работать. Когда мы встретились, она все еще переживала смерть мужа три года назад, а я уже приготовилась умирать. Если я живу и работаю до сих пор, то это все благодаря Саломе. К тому же и формально мы родственники, ее свекровь была Хугаевой. Зоя первая подружилась с Саломе в больнице, она ведь сама наполовину грузинка. И уговорила ее стать моей сиделкой на время моего пребывания в больнице. А когда она узнала, что Саломе согласилась помогать мне и дома, и как мы с ней подружились, она приняла совершенно противоположную позицию. Зоя встретила Саломе у подъезда, чтобы я не слышала разговора и заявила ей, что мое место в Сунже, и потому Саломе должна отказаться от работы у меня. «Но Лейле ни в коем случае не говори, что это я тебе сказала. Роланд оплачивает сиделку, которая была у Нуцы до сих пор, почему мы должны платить двум сиделкам? Лейле там будет намного лучше. Главное мои дети будут жить вместе. Если со мной что-то случится, я хочу чтобы они помирились и жили вместе». Вот

в этом вся Зоя. Она прекрасно знает, что я категорически не хочу даже слышать о том, чтобы общаться дальше с братьями. И она не только плюет на меня и мою волю, она идет к моим друзьям в обход меня, и старается лишить меня последней подмоги, последней помощи, последнего, что мне дорого. Руслан начал было платить сиделке, но его хватило только на полгода. Мне по прежнему помогает сестра, иначе меня давно уже не было бы на этом свете. Даже если Саломе по какой-то причине меня покинет, и я найду кого то другого, что очень сложно, где гарантия, что они опять не вмешаются, чтобы оставить меня без сиделки.

Руслан приезжал два раза с Зоей с базара, сам оставался в машине (после той ссоры мы больше никогда с ним не общались), а она поднимала с машины два больших пакета с фруктами, овощами и йогуртами. Во второй раз с ней поднялась Ада. Это ее старая манера, сначала нагадить, а потом устроить театральную сентиментальную сцену. Она подошла к моему парализованному телу, покрытому гниющими язвами, и сделала вид, что плачет: «Я так тебя люблю, так люблю. Даст Бог, ты выздоровеешь, и будешь опять на ногах как раньше. Я за тебя всегда молюсь. Прости меня, пожалуйста. Прости меня за все». Актриса погорелого театра. «Если бы вы отвезли меня на кладбище, — сказала я тогда, — я бы вам простила. Но вы отвезли меня в дурдом, этого я вам никогда не прощу». На этом все наше общение закончилось. Вот еще один человек всегда поражавший меня своей способностью построиться в любом направлении, если этого требовала конъюнктура. Конформизм и авторитарная совесть отличительная черта осетинского менталитета. Руслан сделал заход с другой стороны, навестив друга своей юности, Саша и Иру, у которого не был много лет. Он рассказал им, как нежно он любит свою сестру, и как хорошо мне будет в большом уютном доме, с садом-огородом в Сунже. И что надо сделать все, чтобы помочь ему увезти меня в Сунжу.

Недавно я набрала Тенгизу, которого не слышала больше трех лет, узнать как у них дела. Тогда когда меня только привез-

ли, они пришли с братом, принесли коробку Рафаэло, но поговорить не удалось, они очень спешили. Потом я просила Тенгиза распечатать мне счет на лекарства, он распечатал, привез и сам оплатил, и опять не смог присесть. Тенгиз сказал, что у него все хорошо, из мэрии он ушел, работает профессором на кафедре финансов в СОГУ. Я сказала, что у меня тоже все хорошо, что я начала ходить и совсем выздоровела. Тенгиз мне не поверил: «На костылях?». «Нет, просто, как все люди». «Тебя в Грузии вылечили?» «Нет, меня Саломе вылечила». «Я плохо себя чувствую, я перезвоню». Я видела, он мне не поверил. Тенгиз тоже во всем винит меня. Между тем я совсем его не обманула: я хожу в пространстве интеллекта. Кьеркегор говорил, идея человека его дух, а значит неважно ходит он на двух ногах или нет. Я пишу книги, мыслю, общаюсь со своими друзьями в интернете, значит я хожу в самом главном для человека пространстве. Многие из тех кто ходит на ногах не имеют туда доступа.

Мое повествование близиться к концу. Я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что я призываю к «преступлению и наказанию». Напротив, я стремилась показать, что все герои этой трагедии сами были жертвами обстоятельств. Если бы я хотела наказания братьям я не написала бы второго заявления в прокуратуру с отказом от первого, и давно опубликовала бы прямое обвинение. Но прошло почти 12 лет, и я этого не делала, и сейчас мне было это крайне тяжело. Я не хочу, чтобы они пострадали, несмотря на все зло, которое они мне причинили. Я прошу прощения за своих братьев и вместо своих братьев, христианского прощения и милосердия. Я хочу защитить их от них самих. Я хочу, чтобы они просто оставили меня в покое. Общаться с ними я больше никогда не смогу, но это не значит, что я желаю им зла. Если же неправа я, то это быстро обнаружиться, и все последствия моей публикации обернутся против меня.

Я думаю из моего повествования очевидны параллели с известным романом Достоевского «Братья Карамазовы». Состоятельный, но скупой отец, первая жена, которая его поколачивала, а потом бежала с другим, вторая жена, которая заболела

нервами и стала «кликушей», Грушенька, образы трех сыновей, офицера, интеллигента и христианина, фон идеологической дискуссии о том, что если бога нет, то все позволено, и даже пророчество Достоевского о втором осевом времени Ясперса в этом романе. Достоевского считали пророком, в каком-то смысле он и был пророком.

ГЛАВА 7. ОСЕТИНСКОЕ «ЯБЛОКО» И FACEBOOK

У меня много лет страница на Facebook (Фейсбук). Там я подружилась с прекрасными людьми, в том числе членами партии «Яблоко», например с Натальей Береза. Я выразила желание вступить в партию, и потому что искала общественную организацию, где я могла бы представить свой научный проект, и потому что искала защиты и публичности. Я много раз писала на страницу Григория Явлинского на Фейсбуке, кратко излагаю суть своей научной работы и все, что мне пришлось пережить с тех пор, как я стала писать на сайт президента об этой своей научной работе. Г. Явлинский показал, что прочитал, но не ответил. Однако, Наталья Береза, мой френд на Фейсбуке, любезно согласилась посодействовать моему вступлению в «Яблоко». И действительно вскоре мне позвонили из местного отделения партии «Яблоко».

Оформлять меня приехал Бадри Газзати, тогда заместитель председателя осетинского Яблока, а сейчас, если мои сведения не устарели за два года, председатель осетинского «Яблока». Он сел за стол на кухне, вытащил папку, представился и сказал: «Я приехал лично познакомиться с вами, потому что мне звонили из Москвы». Вскоре он очень пожалеет о своем визите, и публично заявит на Фейсбук, что я «распространяю неправду». Но пока он очень вежлив и сочувственно слушает мою историю. «За что с вами сделали такое?». Я рассказываю, что это связано с моей научной работой, показываю ему свои книги. Он смотрит с интересом, он выпускник философского факультета МГУ, если судить по его странице на Фейсбуке. Он также

владелец и редактор газеты «Свободный взгляд», и в прошлом директор коммерческого института. Он рассказывает мне, что его газета пользуется большой популярностью в республике, чуть ли не единственная «оппозиционная» СМИ, что есть даже «фанаты», которые ждут каждого выпуска и готовы покупать за любые деньги. Казалось бы, он никак не может сказать вслед за той санитаркой из психушки, что «мы люди маленькие». И действительно он говорит, как героически преодолевает коррупцию нынешнего правительства республики. Он был советником бывшего президента Агузарова, и находится в оппозиции к власти нынешнего президента Битарова, так он говорил, по крайней мере. Он предлагает мне помощь нотариуса Залина Агузаровой, когда я прошу помочь в оформлении карты сбербанка инвалиду по доверенности.

Выяснилось, что знаком с Русланом, как с заместителем Сурайкина по партии «Коммунисты России». Он стал спрашивать, почему мне не помогает Руслан и почему я не вступила в партию родного брата, как сделал бы любой осетин, партия которого, прежде всего его клан. Я ему объясняю, что я не коммунист, а демократ, а сама думаю, что это за лидер у партии Яблоко, который задает подобные вопросы. Потом рассказываю, что общаться с Русланом не могу, что тот однажды сдал меня в психушку, а теперь говорит всем, что я прыгала сама, и что моя травма не имеет никакого отношения к моей работе и политической позиции. Мне важно все это сказать, иначе при встрече Руслан выложит свою версию «о сестре», и ему как «близкому родственнику» и старшему брату поверят, а мне нет. И вижу, уже не верит мне. Тогда я рассказываю про заявление, которое я написала в прокуратуру и почему написала, и еще раз объясняю, что с Русланом у меня не может быть больше ничего общего. Газзати слушал и молчал, но делал про себя выводы. Он заходил раза три, обещал помощь во всем, в чем только сможет. От перевода моей выписки для отсылки ее в Германию до оформления карты Сбербанка, до которого я не могла самостоятельно доехать. И наконец, предложил мне печатать статьи в «Свобод-

ный взгляд». Я предложила начать с моего интервью, где я бы рассказала о том, что со мной случилось и почему. Он согласился и предложил мне написать его самой. Более того, он сказал, что легко может организовать сбор средств для меня через местное Яблоко и даже назвал ведущую осетинского телевидения, кому может это поручить. Все это он говорил с энтузиазмом. Я подписала ему две свои книги, как большому другу, и дала третью с тем, чтобы он мне ее в скорейшем времени обязательно вернул. Он ушел и больше не вернулся, и книгу мне до сих пор не вернул. Более того, пропал со связи сразу после того как якобы «одобрил» «интервью у Яблока», которое я отправила ему в мессенджере.

Пропал и не вернул мне книгу «Россия между открытым и закрытым обществом», последний мой экземпляр. Я писала ему на мессенджер в Фейсбуке, он молчал и игнорировал мои письма. Потом ответил. Я привожу ниже его ответ, в котором черным по белому написано, что я обращалась, видите ли к нему лично, и что я никогда не обращалась в партию Яблоко. Я сразу поняла, что врал не Роберт, который вообще не умеет по пустякам врать, а Газзати. Выглядело вполне логично на фоне его общего поведения, что теперь он жалел что лично приезжал оформлять меня в Яблоко. Ему дали по шапке и сказали, что никакой публичности моя история получить не должна. После этого ответа, я сделала скрины, разметила фото в посте на Фейсбуке и написала там же вот эту статью. Я ее опубликовала 10 января 2018 года, и этот пост до сих пор на моей странице в Фейсбуке, откуда я его и скопировала в эту главу. Ниже идут комментарии к посту.

Это письма из мессенджера на Фейсбуке перед публикацией поста:

«Три месяца прошло. Мне нужна моя книга, «Россия», я же вам говорила что она у меня последняя и нужна мне в работе. Неужели так трудно набрать такси и сказать адрес водителю? Поверьте у меня итак много проблем, чтобы ещё об этом думать.

Прошло полтора месяца как я вам напомнила последний раз. Сколько ещё времени должно пройти?

08.01.2018, 11:33
Лейла

Уважаемый Бадри, Роберт передал что встретил вас и что вы сказали что не знаете кто меня оформлял в Яблоко. Я думаю это какое то недоразумение, поскольку я вас знаю только через Яблоко, как раз когда вы меня оформили. но все же не могли бы вы выслать мне на мессенджер какой нибудь документ, список Владикавказского Яблока например. Или может ваше нежелание отвечать как то связано с этим? Мне никакой вашей помощи больше не надо, хотя я признаюсь я надеялась на помощь Яблока, но вижу что вы трижды проигнорировали наши договорённости, так что буду искать других людей из Яблока. Но книга мне действительно нужна. Надеюсь вы все таки ответите.

10.01.2018, 00:22

Приветствую Лейла. Я в глубоком недоразумении, поскольку ничего подобного я Роберту не говорил. Имел удовольствие общаться и с Русланом. Твои братья меня уверили, что сами в состоянии решить все необходимые вопросы с твоим здоровьем. Я специально выжидал, правда ли они будут действовать. Я не могу вмешиваться в ваши семейные дела и идти впереди родных братьев. К тому же, я ЯБЛОКО возглавил совсем недавно, в конце ноября. К тому же, ЯБЛОКО не занимается подобной благотворительностью. Все наши какие-то договорённости были связаны лично со мной, без всякой связи с партией. Я вынужденно взял паузу из за того, что не хочу встревать безосновательно в чужие дела и проблемы. Вышенаписанное тобой, говорит о том, что я становлюсь ещё и жертвой сплетен, поскольку, повторюсь, ничего подобного я не мог сказать, и является лишним подтверждением моей позиции. Надо подальше держаться от чужих семейных, есть мама, братья, сестра и много других родственников, которые, как меня убеждают, способны решить все вопросы. И я не намерен выслушивать претензии твоих бра-

тьев, тем более, быть объектом для сплетен. Если они ничего не предпримут в ближайшее время, то в Милу своих возможностей, окажу любую помощь. Извини за долгое молчание. Надеюсь ты понимаешь меня и надеюсь не будет обид и злости. Я тебя очень уважаю как личность и творческого человека, и очень сочувствую данной ситуации. Это действительно ужасно. Но я не хочу тебя жалеть, ты слишком сильная и гордая для жалости. Поэтому, я тебя просто уважаю и даже восхищаюсь тобой. Надеюсь, что здоровье поправится, не смотря ни на что. Постараюсь сделать все, что от меня зависит. Пусть новый 2018 год принесёт тебе ЗДОРОВЬЕ, творческих успехов и благополучие вашей семье. Ещё раз извини, если обидел.

Пост на Фейсбук от 10 января 2018 года

Уважаемый Бадри Ревазович, спасибо, что по истечении четырех месяцев вы все-таки удостоили меня ответом, хотя признаюсь, он не показался мне ни убедительным, ни даже искренним. Я поздравляю вас с должностью председателя регионального отделения партии Яблока, о чем вы сообщаете в письме, но, честно говоря, не вижу как должность заместителя председателя могла помешать вам общаться с соратниками. Я решила дать вам публичный ответ, прежде всего с тем, чтобы наши с вами соратники по оппозиции могли сами судить кто прав в данной ситуации.

1.«Вне всякой связи с партией»

Вы пишите, что все наши с вами договоренности носили личный характер, «вне всякой связи с партией». Насколько я помню, я обращалась к вам как к представителю Яблока в республике всегда публично, задействуя наших общих друзей и соратников. Так я обратилась с просьбой помочь мне в оформлении карты сбербанка, так как не могу выходить из дома. Вы здесь, на фейсбуке, ответили в комментариях, что сделаете все что будет в ваших силах. Однако, мне не удалось потом до вас дозвониться и я справилась своими силами. Потом я спросила вас можно ли записать интервью о том преследовании, жертвой

которого я стала. Спросила, как политического деятеля, как представителя демократических, либеральных сил партии, которую вы представляете. Как бы я могла обратиться к вам с такой просьбой лично? Кому интересна реакция личности в данной ситуации? Вы мне ответили, что сами думали об этом, что «мы синхронно мыслим» и что хорошо было начать с этого наше сотрудничество в журналистике. Я сказала, что с удовольствием буду писать статьи в газету в поддержку демократической оппозиции. Интервью вы одобрили, но на этом диалог опять прекратился. Тогда же я спросила вас, можно ли помочь мне с поиском фондов для лечения в Израиле, вы ответили утвердительно, но потом всякая связь с вами прекратилась. Вы не отвечали на звонки, на сообщения, даже на попытки связаться с вами через юриста Зарина Кастуеву.

2. «Интервью для Яблока»

Мне не надо вам рассказывать, что в республике нет интеллектуальных или политических сил, способных противостоять официальной власти, какой бы коррумпированной она порой не была, и как бы не злоупотребляла своими полномочиями. Вы часто и сами пишите о недееспособности местных СМИ, способных лишь транслировать провластную позицию. В такой ситуации Яблоко оказывается просто оазисом для тех редких представителей интеллигенции, которые понимают значимость демократического движения в современном мире. Конечно, я обратилась к вам в надежде на политическую защиту, прежде всего. Поэтому я спрашивала вас об интервью, мне важно было рассказать о политической подоплеке того, что пытаются выдать за бытовую случайность. Однако, я не искала бы поддержки у едроссов, ЛДПР или коммунистов. А Яблоко, пожалуй, единственное политическое движение на сегодня в России, которое внушает мне доверие. По крайней мере, это моя точка зрения. Я, будучи ученым и либералом, оказалась в некоем вакууме здесь в республике, всегда провластной и прокоммунистической. Я на личном опыте убедилась, что даже то, что принято называть дружбой с детства или родственными связями теряет

здесь всякую значимость перед лицом погонов и власти. Юридическому контролю может противостоять только научный контроль, поэтому я предлагала свои услуги партии в написании статей с целью развития интеллигентской прослойки в республике. С чего то же надо начинать. Я писала в «Интервью для Яблока», которое вы одобрили для публикации, как однажды ко мне в квартиру ворвались вооруженные автоматами люди и насильно затолкав меня в машину скорой помощи, оставили на два с половиной дня в психушке. Я делала несколько публикаций на фейсбуке, писала в «Команду 29» и вам рассказывала, уважаемый Бадри Ревазович, что Руслан Хугаев, зампред партии Коммунисты России и человек, называющий себя моим братом, поспособствовал по мере своих сил этому кощунственному злодеянию. По моему очевидно, что единственная цель, с которой я публикую эту историю на Фейсбуке и рассказываю политическим движениям состоит как в том, чтобы предупредить общественность о реанимации карательной психиатрии, так и с тем, чтобы предотвратить повторение подобных прецедентов в будущем. Видите ли, Бадри Ревазович, партия Яблоко, единственный социальный институт в республике на защиту которого от таких чудовищных репрессий властей я могу рассчитывать, хотя бы в виде огласки и выражения протеста. По-моему, это очевидно, поскольку даже мой родной брат помогал закрыть меня в психушке. Что эти люди предпримут в следующий раз, я не знаю, но делаю все, что от меня зависит, чтобы Руслан Хугаев больше не смог выступить в роли «брата» в очередном коррумпированном сценарии. Я повторяю, частые публикации на фейсбук, обращения в общественные организации, такие как «Команда 29» и «Яблоко» давно сделали этот конфликт публичным, поэтому я не верю в искренность ваших слов, когда вы намерено пытаетесь представить проблему как внутрисемейную. Вы должно быть обладаете редкостным самомнением, если считаете, что могли бы как то лично, вне контекста политического движения, повлиять на ситуацию. Речь идет только о том, чтобы проинформировать общественность о реальном положении дел и защи-

титься тем самым от манипуляций коррумпированных чиновников с «родственниками», преследующими на самом деле свои политические интересы. От вас конкретно, как от представителя Яблока требовалось просто быть в курсе и в случае необходимости, в случае если что-либо подобное повториться, предать огласке и выразить протест от лица политического движения. Тем более, у вас есть доступ к СМИ. На самом деле, когда вы намерено игнорируете истинный смысл моих слов о том, что я считаю родственные отношения с Русланом Хугаевым прекращенными, а его участие в моей травле — частью государственных репрессий, вы просто становитесь частью этого механизма. Так как, когда Руслана в следующий раз привлекут свидетельствовать против меня, вы займете не позицию представителя политического движения, к которому и я принадлежу, а заявите, что не можете встревать в родственные отношения и выжидали, что из этого выйдет.

3. «Я специально выжидал».

Вот почему ваши слова о том, что вы не отвечали четыре месяца, даже на мою просьбу вернуть мою книгу, кажутся мне крайне неубедительными и неискренними. Вы меня не обидели, уважаемый Бадри Ревазович, вы просто дали мне со всей очевидностью понять, что никакой личной дружбы у нас с вами не может быть. Когда вы говорите, что не отвечали, потому что выжидали, поможет ли Руслан мне (с которым вы, как вы говорите, имели удовольствие общаться) разрешить проблемы со здоровьем — вы извините, мне не доводилось слышать ничего более глупого за последние несколько лет. А ведь вы совсем не глупый человек. Значит, вы просто не искренни. Я скажу вам без обиняков, уважаемый Бадри Ревазович, что я думаю об истинных причинах вашего молчания. Я думаю, что правду вы сказали только в том, что сами вы рассматриваете наше общение вне контекста партии Яблоко. Для вас это вопрос кавказского менталитета и владикавказской конъюнктуры. Я думаю, что поскольку у Руслана с вами общие друзья, то вы в целом тоже не против того сценария, которому способствовал Руслан. Вы мне сказали, когда

я вас видела в последний раз, что нотариус Залина Агузарова ваша хорошая знакомая и предложили мне ее помощь в оформлении карты. Я вам сказала, что могу разговаривать с любым другим нотариусом, кроме этого, потому что в нотариусе именно этого нотариуса таинственно исчезло завещание моего отца, о котором он говорил мне лично в том числе. Еще я хорошо помню, что Залина Агузарова отказывалась выдавать мне справку о том, что я написала заявление о получении наследства, настаивая на том, что мне «почтой пришлют», а без заявления нельзя рассчитывать на наследство. Я ничего не могу доказать, но я имею право на личное убеждение, и мое личное убеждение состоит в том, что отец составил завещание в нотариусе Залины Агузаровой. К вам это, разумеется, не имеет никакого отношения, кроме того, что после того, как у вас с Русланом нашлись общие знакомые, вы стали настойчиво квалифицировать наш конфликт как внутрисемейный. Потом вы ушли, и я вас больше не видела, а вскоре совсем пропали со связи. Я думаю, уважаемый Бадри Ревазович, что вы своим молчанием, и зная об общем давлении на диссидентов в республике, о котором вы не можете не знать, проводили какую-то свою только вам известную политику. Я думаю, что все ваши слова о силе, гордости и восхищении откровенное издевательство над калекой. Я отдаю себе отчет в том, что вы председатель партии и если я хочу оставаться в Яблоке, мне придется с вами общаться. Для меня главное обойтись без лицемерной дружбы. Мне вам больше нечего сказать, Бадри Ревазович, поэтому лучше, если вы пришлете мои книги с таксистом и не будете утруждать себя, тем более, что вы глубоко впечатлили меня своей занятостью. Спасибо.

PS Дорогие друзья, не зная кого отметить отмечала всех кого узнавала, чьи тексты скрашивали мое одиночество все это время. Вы, конечно, всегда можете снять отметку. Спасибо за терпение и понимание.

Людмила Зинченко Это кошмар! Бедная Лейла, как вы живёте, без помощи и без поддержки! И, якобы, «слуги народа»,

не хотят вообще ничего сделать, для чего тогда создаются все эти партии??? Для кого? Только для собственного обогащения и удовлетворения своего Эго! Если и была какая-то вера в справедливость «Яблока», то теперь, я вижу, что и они тоже липовые! Круговая порука бандюков! О людях они знать ничего не желают! Зато мгновенно находят миллионы для собственных выборов! Только на Бога остаётся надежда, что все же поможет вам справиться с болезнью и помощь вам придёт! Не все ведь бесы на земле, есть и ангелы! Не отчаивайтесь!

Елена Птицына Ставим крест на партии «Яблоко». Буквально вчера прочла заметку Андрея Новоселова (если не путаю) об отношении партии и лично их лидера к своим избирателям. Здесь вы описали еще одного. Неприятные люди!

Валентина Гордеева Разве можно по одному человеку судить о всей партии? Это неразумно! В партию Яблоко вступают разные люди, там нет какого-то отбора, в свое время в ней состояли и Яровая, и Мизулина… Это не дескредитирует саму партию а скорее людей, которые изменили своим идеалам!

Лейла Хугаева Спасибо за поддержку, друзья. Честно говоря, я сама в таком шоке от всего этого, что пока даже не знаю как реагировать. Буду писать дальше, пока остатков здоровья хватит.

Бадри Газзати Народ, при чем здесь ЯБЛОКО. У человека личная трагедия со здоровьем. Родной брат Лейлы заместитель руководителя федеральной партии «КОММУНИСТЫ РОССИИ» с широкими возможностями, в том числе и финансовыми. Кроме этого у Лейлы есть и другой брат и сестра и мать и много родных, которые ей в состоянии помочь и по их уверениям максимально помогают. Ни я ЛИЧНО, ни партия ЯБЛОКО не являемся благотворительными организациями, тем более, если ближайшие родственники Лейлы категорически против вмешательства

в их семейные проблемы. Лейла, если вы не можете урегулировать внутрисемейные вопросы, то какие претензии к другим и конкретно ко мне??? Если вы за публичное общение, то публично отвечаю Вам. У ваших братьев больше возможностей, чем у меня. Я не вижу возможности, как я должен прийти в вашу семью и вперёд ваших братьев что то предпринимать. Кто нибудь из здесь виртуальносочувствуюших может объяснить как это возможно. Желательно на личном примере. Приезжайте во Владикавказ и начинайте объявлять сбор средств для Лейлы, обрекая на публичный позор Ее братьев и всю фамилию Хугаевых. И ещё раз, для особо политически активных и сердобольных. Партия ЯБЛОКО здесь абсолютно не при чем. И все оскорбительные высказывания на совести их авторов и лично на совести Лейлы.

Lali Lara Как мерзко, как низко, как грязно,

Лейла Хугаева Если здесь кто то кого то позорит, г-н Газзати, то это вы позорите общественную организацию Яблоко. У вас безусловно есть право на свой кавказский менталитет и на жизнь по горским понятиям, но какое отношение это имеет к либерально-демократическому движению, которое вы представляете в республике? Вы может быть не знаете, что есть такой жуткий закон Мизулиной о декриминализации насилия в семье, который та самая партия, которую вы якобы представляете резко осуждает?! Первый раз я перестала общаться с Русланом когда мне было 14 лет за то что он позволял себе физические методы «воспитания». Я тогда ему сказала — ещё раз меня тронешь я пойду в милицию. Сейчас благодаря закону Мизулиной и так сказать не получится. Вред который нанёс мне Руслан уже гораздо серьёзнее, вы как всегда лицемерно избегаете говорить по сути предмета. И я имею право требовать отказа от родственных отношений. Я по этому поводу писала Ивану Павлову в Команду 29, и обращалась в Яблоко. Разве вы лично не поддержали идею Интервью для Яблока,

где я подробно изложила ситуацию с нападением на меня в моей квартире? К кому ещё обращаться за оглаской и выражению протеста как не к политической демократической организации? Однако вы проигнорировали и это соглашение и не стали ничего публиковать. Если вы тупой и не понимаете что значит прекращение родственных отношений, хотя я много раз писала и говорила об этом публично, и будете утверждать что женщина собственность своей семьи согласно горским обычаям то повторяю вопрос — что вы делаете в Яблоке? Руслан располагает средствами которые остались после моего отца, в моем публичном обращении отдать часть этих средств на лечение он мне отказал. Но если бы и отдал сделал бы то что должен и это никак не изменило бы моего отношения к нему. Я не прошу его денег, это деньги моего отца. Мне стыдно слушать ваши глупости о том, что сбор средств кого то позорит. Например Дмитрий Гудков регулярно собирает деньги на свои кампании, что то я не слышала чтобы это опозорило его, его фамилию и партию. Я однажды спросила вас может ли Яблоко помочь мне в сборе средств. Я делала и здесь публикации на эту тему. Вы лично предложили мне помощь в сборе средств через местное телевидение, потом вы передумали и я больше не стала с вами об этом говорить. Я понимаю что вы делаете акцент на этой стороне вопроса потому что вам стыдно за своё поведение и больше нечего возразить. Однако, я просила вас вернуть мои книги и вы не отвечали на мои сообщения, и я все ещё не уверена что вернёте. Стыдно, г-н Газзати, использовать рычаги общественной организации в своих личных целях, утверждая что я обращалась за помощью к вам лично. Уж не знаю зачем это вам понадобилось.

Лейла Хугаева Какая наглость, какое тотальное лицемерие — сейчас только обратила внимание на фразу с которой этот человек начал свой лживый комментарий. «У человека личная трагедия со здоровьем». Это говорит человек, который был инициатором ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ ЯБЛОКА, и который очень

хвалил его и обещал опубликовать. По моему там довольно чётко прописано, является ли моя травма «личной трагедией со здоровьем» или результатом нападения. Та наглость с которой вы теперь утверждаете прямо противоположное тому, что собирались якобы публиковать очень чётко говорит о целенаправленном враньё. В какой момент вы так круто поменяли своё мнение и от ИНТЕРВЬЮ ДЛя ЯБЛОКА перешли к «личной трагедии со здоровьем»?! Ежу голубоглазому понятно, что просто поставили себе целью де-политизацию проблемы, вывод темы на бытовую ситуацию — ровно то что делали все это время менты и Руслан. Потом я смотрю вы пишите что «родной брат Лейлы, зампред федеральной партии КОММУНИСТЫ РОССИИ», с широкими возможностями в том числе и финансовыми». Скажите каким образом финансы партии КОММУНИСТЫ РОСИИ могут иметь отношение ко мне?! Вы вообще себе представляете разницу в идеологии между Яблоком и Коммунистами? С вашей беспринципностью я успела познакомится, возможно для вас это не барьер, что касается меня я очень чётко ответила на ВАШЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОГОВОРИТЬ С РУСЛАНОМ ОБ ЭТИХ СРЕДСТВАХ, что ни в коем случае никакой помощи от Руслана лично и тем более от его партии я не приму. Я делала много постов о том, что Руслан не вернул нам с сестрой наследство и показывала там документы — и речь всегда шла только об этих средствах. Руслан категорически отказался их отдавать на мое лечение. И когда вы здесь с такой беспримерной наглостью говорите что мои «родственники категорически против вмешательства в мои дела» — вы как раз подтверждаете какая страшная беда иметь Руслана в качестве родственника. Который сам ничего не даёт и другим категорически запрещает. Поэтому я публично об'явила что этот человек мне не родственник и КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ВМЕШИВАТЬСЯ В КАКИЕ БЫ ТО НИ БЫЛО МОИ ДЕЛА И ТЕМ БОЛЕЕ УКАЗЫВАТЬ ДРУГИМ. Особенно когда мне очень, просто совершенно необходима помощь. Например моей сестре и ее супругу, которые все это время мне помогали в отличии

от Руслана — будучи в отличие от него очень заинтересованы в моем выздоровлении в кошмарном сне не придёт в голову сказать такую глупость о которой вы говорите. КТО ВЫ ТАКОЙ ЧТОБЫ ГОВОРИТЬ ЧТО БЛИЗКИЕ МНЕ ЛЮДИ КАТЕГОРИЧЕСКИ ПРОТИВ МОЕГО ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ. То что Руслан против я знаю, вот поэтому будьте добры никогда не называть его моим родственником. И эта ваша маленькая хитрость смешивать всех родственников в одну кучу такая же примитивная как и вся ваша ложь. Наконец вы говорите что у меня множество состоятельных родственников которые горят желанием оплатить мне мое лечение. Я требую чтобы вы перечислили мне поимённо этих миллионеров благодетелей, о которых я слышу от вас впервые. Если вы не назовёте мне сейчас же этих родственников «много родных которые в состоянии ей помочь и максимально помогают» — вы не просто наглый лжец, вы ещё и откровенный злодей, который делает все чтобы лишить меня последней надежды на помощь людей. Вы просто негодяй со всеми своими мерзкими хитростями вроде «позорить ее фамилию, собирая ей деньги на лечение», который в союзе с Русланом мешает найти мне хоть какаю то помощь. Я помню что вы рассказывали мне, что работали советником последнего президента Агузарова, и знаю что Руслан тоже очень дружен с этой семьёй. Так что ваши истинные мотивы той поддержки, которую вы оказываете Руслану для меня совсем не секрет, и меньше всего это на самом деле связано с Яблоком. Так я жду имена родственников, которые готовы оплатить мое лечение.

Лейла Хугаева Вот здесь ясно видно, что я очень чётко отказалась от Вашего предложения попросить для меня деньги у Руслана.

Marina Smith «Прийти в семью и вперёд ваших братьев что то предпринимать» ...«облекая на публичный позор Её братьев» ... Это вообще о чем? Причём тут братья? Почему Бадри

Газзати печется о репутации братьев семьи Хугаевых? Это какой-то средневековый цирк с конями, а не политический деятель секулярной страны 21 века.

Бадри Газзати Если вы ничего не понимает, то объясню. Брат Лейлы политик, публичная личность. Я с ним общался и он лично просил не вмешиваться в их семейные дела. Все что нужно Лейле они в состоянии самостоятельно решить. Как вы себе представляете дальнейшие мои мероприятия????

Елена Дунаевская Бадри Газзати ВЫ ВИДИТЕ, КАК ОН ИХ РЕШАЕТ. ПОЧЕМУ ВЫ СЧИТАЕТЕСЬ С МНЕНИЕМ БРАТА ЛЕЙЛЫ, А НЕ СО ЗДОРОВЬЕМ ЛЕЙЛЫ?

Лейла Хугаева Елена, вы видите для него «публичный человек и политик» значит все, ему даже не интересно политика это большевиков или национал социализм. Мнение человека той же якобы идеологии — для него пустой звук, хотя он выслуживается тут перед начальством Яблока. Но ведь я из Яблока, а Руслан политик враждебного лагеря — его мнение В ОТНОШЕНИИ МЕНЯ все, а мое ничего.

Бадри Газзати Лейла, родственные отношения превыше всякого политиканства. Жаль, что вы не в состоянии этого понять.

Елена Дунаевская Бадри Газзати Простите, но это же НЕ ВАШИ родственники. Почему Вы выступаете судьей в чужих родственных отношениях вместо того, чтобы подуматьб чем помочь больному человеку?

Бадри Газзати Лейла Хугаева спасибо. И вам того же. И перестаньте писать мне и обо мне. Ничем абсолютно не обязан.

Бадри Газзати Елена Дунаевская помогите, за чем же дело.

Marina Smith Бадри Газзати, т е. прихожу, например, я в полицию или какую-то общественную организацию, а меня там проверяют на предмет, знают ли мои братья о моих проблемах. И если они не знают, меня отправляют со словами «ничем помочь мы не можем вам, братья вам помогут!». Так?

Лейла Хугаева Книги верните немедленно. Ещё как обязаны.

Елена Дунаевская Бадри Газзати Я помогла, сколько могла. Я — доцент на полставки, помогу еще. Я в указаниях на этот счет не нуждаюсь. А Вы.

Лейла Хугаева В самом деле, четыре тысячи перечислила мне Елена.

Бадри Газзати Елена Дунаевская объявите сбор средств для неё. Именно этого она требует.

Лейла Хугаева Я показала письмо в котором отказалась от вашей помощи в сборе средств. Я требую чтобы вы опубликовали интервью для Яблока, а не врали с «личной трагедией здоровья»

Елена Дунаевская Бадри Газзати Уже объявляли. У людей мало денег, дают на больных детей, на собак. На взрослых деньги собираются плохо, написала мне глава одного детского фонда. В любом случае, местным людям объявить сбор денег на свою соотечественницу легче, чем мне. И сумма-то там — $8000. Мне стыдно, что у меня их нет, были бы — дала бы.

Бадри Газзати Уважаемая Лейла! Я Вас очень прошу не впутывать меня в ваши семейные проблемы. И не предъявлять претензии к партии ЯБЛОКО, поскольку это не благотворительная организация. Ещё раз объясняю, что ваши родственники против публичных мероприятий по поводу сбора денег. В конце концов,

напишите лично в благотворительные организации, зачем вы в политические партии обращаетесь, да ещё и распространяете неправду и оскорбления?

Елена Дунаевская Простите, человек болен, у человека нет денег на лечение. При чем тут родственники? Вы что, их деньги считали? Или можете им что-то советовать? Почему для Вас мнение родственников важнее мнения больного человека и ВАЖНЕЕ ЕГО ЗДОРОВЬЯ? Может быть, Вы их просто боитесь?

Marina Smith Елена Дунаевская, я думаю, последнее ваше предположение верно. Боится.

Бадри Газзати Лейла, на этом всякую публичную переписку с вами прекращаю. Все ваши оскорбления стерплю, пусть все будет на вашей совести. Удачи и выздоравливайте. Все же, обратитесь в благотворительные организации, если родственники вам не смогут помочь.

Наталия Марьина По-моему, Бадри Газзати ничтожество и продажная мразь.

Лейла Хугаева Вот публикация Интервью для Яблока, которую я делала в сентябре прошлого года.

У меня нет слов, чтобы передать степень моего восхищения и благодарности моим дорогим друзьям на Фейсбуке, единственной моей поддержке за все страшные годы тяжелого увечья. Я бесконечно благодарна Марине Смит, Елене Дунаевской, Елены Птицыной, Валентине Гордеевой, Наталье Марьиной за участие в обсуждении этого поста, за моральную и социальную поддержку, которую они мне, таким образом, оказали. Поскольку пост был опубликован как общедоступный, я думаю, что не иду против их воли, публикуя его в этой рукописи.

Что касается случая с Бадри Газзати, то если сравнить письмо, которое он мне прислал в надежде, что я проглочу наживку и не пойму разницу между «обращаться лично к нему» и «Обращаться в партию Яблоко», и стану дальше вести с ним диалог, сравнить с тем резким тоном, которым он обвиняет меня в «распространении неправды» и в «личной трагедией со здоровьем», становится очевидным, что письмо было уловкой и обманом. Газзати и Руслан боятся одних и тех же людей, тех, кто заточил меня в психушку, тех, кто сломал мне в Москве спину, и тех, кто постоянно, со времен Склифа портит мне выписные документы, стараясь вписать туда диагноз о невменяемости. Я поняла это, и написала вот этот пост, где ему пришлось разоблачить свою настоящую позицию, в которой он категорически не хочет признавать никакой связи моей травмы с моими работами, со слежкой и преследованием, и развивает версию спецслужб и Руслана о том, что «сама прыгала», что сумасшедшая и тд и тп. Заметьте, что это тот же самый человек, который попросил меня самостоятельно написать «интервью для яблока», которое он якобы опубликует в своей газете «Свободный взгляд», и которое он одобрил в мессенджере. Зачем же было так явно врать, понятно, что ему такое не могло присниться в страшном сне. Кто стоит за ним, за Русланом? Чья невидимая рука оставляет меня раз за разом без поддержки? Вы заметили как важно было ему заявить, что мне ни в коем случае не следует помогать со сбором средств на лечение? Сейчас мне просто важно разоблачить подлость тех людей, которые стоят за Газзати и Русланом, о лечении и тем более выздоровлении говорить уже поздно. Я очень больна, но пока я жива, для меня как для всех, важно жить и умереть свободной.

Что касается самого интервью, то с тех пор я опубликовала монографию «Теория психической энергии вместо социологии и психологии. Тождество научного и народного суверенитета», где эта мысль развита значительно лучше. Следствия для политики из теории психической энергии, я имею ввиду.

ГЛАВА 8. ВТОРОЕ ОСЕВОЕ ВРЕМЯ

> «В доступной нам человеческой истории есть как бы два дыхания. Первое ведет от прометеевской эпохи через великие культуры времени к осевому времени со всеми его последствиями. Второе начинается с эпохи науки и техники со второй прометеевской эпохи в истории человечества, и быть может приведет к новому еще далекому и невидимому второму осевому времени, к подлинному становлению человека. Теперь весь вопрос в том, сохранит ли грядущее развитие свою открытость и завершится ли оно, проходя через жесточайшие страдания, искажения и ужасающие провалы, созданием настоящего человека. Хотя каким образом это произойдет, мы еще себе совершенно не можем представить»

К. Ясперс Истоки истории и ее цель

> «Я убежден как младенец, что страдания заживут и сгладятся,, что весь обидный комизм человеческих противоречий исчезнет, как жалкий мираж, как гнусненькое измышление малосильного и маленького, как атом, человеческого евклидового ума, что наконец в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими крови, хватит чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось с людьми»

Ф. Достоевский Братья Карамазовы

Руслан всегда говорил, что отец меня избаловал, что моя учеба — это капризы и глупости, и что мне надо «перекрыть финансирование». Я нисколько не сомневаюсь, что если бы финансирование было в его руках, то так все и было бы. Потом он сделал все, что было в его силах, чтобы оставить меня без средств. С отцом мы дискутировали, Руслан всегда навязывал свое мнение, как все коммунисты, к которым он принадлежит. Мать спасла меня после смерти отца тем, что защитила меня, когда я какое-то время жила с ней, а потом обменяла мне свою квартиру на мою долю в наследстве. Это дало мне время окрепнуть, написать первые мои серьезные книги.

Отец был литератором, человеком с поэтическим даровани-

ем, с глубоким творческим потенциалом, который хоть и не раскрылся, но сформировал его «нежную», «чуткую» душу, его уважение к интеллектуальному труду. Если мои научные работы действительно что-то значат для науки, то этот вклад я всецело разделяю со своим отцом. Он много со мной разговаривал на эти темы, он гордился моими способностями, он меня поощрял. Когда я заключила контракт с московским издательством НЦ ЭНас, а потом у меня там вышла книга "4500 базовых слов английского языка и их исторические корни", которая продавалась во многих городах России, не только в Москве, он целый месяц носил ее повсюду с собой и хвастался как ребенок. Но что самое главное, он финансировал мою учебу. Он был единственным человеком у кого нашлись средства на финансирование моего научного проекта. Сначала он помог мне перевестись в Москву, что очень много значило и для моего умственного и для социального развития. Главное у меня появился доступ к книгам, к серьезной литературе. Потом он содержал меня в Москве все время моего студенчества (мы с Роландом делили триста долларов на двоих, рента от квартиры на Плиева, которую отец сдавал финнам). Когда не хватало на книги, всегда можно было выпросить у отца. Потом он позволил мне продать эту квартиру и купить по однокомнатной мне и сестре. Долгое время я тихо жила в этой квартире на окраине города со своими чемоданами книг, привезенными из Москвы и занималась. И опять отец содержал меня. Он дал денег на необходимый ремонт, он назначил мне небольшую пенсию в 1500 руб, и себе я купила квартиру подешевле на окраине города и у меня еще оставалось немного денег. Продукты я могла брать у него, а эти небольшие деньги позволяли мне тратить все свое время на учебу. И хоть он все это время убеждал меня, что надо пойти на работу «а по вечерам писать книги и учиться», все же не мог насильно меня заставить и отказаться меня поддерживать. Так я и прожила там, на ГЭСе четыре года, в полной изоляции в окружении своих книг. Потом я продала эту квартиру и уехала продолжать учебу в Москву уже в аспирантуре. И опять отец хоть

и не желал этого не смог насильно навязать мне свою волю, только как обычно переживал о моем слабом здоровье и о том, что я не справляюсь в Москве. Если бы не отец я бы не смогла ни уехать в Москву, ни посвятить все свое время учебе и книгам. Мне пришлось бы тратить свое время на ту бездарную среду, которую сегодня представляет российская провинция, и конечно, ученым бы я уже не стала. Я бы не смогла уехать в Москву и то давление, которое создавал вокруг меня Огоев, обязательно бы меня сломало. Тот факт что у меня были средства на поездки и на учебу, было свое отдельное жилье дома и свое жилье в Москве — только этой колоссальной поддержке Романа я обязана тому, что сегодня я автор теории психической энергии, и у меня уже больше десятка книг по теме.

Я связываю большие надежды с открытием психической энергии. Я полагаю, что когда Ясперс говорил о втором осевом времени, он имел ввиду именно период, когда люди найдут знания о самих себе, это он называл становление «настоящего человека». И тогда, как говорит и Достоевский, больше не будет места трагедии в жизни человека. Образование станет качественным и доступным. Конечно, это не только моя заслуга. Энергетика Оствальда, гуманистическая психология, поле Эгосистемы Фрейда, эксперименты Милграма, антропология Леви-Брюля и Дюркгейма — много работы было проделано прежде чем знания можно было систематизировать в теорию психической энергии. Но и мой вклад велик. До сих пор никто другой не только не видит этого синтеза, но и не хочет признавать того, который сделала я в теории психической энергии. Знания о своей энергии позволят людям сохранять здоровье; сегодня разрозненные обрывки знаний не дают этой возможности, вот почему я писала об «импотенции современной психологии». Поле эгосистемы научатся идентифицировать и нейтрализовывать еще в процессе образования детей. Дети будут расти со здоровой развитой психикой. Поле интеллекта и совести, свободное от поля эгосистемы станет фундаментом здорового общества. Пространство интеллекта, которое сейчас доступно единицам, станет доступно всем или почти всем.

Величие философии Карла Ясперса о мировом историческом процессе состоит в том, что он понял вопреки преобладающему цивилизационному подходу, что развитие человечества есть единый процесс разворачивания и становления единой человеческой природы. Он начинает отсчет этого становления с так называемого осевого времени, которое понимает как «мировую ось истории», пробуждение духа и разума, пробуждение истинно человеческой природы, начало становления человека.

Он относит к осевому времени 7—8 века до нашей эры, время зарождения греческой философии, иудейских и индусских пророков, китайской философии. Он видит историю как становление духа, и в этих духовных культурах видит яркое свидетельство созревания и прорыва этой духовной энергии.

Синтез греческой философии и прозрений иудейских пророков привели к зарождению христианства, которое стало лейтмотивом западной цивилизации на протяжении долгих веков, вплоть до летоисчисления нашей эры. Так начиналось становление и развитие духа. Но Ясперс видит и не может не видеть, пережив гитлеровскую войну, что первого осевого времени было недостаточно для становления «настоящего человека», и что эра науки и техники, скорее всего есть начало, зарождение второго осевого времени, которое наконец приведет к становлению человека, к полному развитию его духовной энергии. Мы только начинаем, не раз подчеркивает он. Но он еще не знает и не видит предпосылок в современной ему науке, чтобы кто либо мог с очевидностью говорить о том, в чем, собственно, будет выражено второе осевое время.

В наше время развитие гуманистической психологии, которое шло в общем русле первого осевого времени, изучая энергию духоборчества, преодоления эгозащиты (как в христианстве или в буддизме), уже дает весьма различимые очертания той революции, которую принесет с собой второе осевое время. Для меня нет сомнений в том, что второе осевое время, которое станет вторым рубежом, образующим «ось мировой истории», станет открытие психической энергии. И тут все пророчества Яс-

перса в полной мере оправдываются: и связь с первым осевым временем и развитие второго из науки и техники. Действительно, без открытия других природных энергий, человек не был готов к открытию своей энергии. Но именно переход от поэзии и абстрактной расплывчатости гуманистической философии первого осевого времени к открытию психической энергии, как полностью научной картине человека и общества будет составлять тот качественный рубеж между первой и второй осью мировой истории.

Научная революция создала пространство обитания человеческого духа — пространство интеллекта. Дух человека движется не по земле, он движется в поисках знания, собирая их и созерцая их мощь и красоту. Страсть к науке, потребность в истине — такова основа здоровой, духовной энергии человека. И когда эти знания стали появляться, одни за другими, когда наука широко открыла свои врата и туда вломились массы голодных до знаний новых поколений, человечество незаметно для себя сменило пространство своего обитания, с физического, общего с животным миром, на интеллектуальное, выраженное в абстрактных формулах интеллекта, которые только интеллект и способен понять. Дом найден, но он основательно захламлен. Первые попытки поисков знаний, далеко не всегда удачные, привели к нагромождению многих противоречивых теорий и гипотез, засоривших пространство интеллекта. Человек желает учиться, желает жить и двигаться в пространстве интеллекта, грызет гранит науки, переходит от теории к теории, но только все больше запутывается, и вынужден топтаться на одном месте. Двигаться в пространстве интеллекта получается сегодня у очень немногих. А между тем именно это настоящий дом всякого человека. Наверное, одним из наиболее ярких примеров такого хаоса в пространстве интеллекта является та дискуссия, которая сегодня идет в философии об характеристиках «истинности бытия». Какое бытие считать подлинным, какие характеристики психики здоровьем и развитием? Даже в пределах одного только экзи-

стенциального философствования представлены две прямо противоположные точки зрения:

1. Ницше, Сартр, Хайдеггер, Шестов, Набоков стоят за отрицание разума, совести, гуманизма и проповедуют культ эгоизма, иррационализма, «апофеоза жестокости»

2. Ясперс, Камю, Достоевский, Толстой, Газданов напротив, в общем для гуманизма русле называют подлинным бытием преодоление эгоизма, невежества и мистицизма и выход к духовной энергии интеллекта и совести.

Эти две энергии в человеке действительно существуют, их испокон веков называют добром и злом, но о каком законченном становлении человека может идти речь если до сих пор доподлинно незвестно, какая же собственно из двух есть зло, а какая добро. Если на этот счет все еще идут ожесточенные споры? Ясперс и Хайдеггер, Сартр и Камю, Набоков и Газданов рассорились в свое время именно потому, что придерживались прямо противоположной точки зрения о том, что именно в человеке, поле эгосистемы или поле интеллекта и совести (если говорить терминами теории ПЭ) есть добро, а что зло.

Мало было найти Дом, важно навести в нем порядок, расчистить дороги и комнаты, чтобы сделать его пригодным для обитания. Именно в этом будет состоять миссия открытия психической энергии. Открытие законов психики раз и навсегда упорядочит знания всех социальных наук, сведя психологию и социологию к единой дисциплине теории психической энергии. Тогда встанет новая церковь, святые которой давно ждут своего признания. Это великие ученые и художники человечества: Платон, Пифагор, Сократ, Декарт, Спиноза, Русо, Эйнштейн, Ньютон, Рассел, Кьеркегор, Тесла, Максвелл, Толстой, Герцен, Достоевский, Ясперс, Кропоткин, Чехов, Ромен Ролан, Фромм, Маслоу, Хорни, Ганди и многие многие другие великие умы и таланты человечества, которые тянули развитие человечества часто в одиночку на своих плечах.

Тогда случится то, о чем пишут Ясперс и Достоевский: настанет эра становления настоящего человека, его дух получит пол-

ное развитие, энергия людей станет единым духовным резервуаром, люди станут помогать, поддерживать, сочувствовать друг другу. Вся патология эгозащиты, с ее подлостью, тщеславием, жестокостью, садомазохизмом уйдет в прошлое как страшная болезнь, о которой будет страшно вспоминать.

Сегодня авторитет науки очень высок. Интеллигенция составляет тот нерв современной цивилизации, на которой держится вся ее сила. Вы не заставите интеллигенцию, ученых и инженеров выполнять их сложный квалифицированный труд, если они придут к убеждению, что то что они делают есть зло. Потому интеллигенция составляет ту мировую народную армию, на которой держится дух прогресса и свободы, дух оппозиции грубой силе. Борьба за свободу сегодня — борьба за сочувствие мировой интеллигенции. Способность создать единую духовную силу и противопоставить ее грубой силе, которая во все века стремится к угнетению народа и к садомазохизму.

Этого тоже можно добиться только строительством пространства интеллекта в русле церкви рационализма, о которой я говорила выше. Сегодня силы интеллигенции, а значит духовной энергии человечества, распылены и разрушены, людей ничего или почти ничего не объединяет. Даже Майкл Игнатьев в книге о Правах человека старается свести всю теорию прав человека к доктрине релятивизма, к относительной ценности идеи прав человека в зависимости от конкретной политической конъюнктуры. Он не хочет признавать даже общую природу человека, и считает этот факт, чуть ли не доказанным исходя из состояния современной социальной науки. Таким образом, идея вновь становится в зависимость от силы, и силовой контроль одерживает вверх над духовной энергией.

Спартаком нашего времени станет тот кто укажет массам дорогу в пространство интеллекта, а для этого нужно обобщить и систематизировать весь тот хаотичный материал, который сегодня грудами мусора ваяется там в виде противоречивых и слишком абстрактных теорий. Я предлагаю для этих целей психическую энергию. Если вы можете доказать ее несостоя-

тельность или предложить что то лучше — это ваш святой долг по отношению к нашему общему дому, к пространству интеллекта. Если теории психической энергии удастся открыть дорогу массам в пространство интеллекта и объединить духовную энергию интеллигенции, силовой контроль будет раз и навсегда побежден.

Бертран Рассел писал в «Воздействие науки на общество», что развитие технике приведет в конечном итоге к тому, что никакой бунт станет невозможным, потому что достаточно будет поднять пару истребителей в воздух, чтобы уложить всех Спартаков и гладиаторов на месте. Это правда. И военных можно подчинить хорошими зарплатами и статусом с привилегиями. Но ведь технику, которая составляет всю силу этого общества, обслуживает интеллигенция, а это духовная энергия, которая функционирует согласно своим, сильно отличным законам. Интеллигенцию никто не заставит работать, если она будет сознавать, что поддерживает зло. И вот для этого необходимо единая духовная энергия, международное сообщество научного контроля, без которого нет и не будет никакой полноценной политики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Газданов Г. Пробуждение. Эвелина и ее друзья. СПб: Азбука, 2017

2. Кибальник С. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб: Петрополис, 2011

3. Достоевский Ф. Братья Карамазовы СПб: Азбука, 2013

4. Шестов Л. Достоевский и Ницше СПб: Азбука, 2016

5. Ясперс К. Смысл и назначение истории М: Издательство политической литературы, 1991

6. Игнатьев М. Права человека как политика и как идолопоклонство М: новое литературное обозрение, 2019

7. Эйнштейн А. Цитаты и афоризмы М: КоЛибри 2015

8. Толстой Л. Соединение и перевод четырех Евангелий M:T8RUGRAM, 2017

9. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни М: ДЕЛО 2018

10. Новгородцев П. Лекции по истории философии права М: КРАСАНД, 2011

11. Кьеркегор С. Или-Или СПб: Амфора 2011

12. Макиавелли Н. Государь М: Эксмо 2009

13. Грин Р. 48 законов власти «РИПОЛ классик»; М; 2005

14. Грин Р. Искусство обольщения «РИПОЛ классик»; М; 2005

15. Дробанская — Ландау К. «Как мы жили». Воспоминания.

16. Бинг С. Как бы поступил Макиавелли?

17. Леви — Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. «Педагогика — пресс». 1994.

18. Франкл В. Психолог в концлагере (Сказать жизни да) М: Смысл 2004

19. Фромм Э. Величие и ограниченность Фрейда М: АСТ, 2000

20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций И: АСТ 2017

21. Хугаева Л. Власть и контроль или импотенция современной психологии, Владикавказ: СОИГСИ, 2011

22. Хугаева Л. Болезнь Эго-девственности или космическая сила психической энергии, Владикавказ, Литера, 2012

23. Хугаева Л. Дорога в рай или Плюс моего минуса, Владикавказ Литера, 2013, Владикавказ: Литера, 2013

24. Хугаева Л. Переключи себе ток, Москва: Спутник +, 2008

25. Хугаева Л. Психическое насилие или война на поле психической энергии, Москва: Эдитус, 2013

26. Хугаева Л. Россия между Закрытым и Открытым обществом или теория эволюции человека, Москва: Эдитус, 2014

27. Хугаева Л. Любовь и ненависть в Корнеллском университете Издательские решения Ридеро, 2020

28. Хугаева Л. Романтизм и реализм или Лелия и Леля Издательские решения 2019

29. Хугаева Л. Теория психической энергии вместо социологии и психологии. Тождество народного и научного суверенитета. Издательские решения 2020

30. Хугаева Л. Рационализм против эмпиризма. Издательсике решения, 2020

31. Хугаева Л. Корневые группы в английском языке. М: Энас, 2003

32. Хугаева Л. 4500 базовых слов английского языка и их исторические корни. М: Энас, 2005

33. Milgram S. Obedience to authority: an experimental view NY: Harper Perennial Classic, 1983

34. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов М: ИРИСЭН, Социум, 2009

ПРИЛОЖЕНИЕ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х98

Хугаева Л.Р.
Психическое насилие или война на поле психической энергии. – М., Эдитус, 2013. – 166 с.

ISBN 978-5-906162-79-3

ISBN 978-5-906162-79-3

© Хугаева Л., 2013
© Оформление.
Издательство «Эдитус», 2013

Издательство «Эдитус»
129515, г. Москва, ул. Академика Королева, 13
+7 499 608-00-28
www.editus.ru

Подписано в печать 03.06.13
Формат 210x297. Печ. л. 42
Печать цифровая. Бумага офсетная
Тираж 20 экз. Заказ №1514

ХУГАЕВ

Роман Ясонович

За Ваши заслуги

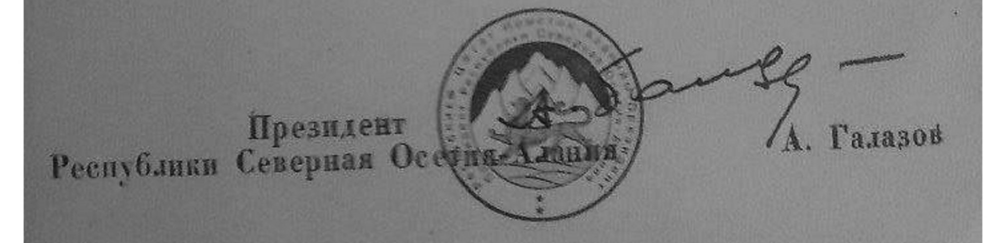
в области сельского хозяйства

Указом Президента
Республики Северная Осетия-Алания

от 13 ноября 1996 года

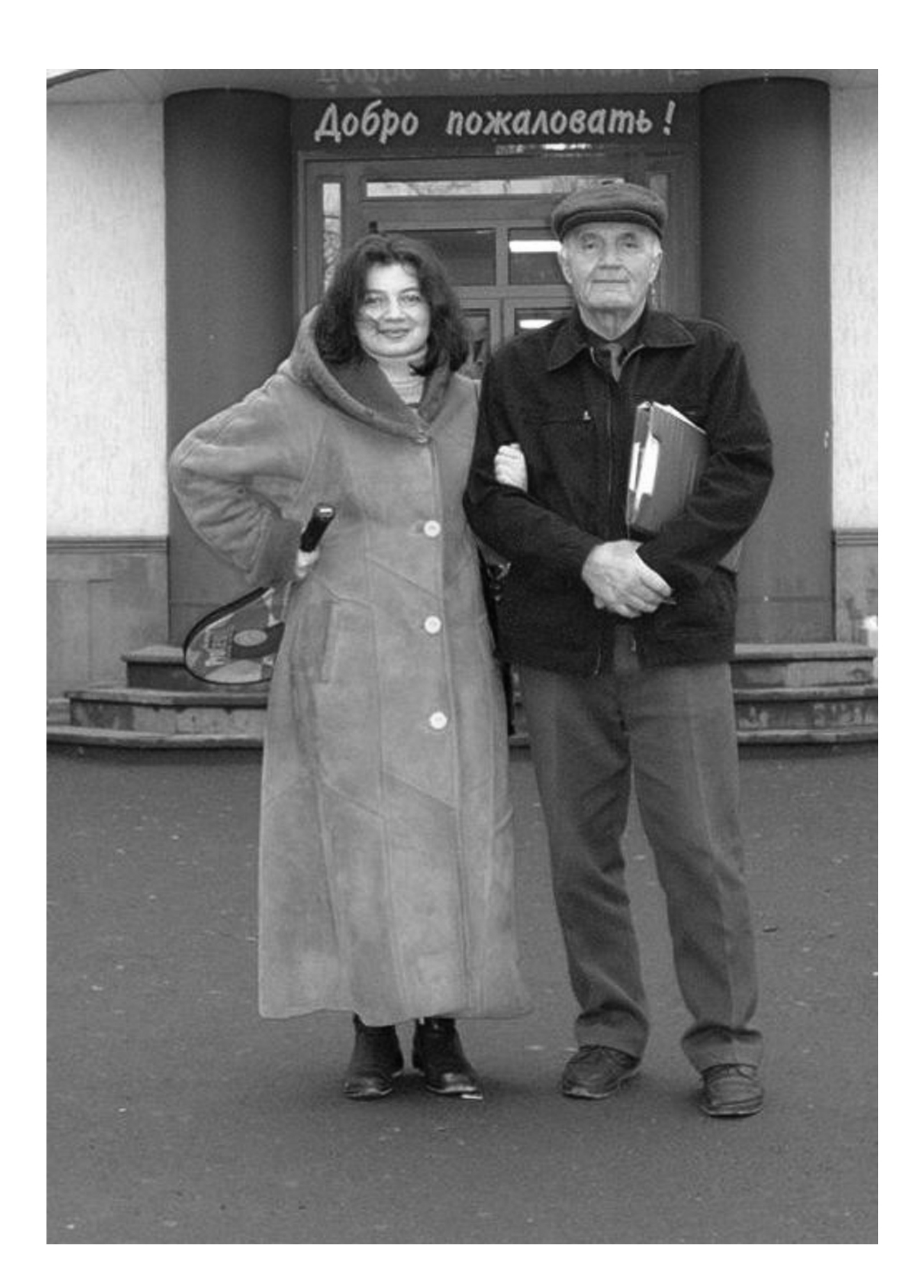
Вам присвоено почетное звание

**„ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ"**

Президент
Республики Северная Осетия-Алания

А. Галазов

Добро пожаловать!

№ п/п	Дата и номер первичного документа	Содержание операции	Доходы ВСЕГО	В том числе не принимаемые для расчета налога	Расходы ВСЕГО	В том числе не принимаемые для расчета налога
	Регистрация		Сумма			
1	2	3	4	5	6	7
	13-11-07					

Сегодня я склонен думать, что всё-таки не
дождусь выздоровления — умру. И вот
моя просьба к оставшимся членам семьи:
1) квартира на Кочоева будет принадлежать
Лейле.
2). Квартира на Кады будет принадлежать
Нюсе (пока она будет жить).
3) Дом-особняк на Гергиева будет при-
надлежать Русику и Робику.
(Русику 70%, Роберту 30%.
4) Сунженский дом будет принадлежать
Русику и сестрам.
Если кто нарушит мою волю тому
не повезет в жизни.
Больше у меня ничего нет. Деньги
которые я должен получить от
приставов (Беслан и дело, которое
ведет Кушнир) пойдут на мои дела
(ожидается около 200 тыс. руб).
Деньги в Октябрьском банке — тоже на эти
цели, их тоже немного

Сумма

Регистрация

№ п/п	Дата и номер первичного документа	Содержание операции	Доходы ВСЕГО	В том числе не принимаемые для расчета налога	Расходы ВСЕГО
1	2	3	4	5	6

Пусть будет проклят тот, кто обидит
Нюсю, Олю и Лейлу.
В моей жизни мне больше всех
дорога помощь Нюси, спасибо ей.
Из мальчиков больше всех проявил
заботу Рулик. Ему тоже большое
спасибо. Самая талантливая
из детей Лейла. Если она сохранит
здоровье, то она будет знаменитой.
Раде надо будет дать денег из наследства Рулика [?].

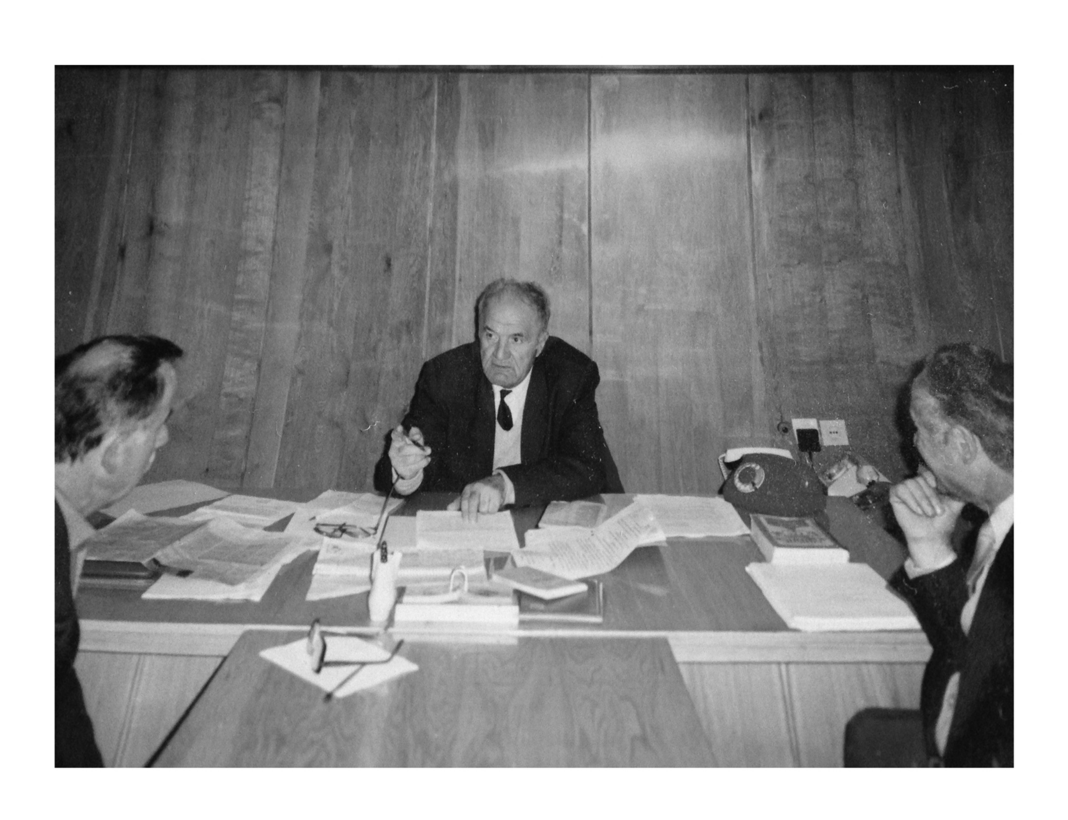
13.11-07. На эти мрачные мысли навело
меня обследование, проведенное
сегодня в РКБ (было исследовано
состояние сердца), результат плохой.
И все-таки поеду в Москву, а
может и не умру. Всевышний, по-
моги мне.

Дата и номер первич… докум… 2

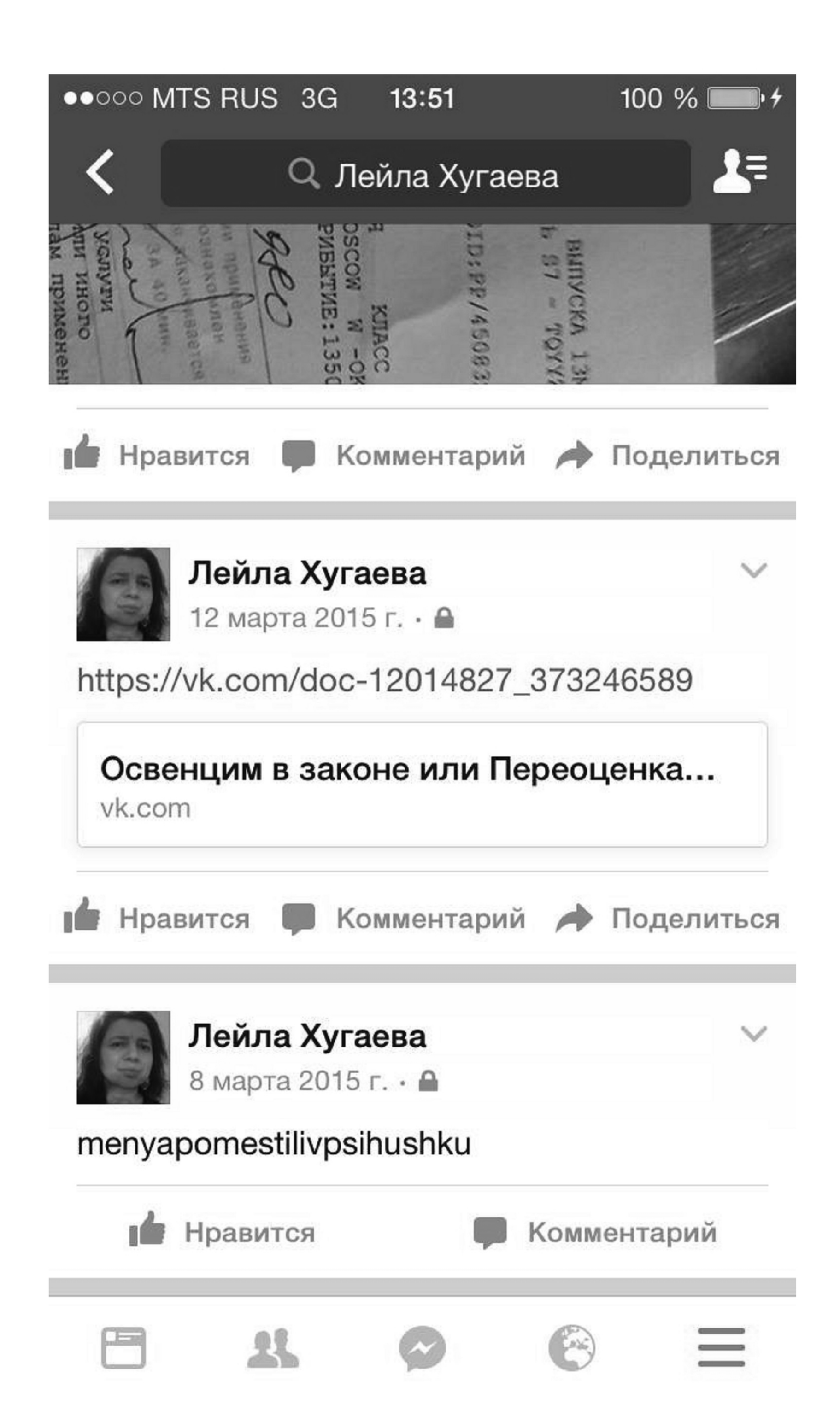
18-1…

21…

СССР
ЗА ТРУДОВОЕ ОТЛИЧИЕ
1870-1970
СССР
СОЮЗ
СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК
ОРДЕНСКАЯ
КНИЖКА
Хугаев
Роман
Леонович
Награжден орденом
№ ордена
376091
23472434_175543....jpg
23334360_175540...

MTS RUS 3G 13:51 100 %
Лейла Хугаева
Нравится
Комментарий
Поделиться
Лейла Хугаева
12 марта 2015 г. ·
https://vk.com/doc-12014827_373246589
Освенцим в законе или Переоценка...
vk.com
Нравится
Комментарий
Поделиться
Лейла Хугаева
8 марта 2015 г. ·
menyapomestilivpsihushku
Нравится
Комментарий

Лейла Хугаева

Братья Хугаевы и второе осевое время

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero